

Всё, что он хотел, он сказал...

Алексей Прасолов не страдал от «неизбежности ненаписанного» стр. 10–11

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 190

Основана в 1830 году при участии А.С. Пушкина. Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. Горького

№ 41

(6756)

14–20 октября 2020

www.lgz.ru

Выходит по средам

В НОМЕРЕ

3 Жуйте в маске, месье!

На фоне нарастающей второй волны пандемии европейские бюрократы бросили вызов Городничему, Медведю на воеводстве и унтеру Пришибеёву. Об этом рассказ корреспондента «ЛГ» в Париже.

6 Театр начинается не с вешалки

Глава директорской ложи театров Москвы Марк Варшавер — о родном «Ленкоме Марка Захарова» и премьерах нового сезона.

8 Печальный рыцарь смеха

Сатирическая злость нередко возникает от переизбытка доброты, считает филолог Виктория Миленко. Беседуем с ней о творческой судьбе русского поэта Серебряного века Саши Чёрного.

КНИГА НЕДЕЛИ

Альберт Измайлов.
«Ищу я в этом мире сочетанья...» Этюды о публицистике И.А. Бунина.

— СПб.: ГАЛАРТ
+, 2019.

— 232 с.: ил.

Альберт Измайлов рассматривает преимущественно одну грань творчества Ивана Алексеевича — его публицистическую деятельность до эмиграции из России. По мнению автора, менее изученную, чем проза и поэзия. ■

ЭПОХА

Монумент

Памяти Владимира Долгих, честного и счастливого Человека

Перевернута страница Истории. Ушёл из жизни последний из могикан. Последний из мастодонтов советской эпохи. Не стало Владимира Ивановича Долгих — «капитана» индустрии СССР, доктора технических наук, дважды Героя Социалистического Труда, шестикратного кавалера ордена Ленина, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, многолетнего секретаря ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР, а затем и Государственной думы РФ, российского сенатора от Москвы... Не стало истинного свидетеля века, живой легенды, и от этого особенно больно.

«Без идеологии и никакой конкретной цели, кроме жадности скорейшего обогащения, реформы не продуктивны — такова аксиома. В рамках годового бюджета судьбы огромной страны не планируются», — говорил он мне, когда мы встречались несколько вечеров подряд в штаб-квартире Московской городской общественной организации пенсионеров, ветеранов войны, труда, Вооружённых Сил и правоохранительных органов — таково её полное название. Расположена эта организация в престижном и людном месте. На Пушкинской площади. Структура, и в самом деле, достойная внимания властей. В столице проживает свыше 2,7 миллиона пенсионеров, из них 1,8 миллиона состоят на учёте в первичных ветеранских организациях по месту жительства. Одно слово — электорат, причём самый активный. И во главе этой организации много лет стоял он, чья биография — это, без преувеличения, летопись нашей страны.

Окончание на стр. 4–5

**Льготная
подписка
на «ЛГ»-2021**

ВЫГОДНО И УДОБНО!

ДЛЯ ВСЕХ РЕГИОНОВ РФ

С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ

180 руб.
на месяц

1050 руб.
на полугодие

2000 руб.
на год

на сайте www.lgz.ru

2 СОБЫТИЯ И МНЕНИЯ

ОЧЕВИДЕЦ

Анатолий Макаров, писатель

Богема и «бомонд»

Цитировать самого себя — занятие спорное. Но не удержусь от соблазна. Как-то позволил себе запальчивую сентенцию: богема — может быть, лучший тип людей и лучшая общественная среда, которой Россия одарила человечество. Поводом для высказывания послужило воспоминание.

Дело было в начале 90-х. В ресторане «Русский самовар» на Манхэттене в Нью-Йорке однажды вечером сошлись знаменитые русские артисты, писатели, художники, музыканты. И те, кто перебрался за океан, и те, кто приехал ненадолго. Почти всех их, родных, я помнил по бедной нашей юности: по спектаклям в полузапрещённых студиях, по ожесточённым спорам на вернисажах, по ночным шатаниям после очередной театральной или кинопремьеры. Все они в далёком Нью-Йорке были как из одной семьи.

Эти непутёвые «богемны», или, как писал Василий Аксёнов, «богемщики», свою неважно одетую публику, тот самый народ, из которого вышли, любили и почитали куда больше, чем официальную элиту в костюмах из закрытого распределителя или магазина сети «Берёзка». Можно сказать, что классическая российская богема представляла собой за безыязыкий народ в высоких сферах искусства и в залах партсъездов, а в дни душевной смуты безотчётно искала у него поддержки. Даже те, кто покинул Родину.

Много грехов водилось за богемой. Но в одном не упрекнёшь. Даже ублажив самолюбие поупкой вожделенной «иномарки», процветающий «богемщик» редко когда заносился перед окружающими. Не отделял себя внутри себя от зрительской, читательской — народной — массы.

Богема фрондировала, ёрничала, злословила, но с народом, с улицей была естественно солидарна и слитна. Перечила власти, а вот с богатством себя не отождествляла. В этом и состояло, если вдуматься, прельстительное богемное обаяние.

Теперь мне совсем не хочется повторять свою старую фразу.

Правда в том, что нынешняя богема, вкусив прелести «свободного рынка», обуржуазилась, очерствела. Не в том беда, что её представители обеспокоены стремлением «рассекать» на самых дорогих авто, а фильмы снимать в интерьерах рублёвских вилл. Печальнее, что нахлынувшее изобилие постепенно, но решительно изменило внутренний мир многих из них. Разве можно было вообразить, что популярный артист, выбившийся из низов, будет эти низы по-хамски презирать? Или «забывать», что и сколько пил перед тем, как убить на своей машине работника-курьера. Или после венчания в храме укатить на катафалке. Один обитатель актёрских общаг негодует на сограждан за то, что они не пропускают его без очереди. Глядишь, всплывет праведная обида, что в пояс не кланяются. Был любимец андеграунда с гордостью признаётся, что его внуки ни слова не знают по-русски. И как мы переживём столь драматическое охлаждение бывшего кумира к языку, который вывел его в люди?!

Завсегдатаи богемных тусовок, сами себя назначившие в публичные трибуны, клеймят народ за отсутствие политического темперамента. На деле же их собственный темперамент самодовольства мешает им приглядеться к нуждам и потребностям своего народа, к его душевным склонностям и чаяниям, а также уразуметь, отчего он равнодушен к их пламенным, но пустым обличениям.

Анна Ахматова находила опору в сознании, что была со своим народом именно там, где был и он. Белла Ахмадулина без кокетства называла себя дочерью и внучкой московских дворов. Нынешние тусовщики, возомнившие себя «бомондом», даже вообразить не могут, насколько их спесивое барство отдаёт лексикой и повадками Смердякова и чеховского лакея Яши. ■

ЗЛОБА ДНЯ

Раздрай у моря мира

Куда зайдёт ситуация на Южном Кавказе?

Об этом разговор с председателем Общероссийского движения поддержки флота, капитаном первого ранга запаса, кандидатом политических наук Михаилом Ненашевым.

— Михаил Петрович, в истории вокруг Нагорного Карабаха много составляющих. Очевидно, что тлевший долгие десятилетия конфликт затрагивает и регион Каспийского моря. Чего ожидать?

— Да, там разворачивается настоящая драма, что нас волнует, поскольку это рядом и касается двух близких стран. И особенно это важно для азербайджанцев и армян, которые проживают в России. Чисто по-человечески мы сопереживаем происходящему, не выделяя кого-то особо. Мы заинтересованы, чтобы перестала литься кровь. Я общаюсь с армянами, азербайджанцами, их всё это глубоко трогает, хотя каждый трактует происходящее по-своему. Но нет иной альтернативы, чем примирение и поиск приемлемого для всех выхода. Что касается Каспия, Россия многое делает, чтобы это море было регионом сотрудничества и добрососедства. И речь не только о прикаспийских странах, но и о тех, что рядом.

Надеюсь, горячая стадия вокруг Нагорного Карабаха скоро завершится. Если откровенно, никто, кроме нас, не в силах остановить развернувшиеся столкновения.

— Но нельзя исключать иную. И что тогда будет с Каспием,

с проектом, что он — море мира, сотрудничества?

— Опасный сценарий возможен. Американцы, британцы через союзников, спутников будут стараться давить, чтобы помешать усилиям России по поддержанию безопасности в регионе, решению практических вопросов, например по разделу Каспия, в сфере рыболовства, развития транспорта, охраны окружающей среды. Сейчас там царит дух конструктивности. Американцы вносят нервность, агрессивность, используя и зависимость от них государства, и различные региональные структуры.

Армяно-азербайджанский конфликт может не только стать источником проблем в регионе, но и привести к ослаблению мировой безопасности, и без того хрупкой. Главное — остановить стрельбу, не допустить, чтобы туда перебрались наёмники, добиться устойчивого перемирия, а остальное должны искать дипломаты путём договорённостей. Хотя картина такова, что слова о компромиссах пока ситуативные. Такие конфликты длятся десятилетия, нет быстрых решений.

— Есть ещё турецкий фактор. Его нельзя недооценивать.

— Турция без стеснения подаёт себя союзником Азербайджана, сама себя провозгласила главной в регионе. Теперь даёт понять, прежде всего Западу, что может создавать через армяно-азербайджанский конфликт сложности для России. Ещё и из-за этого нам надо стремиться побыстрее прекратить

вооружённый конфликт. Посланы сигналы и туркам, и всем, кто хотел бы там больше «горяченького»: мы всё видим, будем тушить пожар.

— Интересно, что в самые тревожные дни, когда уже гибли и мирные люди по обе стороны, успешно прошли испытания гиперзвуковой ракеты «Циркон».

— Для ВМФ и всех наших Вооружённых сил это означает системное обновление вооружения и техники, появление новых ракетных комплексов. Не так давно кто-то иронизировал, что, мол, это мультики, слайды, картинки. Теперь мир увидел, что «Циркон» способен нанести молниеносный удар за тысячу километров с точностью до метра. Это, по сути, приводит к изменению стратегической обстановки. «Циркон» не просто гиперзвуковая ракета — она может быть оснащена обычными взрывчатыми веществами и, на случай если кто-то нам будет угрожать, ядерной боеголовкой. Это меняет баланс сил. Радует, что заявленные планы были реализованы быстро. «Циркон» — показатель качественного развития отечественной науки и промышленности. Россия никому не угрожает, нам не нужны чужие территории, нам бы свои освоить эффективно, разумно, а для этого есть всё более надёжный щит и люди, которые ответственно делают воинскую и оборонную работу. Всю нашу страну можно поздравить с «Цирконом».

Беседу вел

Владимир Сухомлинов

Полный текст — на сайте «ЛГ»

ФОТОГЛАС

В 82-й день рождения Саввы Ямщикова в Пскове прошла церемония открытия памятника известному реставратору и искусствоведу, давнему автору «ЛГ». Памятник воздвигнут на народные деньги, которые собирали около трёх лет, и установлен рядом с Покровской башней. Народный артист России Николай Бурляев отметил, что Ямщиков неустанно боролся за Псков. Вдова Ямщикова Валентина Ганибалова сказала, что рада открытию памятника в Пскове, потому что его он считал городом городов русских. «Псков для него — самый любимый и главный город его жизни».

АНДРЕЙ СТЕПАНОВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

1971 1979

Председатель редакционного совета

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ

Главный редактор

МАКСИМ ЗАМШЕВ

Заместители главного редактора:

Леонид Колпаков, Анастасия Ермакова

Ответственный секретарь Сергей Колпачки

Адрес редакции:

121069, Москва, ул. Б. Никитская, д. 50/45, стр. 1

Отделы: Политика и экономика polit@lgz.ru

Общество kly2004@bk.ru, mazukova@lgz.ru

Искусство kly2004@bk.ru, Литература

и библиография t. 8-499-788-02-09, kols@lgz.ru

Клуб 12 ступень satira@lgz.ru

Телевизионное telev@lgz.ru

Литературная марка t. 8-499-788-02-09, kols@lgz.ru

Эл. почта litgazeta@lgz.ru

Перепечатка и цитирование только с разрешения редакции.

Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № ФС77-70388 от 13.07.2017 г.

Председатель совета АНО Андрей Тимохин

Генеральный директор Андрей Матвеев

Тираж 113 800 экз.

Отпечатано в типографии ООО «ВМГ-Принт».

127247, Москва, Дмитровское шоссе, д. 100.

Подписан к печати 13 октября 2020 г. Зак. № 2172

Номер подписки: 50067, 34189, 11717 — годовая подписка.

ПР-381 — годовая подписка, ПР-195 — подписка на 1-е полугодие

Подписка и распространение: т. 8-499-788-01-12

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Жуйте в маске, месье!

Чиновники Франции переплюнули унтера Пришибеева

Немало таланта положили Гоголь, Салтыков-Щедрин, Чехов на описание быта русского чиновника XIX века и его характерных черт: комизма, а то и абсурда, глупости и властолюбия, запретительского ража и крючкотворства, бесстыдства при общении с подчинёнными и раболепия перед начальством, страха «как бы чего не вышло», манин поучать и витания в облаках.

Острое перо классиков и всемирная их слава создали, однако, ложное впечатление, будто русский чиновник не имеет себе в этом равных. На фоне нарастающей второй волны коронавируса (из болезни превратившегося попутно в дубину, которой власть периодически прохаживает по спине граждан, чтоб убедиться, послушны ли) европейские бюрократы бросили вызов Городничему, Медведю на воеводстве и унтеру Пришибееву.

На прошлой неделе министр здравоохранения Франции Оливье Веран умудрился за десять минут и быть осмеянным, и вызвать всеобщую ненависть. Выйдя к прессе после совещания в Елисейском дворце, он произнёс речь, столь густо заполненную аббревиатурами и прочими единицами чиновничьего лексикона, что даже журналисты, освещающие тему эпидемии, не могли ничего понять. Но этого мало. Министр добавил, что двухмесячный весенний карантин, стоивший Франции пары миллионов рабочих мест и сотен миллиардов евро убытка, был основан на «ложной статистике» и являлся лишь «педагогической»

Интересно, что думает о словах премьер-министра Франции этот посетитель парижского кафе? Впрочем, под маской всё равно не видно...

мерой, призванной «воспитать» во французах «навыки самоограничения на случай будущих катаклизмов». То есть типа проводили учения...

Сам же премьер-министр Жан Кастекс, которого за внешнее сходство и гнусавинку в голосе сравнивают с персонажами де Фюнеса, возвестил французам, что в заведениях общепита они вправе приспущать маску в момент «положения еды и влития жидкостей в рот», а вот жевать и глотать отсел не надлежит только в ней. Кастекс также заявил, что рестораны в Париже остаются открытыми, а вот бары — под замок. Правда, спустя полчаса выяснилось

отсутствие формальной разницы между ними, а это и есть критерий закрытия каждого конкретного заведения — во французской юриспруденции.

Но и этот ляпсус меркнет перед решением (цитирую): «Граждане под угрозой штрафа не имеют права собирать на улице числом более 10 человек, но общественные мероприятия возможны числом до тысячи». Наличие разрешительной документации, по мысли Кастекса, несомненно, умирят корона-вирусных бацилл. «Во избежание избыточного использования общественного транспорта» парижская мэрия со своего барского плеча порекомендовала горо-

жанам ходить пешком и принялась — чтобы поскорее рапортовать наверх о принятых мерах — закрывать небольшие станции метро, что привело к столпотворениям на крупных. «С целью рассредоточения посетителей» полицейская префектура сократила часы работы и выставила на входе в здание шесть кордонов вместо трёх, однако не сообразила, что «рассредоточить» людей кордоны могли бы только при их крайне малом наплыве, о чём в задыхающемся от уличной преступности Париже приходится лишь мечтать.

Но и это не всё. Пришибеевский раж запрещать и желание быть святее папы римского охватили не только чиновников, но и тех, чьи полномочия ограничены правом пустить или нет в своё заведение. Не спросив у властей, сотрудники парижских магазинов и кафе почти поголовно достали гроссбухи и стали требовать от посетителей заносить туда имена, фамилии, номера телефонов, а также — чуть реже — домашние адреса и время посещения заведения, дабы «оповестить при обнаружении инфекции». О том, кто будет обзавивать сотни людей и, главное, какова гарантия подлинности предоставленной информации, не подумали. Потому страницы диковинных «журналов посещения» пестрят номерами, начинающимися с 12345 и именами вроде Винни-Пух, Микки-Маус или Лорд Байрон. Маразм крепчает, из лёгких коронавируса перекинулся кое-кому на мозг. Гоголя на них нет!

Никита Дмитриев,
Париж

АКТУАЛЬНО

Бес паники

Пандемия незаметно сводит мир с ума

К такому неутешительному выводу пришли участники конференции, организованной к Всемирному дню психического здоровья.

— Речь идёт о чрезвычайной ситуации, — обозначил проблему главный внештатный психиатр Министерства здравоохранения РФ, генеральный директор ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Зураб Кекелидзе. — Это не преувеличение — реальность.

Что такое чрезвычайная ситуация? Событие, которое выходит за рамки обычного опыта индивида или коллективного опыта окружающей его микросоциальной среды и может вызвать стресс у каждого вне зависимости от его компетенций и социального положения. Стрессовая ситуация возникла более полугодя назад и носит с тех пор континуальный (непрерывный. — Ред.) характер.

Как реагирует на стресс население? По-разному. Есть те, кто прислушивается к официальным сообщениям и выстраивает свою жизнь в зависимости от ухудшения или улучшения ситуации. (Будем думать, что их большинство.) Немало «пофигистов», действующих по принципу: «Где наша не пропадала. Провёрём!» Эти люди не верят никакой информации,

уверены, что всё, о чём говорят, — слухи, нагнетающие страх.

Много рассуждающих так: «Доживём до завтра, тогда и будем решать». Есть паникёры, которые «бегут туда, куда и все». Наконец, есть те, кто слышит только то, что хочет услышать, приемыкая то к одной, то к другой группе «знатоков».

На тревожную тенденцию последних месяцев обратила внимание директор Национального научного центра — филиала НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Татьяна Клименко: — Заметно изменился контингент клиентов в магазинах, торгующих спиртным.

Появилось много покупателей так называемых интеллектуальных видов труда. Каждый день после работы они покупают качественное спиртное средней цены и, очевидно, вечером снимают стресс с его помощью. Это становится опасной привычкой.

Не исключено, что это реакция на опасность заразиться и заразить родных. Возможно, неодолима тоска по общению с друзьями и миром прекрасного. Театры, концертные залы, клубы, кинотеатры долгое время были закрыты. Высвободилось много вечернего времени. Чем его заполнить?

Правильная организация досуга — это тоже профилактика психиче-

ского здоровья. И детей, и взрослых. Как и обыкновенная медицинская маска, вокруг которой немало споров. Маска — не только защита от инфекции, но и психологический щит. Если я в маске, если все вокруг в маске, у меня не должно развиваться никаких тревожных расстройств. Я защищён — и физически, и психологически.

Главный научный сотрудник отделения судебно-психиатрических экспертиз в гражданском процессе НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Маргарита Качаева с сожалением отметила, что во время пандемии у женщин усилились депрессия и суицидальные настроения, снизилась самооценка. Свою тревогу женщины болезненно делегируют детям, другим близким. Это называется «синдром Мюнхгаузена».

Обстановка самоизоляции спровоцировала ужесточение агрессии в семьях. Женщина терпела мужа годы, возможно десятилетия, накопились обиды... Во время пандемии отношения обострились. И взорвались. Жертва и агрессор поменялись местами. Кролик превратился в тигра.

К слову, это мировая тенденция. Директор регионального европейского бюро ВОЗ Ханс К्लюге привёл цифры, которые говорят, что если до пандемии

СПРАВКА

По данным ВОЗ, 72% молодёжи и 67% женщин во время пандемии нуждаются в психологической помощи.

На 43% выросло количество обращений на горячие линии телефона доверия.

На 20% увеличилось число обращений, связанных с тревожно-фобическими, депрессивными реакциями.

На 7% больше стало обращений в остром психотическом состоянии.

Смертность людей с психическими заболеваниями в период пандемии только в Санкт-Петербурге выросла более чем в четыре раза. Это больше, чем в любой другой категории болезней.

насилию в семье подвергались одна из четырёх женщин и один ребёнок из трёх, то во время пандемии межличностное насилие увеличилось на 60 процентов. А количество звонков на телефоны горячей линии в Европе увеличилось в пять раз.

Сергей Рыков

Окончание. Начало на стр. 1

Когда шесть лет назад я принёс Долгих уже расшифрованное, готовое интервью с ним, Владимир Иванович прочёл его и сказал: «Со всем согласен. Но визировать не буду». — «Почему?» — «Время ещё не пришло. Напечатаете после моей смерти...» — «Зачем же так грустно, Владимир Иванович?» — «Ничего подобного: никакой печали и в помине нет... Дело не в том, что я не хочу этой публикации, иначе бы с вами не встречался. Просто время ещё не пришло». И вот оно пришло. Этот разговор звучит актуально и сейчас, ибо он — о нас с вами, о нашей стране.

— Владимир Иванович, вы — один из живых мемуаров отечественной истории, как говорится, «уходящая натура». Как несёт груз времени?

— Казалось бы, оглянься на прошлое — и голова закружится!.. Считаю себя счастливым человеком. Я прожил интересную жизнь, был полезен моей стране и не совершил ничего, за что потом бы пришлось краснеть. Таким меня воспитали мои родители — люди простые, честные и по-настоящему трудовые. Отец был железнодорожным рабочим. В Сибири. На станции Иланской работал в депо. А мама славила потомственную сибирской закваской, род её коренился в Нижнем Ингаше...

— Да и сама фамилия ваша типично сибирская: Долгих. Когда встречаешь Живых, Черных, Соловых, Крутых, сразу видишь сибирское происхождение.

— В том-то и дело, что на самом деле это вовсе не наша фамилия. Настоящая фамилия моего отца была Макаров. Он служил в русской армии, ещё до Первой мировой, и тут в часть к ним приехал с инспекцией генерал. Подходит он, как рассказывал мой отец, к выстроенной «во фронт», по росту, шеренге солдат, и каж-

дый из них рапортует, говорит звание и фамилию. Мой отец тоже отчеканил: «Рядовой Макаров!» А генерал ему неожиданно: «Как так? Это я — Макаров, а не ты!.. Ты — самый высокий в строю, вот и будешь Долгих». Когда отец демобилизовался, так его и записали. Отец был 1879 года рождения. А мать — на десять лет моложе. Отец родился в один год со Сталиным, а мама — с Ворошиловым. Такое не забудешь.

— А где эта станция Иланская? Во глубине сибирских руд?

— В Красноярском крае. Место довольно глухое, хотя железная дорога живость жизни давала. По проходящим мимо эшелонам часы можно было сверять. Я был восьмью ребёнком: четыре сына и четыре дочери. Семья большая, дружная. Жили в одном из железнодорожных домов, недалеко от полосы отчуждения. Многоквартирный барак с туалетом, естественно, снаружи. Зато у дома такого на каждую семью нарезались участки: капуста, редиска, картошка — это всё было своё. Хозяйством занималась мать, а мы ей сизмальства помогали — и грядки вскапывали, и пропалывали, и окучивали... Женщина она была командного типа, поэтому всё

Монумент

у нас числилось в полном порядке. И гуси были, и куры... Даже корову одно время держали.

— Глухое место, говоришь. Значит, ссыльные у вас наверняка жили.

— Конечно, были и ссыльные, но немного. Они так у нас в посёлке уже прижились, что мы даже не делили, где наши, а где «политические». Когда война началась, я учился в девятом классе железнодорожной школы номер 61. Был самым рьяным активистом — таков уж, наверное, мой темперамент. Сначала возглавлял в школе пионерскую организацию, а потом — комсомольскую. Приближающаяся война чувствовалась, во всём ощущалась. И военная подготовка у нас в школе была, и лекторы из Красноярска приезжали и рассказывали о мерах по безопасности страны... Когда 22 июня в растрехах радиоточек зазвучал властно-тревожный голос Левитана, никакой неожиданности для меня не случилось.

Дело, конечно, житейское — пойти на войну добровольцем. Но не всё так просто: ура — и вперёд на немецкие танки!.. Из райкома комсомола нас в школу позвонили и сказали, что надо срочно собрать ребят 1923 года рождения и привести их в райком ВЛКСМ. Кому это делать, как не мне, секретарю комсомольской организации школы? Пришли человек восемь: надца парней, и повёл я их. А в райкоме сформировать «Поступило задание сформировать роту истребителей танков. Записывайтесь!» Все списком и зачислились. Заодно и я призвался в армию. Ясное дело, мог этого не делать — год-то был не мой. Но я не мог остаться в стороне. Иначе как-то нехорошо получилось бы: я ребят привёл, а сам — в кусты!

— Как говорили древнеримские легионеры: «У кого короткий меч, выходи первым!»

— Где-то так... Никогда в жизни не умел отсиживаться в задних рядах. Так и стал истребителем танков. Сначала нас учили метать бутылки с зажигательной смесью, затем — гранаты. Месяца полтора прозанимались мы в Красноярске, и сформировали нашу роту, которую отправили в 6-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Шла битва за Москву, и уже появились первые гвардейские части. В конце ноября сорок первого нас перебросили под Москву, и попал я в самое пекло. Морозы стояли жуткие, даже нам, сибирякам, было не по себе. Помню,

везут нас в грузовике по Окружной дороге, а вокруг висит сизая студёная дымка. Простояли мы некоторое время в Марьиной Роще, и тут нас перебросили под Ефремов, где состоялось моё боевое крещение.

— И как это было?

— Точно всего не расскажешь. Фронт — это какая-то мешанина... Только отдельные картины загораются всполохами в памяти. Помню, наступали мы как-то под деревней Весоватая. Приказано было: взять 26-ю высоту! Перед наступлением выстроили наш 25-й полк, вынесли торжественно гвардейское знамя. В общем, подняли, как умели, крепость духа бойцов. А за час-полтора до рассвета немец, словно информированный о наших планах, открыл такой огонь по позициям, что у нас паника началась. Кто-то побежал непонятно куда, кто-то принялся беспорядочно палить. Всё равно мы поднялись в атаку, и тут фашисты нас накрыли огнём. Залили огнём! Вся земля вокруг горит... Нас было девятьсот пять человек, в живых остались пятнадцать. Захлебнулась атака. И, чтобы укрыться, приходилось переворачивать трупы, прикапывать их.

— Страшно было?

— Очень. Признаюсь в этом без сомнения и стыда. К тому же меня назначили политруком роты и я должен был перед атаками выступать с пламенными речами перед людьми, которым предстояло через считанные минуты играть в орла-решку со смертью. Помню, стояли мы однажды ночью на позициях. Темнень кромешная, и вдруг команда: «Немцы!» Выскочили мы. Понимаю, что мне надо ребят подбодрить, а самому смерть как хочется в землю зарыться, куда поглубже. И тут слышу вой нестерпимый: близко — и огненные языки в небо! Ад, истинный ад творился где-то рядом!.. Я впервые увидел, как «работают» «катюши». Они стреляли по врагу через наши позиции, прямо у нас над головами.

— Писали, будто политработники в Красной армии сами не ходили в атаку, ограничивались лишь духоподъёмными речами в адрес идущих на смерть солдат...

— Враньё. Мы ходили в атаку, как все. Так же, как все остальные, я и смерти боялся. Теплился в душе чувство, что все наши страдания не зря — ведь страну и народ защищаем. Когда я уезжал из Иланска, в Сибири

уже появились первые эвакуированные. Они расселялись у нас по домам, и у них было — в отличие от нас — острое понимание ужасов войны. Мы-то, зелёные, на всё ещё смотрели козырем.

Каждому на фронте хотелось выжить. И в глубине сознания вопрос пульсировал: что же будет после войны? Сейчас она уже мне не снится. А до этого много лет война не отпускала меня. Особенно часто приходили во сне ребята, что воевали рядом и погибли у меня на глазах. Так, Иван Попов возглавлял пулемётный расчёт. После трагедии под Весоватой, когда нас спалили из огнёмёт, я проходил по окопам. Пришёл к пулемётчикам, а им как раз принесли термосы с гороховым супом. Хороший суп, наваристый! Вокруг термосов, ароматных, пахнущих копчёным мясом, собрался бойца четыре. Я поговорил с ребятами, свернул за угол — окопы были изгибом — и слышу взрыв за спиной. Оглянулся, а там прямо в гущу людскую, где они сидели и суп ели, снаряд попал — разлетало все! Такие же ребята, как я. Они погибли, а я остался. Почему?

— Судьба, конечно...

— Наверное. Я был неверующим человеком. Таким на войну и пошёл. Потом уже, посматривая смерти в глаза, начал задумываться... В жизни каждый куёт свою судьбу собственными поступками и устремлениями. Не счастье моментов, после которых склоняешься к философским рассуждениям. С годами понимаешь, что случайность и необходимость существуют помимо нашей воли, и никуда от этого не деться.

Наступали мы на станцию Змеёвка. В Орловской области. В сорок третьем нашу роту оснастили противотанковыми ружьями. Это тебе не бутылки с керосином, а настоящее вооружение. Наступаем. И тут попали под миномётный огонь — в трёх местах меня пронзило осколками. Что дальше случилось, не помню. Санитары обнаружили меня в разбитом сарайчике. Я лежал завернутый в ватный конверт. Не знаю, кто это сделал. Но система даже на фронте работала: порядок есть порядок. За наступающими частями следом шли санитарные подразделения, осматривали поля боя: не лежат ли раненные? Так меня санитары и подобрали. Очнулся я лишь в полевого госпиталя. Врач оперировал при свечах, при лунчике каких-то. Инструмент самый примитивный, спиртом на скальпель покапывают — и вперёд!

Молодые мы были, потому и выжили. Первая операция прошла у меня в полевого госпиталя, вторая — в Туле, уже в эвакуационном. В общем, месяцев восемь я мотался по больницам. А потом учился заново ходить. Честно говоря, не считал, сколько операций у меня было. Пять, наверное...

Я должен был перед атаками выступать с пламенными речами перед людьми, которым предстояло через считанные минуты играть в орла-решку со смертью.

Одна за другой. Меня перевозили по больницам, от операционной до операционной, и я видел, как страна активно жила. Заводы работали, домны строили... Мощь невероятная! Эвакуация была так проведена, что промышленность практически мгновенно восстановилась. Выходит, не зря мы под снаряды лезли.

— **Наверняка вы вновь рвались на фронт.**

— Куда там. Хотел очень, но уже было поздно. В неполные двадцать я стал инвалидом — несколько лет потом из меня осколки выходили. Что делать! Меня комиссовали, и я вернулся к родителям. В школу опять идти не с руки: возраст не тот. Братья же мои старшие — все трое — работали на железной дороге, все пошли по стопам отца. И тут Иван — он потом дослужился до полковника железнодорожных войск, участвовал в Параде Победы — приглашает меня в Иркутск: «Приезжай, будешь жить у нас!» Брат обреченно с женой и с маленьким сыном в коммуналной комнатке коммуналного формата, но, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Я подался в Иркутск, где попытался поступить в институт, но мне сразу отрезали: «Без аттестата об окончании школы и говорить с вами не намерены!» И тут я узнал, что для таких фронтовиков, как я, организованы курсы подготовки. После того как я их окончил и получил аттестат, пошел сдавать экзамены в Горно-металлургический институт. Поступил на факультет цветных металлов по благородной части. Занимался тонкой технологией: платина, палладий, иридий, осмий...

Стремление было только одно: закончить учебу побыстрее. Занимался старательно, получил красный диплом. Но и о жизни не забывал, женился в институте на моей Вале, Валентине Петровне. Оказался на практике на Красноярском заводе цветных металлов. Был он, конечно, под специальным номером зашифрован и представлял собой аффинажный завод. Перерабатывал сырьё, содержащее драгоценные металлы. Поступало оно из норильских шламов. Меня на заводе уже хорошо знали, и, когда я закончил институт, пришла просьба с завода направить и меня, и жену к ним... Через год я уже был членом парткома предприятия.

— **В общем, опять скажешь активистская жилка.**

— Ничего тут не поделаешь... В течение десяти лет, что я был на заводе, я прошёл великолепную школу — на всех производственных «этажах»: работал и мастером, и технологом, и начальником разных цехов... Стал главным инженером. Трудился мы на совесть, всё время получали переходящее знамя Государственного комитета обороны (ГКО). Как-то я оставался за директора завода, а к нам приезжал Владимир Степанович Зверев, бывший директор Норильского комбината, чтобы в очередной раз вручить это знамя. Как полагается, повел

ел Зверева по цехам, показал производство, а он мне при прощании говорит: «А ведь завод-то твой тебе маловат».

Это как понять? Чувствую, неспроста этот первый звонок, но значения я ему не придал тогда. Был по уши увлечён наукой и совершенствованием производства. Вместе с профессором Башиловым мы как раз начали внедрять технологию выделения родия методом высадки. Готовили эту работу к подаче на Сталинскую премию... Немного спустя отправляюсь в командировку в Норильск. В первый раз. Занимаюсь своими делами на комбинате, попадаю ненароком на глаза его директору. Возвращаюсь преспокойно домой, а через несколько дней меня вызывают в крайком КПСС: «Надо тебе принимать Норильский комбинат. Будешь главным инженером». Я — в отказ: «Да там только работающих 150 тысяч. Город — на плечах комбината. Это порядка трёх-четырёх десятков предприятий: и шахты, и металлургия, и предприятия обогащения...» Стою на своём: «Я не готов. И вообще, я — специалист по тонким технологиям... Уже прижился на заводе, здесь всё своё».

В первый раз отпустили меня с миром. Однако вскоре опять вызвали, чтобы сделать то же

вождением, и инфраструктурой, и бытом. Сталинская эпоха являлась жесточайшим периодом нашей истории, что и говорить. Но это был период титанического созидания, вдохновенного творения. В моё время люди в директорский корпус подбирались со скрупулёзной тщательностью. Случайных персонажей тут быть и в помине не могло. Эти ценнейшие специалисты проходили всю школу производства — снизу доверху. На руководящие посты отбирали людей волевых, принципиальных, умеющих работать в коллективе.

Из центра за всем наблюдали. Какой был курс? Директор руководил, но под него подготавливали двух-трёх людей, его заместителей. Они посылались для изучения опыта других предприятий, для работы в разных комиссиях, делегациях. Им из центра помогали, за ними следили... И директор не зевал, пребывал в тонусе, чувствуя, как ему дышат в затылок. К тому же он знал, на кого опереться в случае необходимости. Здоровая конкуренция была, понимаете? Директорский корпус ковался и в сельском хозяйстве. Какие хозяйства с делательными, предприимчивыми директорами были у нас в Красноярском крае — богатые, обширные! А сейчас — на их месте

”
Сталинская эпоха являлась жесточайшим периодом нашей истории. Но это был период титанического созидания, вдохновенного творения...
“

300 тысяч человек. А в послевоенное время потянулись в Норильск комиссия за комиссией: «Получаете много, даёте мало!» Требовали сокращения капитальных вложений, материально-технических ресурсов. Надо было принять глобальное решение, чтобы спасти город и комбинат. И мы тогда после интенсивных геологоразведочных работ нашли Талнахское месторождение полиметаллических руд.

Целая эпопея: чтобы доказать целесообразность разработки приростов, мы построили разведочно-эксплуатационную шахту. Надо было убедить центр, что мы на самом деле располагаем сказочными запасами. Эльдorado отдыхает! Первая шахта была создана из расчёта на полтора миллиона тонн руды. Богатой! И комбинат в течение года стал давать на пять процентов больше. Представьте себе: за десять лет эксплуатации

не удержаться. Нужно было капитальное решение центра. Причём в короткие сроки, чтобы обеспечить комбинат.

В феврале 1964 года я отправился в Москву, чтобы попасть на приём к Никите Сергеевичу Хрущёву. В этом мне помогал Пётр Ломако, председатель Государственного научно-экономического совета Совмина СССР. С утра Ломако позвонил Генеральному секретарю ЦК КПСС и попросил нас принять. Хрущёв ему по «вертушке»: «Товарищ Ломако, вы что, не понимаете мою задачу?..» Всё ясно: от ворот поворот! Ломако расстроился, а я говорю: «Может, оно и к лучшему, Пётр Фадеевич. Он в таком настроении, что не стоит и соваться. Будем ждать». Поехал я по своим делам в Комитет по металлургической промышленности, который располагался тогда на Садовом кольце. Только подъезжаю, а там меня уже ждёт у входа человек (мобильных телефонов-то не было): «Срочно к Ломако. В двенадцать вас принимает Хрущёв!»

Заворачиваю машину через сплошную линию: быстрее! Еду и знаю, что я чин чинарем: у меня с собой в планшете и панорама Норильска, и карта месторождения. Полная экипировка. Встречаюсь у Кремля с Ломако, а на нас уже пропуска выписаны. Не помню, что мы на контроле показывали — то ли паспорт, то ли партбилет. Но всё как-то проще было, чем теперь, раньше в Кремль быстрее проходили. Проскочили мы, показав военным впопыхах мой планшет, и поднялись к Хрущёву.

Тот сидел за большим столом. Крепенький такой и красный, крутится на кресле: «Ну, я слушаю вас!» Я доложил всё. Сначала Никита был холоден, а когда я начал говорить, что в Талнахе есть и уголь, заинтересовался: «Угля там много?» Я ему: «Неисчерпаемо. Есть пласты в восемь метров». Хрущёв мне: «Вы заелись. В Донбассе, бывало, ползаешь и задом кровлю чувствуешь». Припомнил вдруг Сталина: «Только этот ренегат Сталин мог работать на богатых рудах, а на бедных — не хотел». И тут перешёл на «ты»: «Что ты хочешь?» Говорю: «Никита Сергеевич, без постановления ЦК и Совета министров комбинат не поднять. Надо срочно решать вопрос об отдельной строке по выделению капитальных вложений. Принять принципиальное решение о необходимости развития региона. Это же государственная задача».

Беседу вел
Кирилл Привалов,
обозреватель «ЛГ»

Окончание в следующем номере

Норильск. 10 декабря 1965 г. Герои Социалистического Труда, работники Норильского горно-металлургического комбината им. А.П. Завенягина. В центре — директор комбината Владимир Иванович Долгий

самое предложение. А третьего не будет! Это я прекрасно понял, когда мне жёстко сказали в крайкоме: «Мы пригласили вас как коммуниста...» В общем, так я и попал в Норильск. Что угодно могло по тем временам случиться: наши судьбы, уже ставшие номенклатурными, решались в самых высоких сферах.

— **Куда уж там: директорский корпус был золотым фондом СССР, его номенклатурой номенклатур.**

— Да, это относилось и к промышленности, и к транспорту, и к оборонке... Кем был, скажем, начальник железной дороги? Генералом, за ним сотни тысяч людей стояли. Этот директор занимался и произ-

ничего не осталось. Лишь котеджи за двухметровыми заборами и народный всхлип.

— **А за что вы получили вашу первую звезду Героя Социалистического Труда?**

— Долгая история... В 1962 году я стал директором Норильского горно-металлургического комбината имени А.П. Завенягина, где до этого три года прослужил главным инженером. Принял я комбинат в тяжёлом положении: не хватало богатых руд. Размах производства был огромный, во время Великой Отечественной не считались ни с чем: стране нужен был никель! Без него танковую броню не сделаешь. Так и город возник с населением в 250—

Талнахского месторождения мы в десять раз увеличили производство цветных металлов. Когда я принимал комбинат, он давал в год 25 тысяч тонн никеля и 48 тысяч тонн меди. Но я, рассчитывая на талнахские природные запасы, уже подготовил технико-экономический доклад (ТЭД) комбината, где мы запланировали 600 тысяч тонн меди, 200 тысяч тонн никеля... Чтобы желаемое стало реальностью, как воздух были необходимы капитальные вложения, специальные контрактные обязательства по оборудованию, крайне дефицитные виды продукции... Мы прекрасно понимали: в прежнем ранге в отдельной строке министерства нам

Марк Варшавер с расширенными полномочиями

Директор театра «Ленком Марка Захарова» о премьерах, вторых составах и сенсациях нового сезона

«ЛГ» и легендарный театр на Малой Дмитровке давно связывает дружба. Мы неоднократно писали о премьерах коллектива под руководством Марка Захарова, который не раз печатался на наших страницах. Первая обстоятельная рецензия — «За попытку спасибо» на ставший культовым спектакль М. Захарова, А. Вознесенского и А. Рыбникова — была написана для «ЛГ» сразу после первых показов будущим министром культуры России Михаилом Швыдким.

— Вы второй год работаете без Марка Захарова. Это как раз тот случай, когда не надо упоминать звания и титулы человека, который руководил этим театром с 1973 по 2019 год. Но эпоха Захарова закончилась. А к вашей должности директора добавились слова «с расширенными полномочиями».

— Я был и остаюсь директором театра. Был им и тогда, когда стоял во главе легендарных захаровских проектов, таких как «Поминальная молитва», «Шут Балакирева», «Варвар и еретики», «Мудрец», «Безумный день, или Женитьба Фигаро», «Плечо палача», «Вишнёвый сад», «Ва-банк», «Женитьба», «Угрошение укротителей», «Пролетая над гнездом кукушки» («Затмение») и других. Моё участие в рождении этих спектаклей — с самого начала. Пьесу и актёров выбирал, конечно, Марк Анатольевич. Но всегда интересовался моим мнением, что подчас заставляло спросить: ну зачем вам моё мнение, когда вы сами всё можете решить? Но он всё равно интересовался — такова была врождённая скромность, высочайшая интеллигентность Захарова, которая сегодня у многих отсутствует. Такого больше не будет. Ушли последние из могикан: Марк Анатольевич, потом не стало Галины Волчек. Остались из этой плеяды старейшин Александр Ширвиндт и Юрий Соломин. Дай Бог им здоровья.

А должность у меня нормальная. Расширенные полномочия дают новые возможности — готовим сразу семь спектаклей. Такого у нас в театре ещё не было.

— Атмосфера театра «Ленком» и театра «Ленком Марка Захарова». Насколько изменилась она?

— Атмосфера изменилась, нет Захарова — и нет той атмосферы, которую он создавал. Это был руководитель, все решения которого благодаря высочайшему авторитету выполнялись беспрекословно. Идёт привыкание быть и работать без него. К сожалению, есть внутренние игры, но на них я не обращаю внимания. Мне поручено вести этот корабль, и я с удовольствием это делаю. И хочу, чтобы был новый этап «Ленкома». Мы не можем делать такие спектакли, которые создавал Марк Анатольевич. Будем привлекать к сотрудничеству режиссёров — по возможности лучших.

Удалось пригласить 49-летнего литовского актёра и режиссёра Дайнюса Казлаускаса, который будет ставить мольеровского «Тартюфа, или Вечного

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Марк Борисович Варшавер родился в Москве 11 марта 1947 г. В 1969-м окончил Горьковское театральное училище. В 1972–79 гг. работал в Московском областном драматическом театре. В 1979 г. стал главным администратором театра «Ленком». В 1986 г. окончил ГИТИС по специальности «экономист-театровед». В том же году стал директором-распорядителем театра «Ленком». В 2019-м назначен директором с расширенными полномочиями.

обманщика». Этот спектакль утверждал ещё Марк Анатольевич. Есть договорённость с Владимиром Панковым о «Человеке из Ламанчи».

Мы уже выпустили спектакль по пьесе Людмилы Разумовской «Под одной крышей», который, без сомнения, украсит нашу афишу и на который будут стремиться попасть зрители. Режиссёр Роман Самгин занял в нём двух наших потрясающих актрис — Татьяну Кравченко и Олесю Железняк. Таких работ в нашем театре у них не было. Они не были обделены ролями, но такого, поверьте, масштаба и уровня не было. Это спектакль о трёх поколениях женщин, живущих в одной квартире, и их попытках обрести своё счастье. Вечная проблема отцов и детей — только в женском варианте. Самгин дал возможность актрисам раскрыть себя ещё больше, тонко проработал роли. Когда актёры, а особенно актрисы хвалят режиссёра — а это именно так, скажу, — бывает редко. Рад успеху Романа Савельевича, сценариста Виктора Шилькрота, художника по костюмам Ирины Белоусовой и хореографа Олега Глушкова.

Театр начинается не с вешалки, а с режиссёра. С вешалки он начинался, когда в Москве было два-три театра. Алексеев-Станиславский открыл МХОТ, в нём можно было ботиночки положить в тряпичную сумочку — это ведь целая процедура. Сегодня люди с работы бегут, ещё и перекусить не успели, но спешат в театр за духовной пищей.

— **Марк Борисович, прошу — успокойте поклонников таланта Инны Михайловны Чуриковой! От заголовков в интернете и поста в «Фейсбуке» Садыльского становится не по себе. Неужели действительно последняя народная артистка СССР в вашей труппе лишена возможности выходить на сцену?**

— У нас всего два спектакля, в которых играет Инна Чурикова, которую мы на самом деле действительно бережём. Господину Садыльскому, а он ни разу не был в нашем театре, не стоит беспокоиться. Никто её ролей не лишал. Пандемия в разгаре, и беречь наших любимых артистов просто необходимо. Что мы и делаем. А вот ещё одна наша драгоценность — Александр Збруев — уникально играет в спектакле «Ва-банк»

и в эти непростые дни. В указе мэра Москвы чётко написано: есть необходимость — можно задействовать и тех, кому за 65. Мы Александра Викторовича привозим-увозим на машине, ни с кем он не сталкивается, играет в спектакле, который любят зрители и который приносит доходы театру.

— **Говорят, «Поминальная молитва» вновь будет на афише «Ленкома»?**

— Название старое, а спектакль будет новым. Как можно повторить шедевр без Марка Захарова? Без замечательных Евгения Леонова, Александра Абдулова, Татьяны Пельтцер, Всеволода Ларионова? Вернуть «Поминальную молитву» на сцену — моя давняя мечта. В наши дни спектакль о доброте и человечности особенно необходим. Когда я объявил об этом на творческом совете директора театра, образованном мной для того, чтобы иметь возможность посоветоваться по сугубо творческим вопросам, ко мне обратился народный артист России Александр Лазарев. И сказал, что просто мечтает поставить этот спектакль по пьесе Григория Горина. Очень надеюсь, что у Саши получится. Играть будут Сергей Степанченко и Андрей Леонов.

— **Список будущих премьер не исчерпан?**

— Потрясающий режиссёр и педагог Леонид Трушкин будет у нас ставить «Дядю Ваню». У него интересные мысли на этот счёт, придумано решение спектакля. Уже подтверждено: главную роль в чеховской пьесе будет играть Фёдор Добронравов. Режиссёр видит в этой роли только его, и я с ним согласился, тоже считаю Добронравова большим актёром.

— **Много разговоров в театральной среде о вводах в знаменитые ленкомовские спектакли...**

— То, что я делаю вводи в спектакли, — это осознанная необходимость. Вот недавно заболел Дмитрий Певцов, и мы вынуждены заменить спектакль, который любят зрители и на который покупают билеты. И теперь не вместо Певцова, а вместе с ним Фигаро будет играть и другой артист. Хотя превосходной физической форме 57-летнего Дмитрия Анатольевича многие могут позавидовать, герой пьесы Бомарше — всё же молодой человек. Александра Захарова часто уезжала в своё время, и театр отменял лучшие спектакли, которые без неё невозможно было играть: отсутствовал второй состав. В «Женитьбе» и «Ва-банке» не вместо, а вместе с ней теперь будут играть и другие актрисы. Обижаться Александру Марковне не стоит — она занята в шести главных ролях. Но повторяю: второй состав будет!

— **И в любимой «Юноне и Авось»?**

— Обязательно. Пришла в голову чудесная идея — ввести на роль графа Резанова Игоря Миркурбанова. Сейчас вот сыграл у Богомолова в спектакле по Достоевскому и приступит к репетициям в «Ленкоме», который он любит и везде об этом с удовольствием говорит.

Олесю Железняк (слева) и Татьяну Кравченко после спектакля в постановке Романа Самгина «Под одной крышей» в театре «Ленком»

Беседу вел
Леонид Койкаков

ФЕСТИВАЛЬ

Осенний «ЛиТР»

Лучший праздник для писателей и читателей

Фестиваль «Литература Тихоокеанской России» в третий раз прошёл во Владивостоке. На фестивале выступило более пятидесяти авторов не только из Приморья и центральной части России, но и из других дальневосточных регионов.

В этом году традиционно осенний фестиваль был перенесён на осень. Это позволило провести большое количество мероприятий на открытом воздухе: в городских скверах были разбиты шатры, где прошёл шумный и яркий семейный «Книжный пикник»; была организована школа молодых писателей сразу с тремя мэтрами Литературного института им. Горького — Алексеем Варламовым, Павлом Басинским и Андреем Геласимовым — и День фантастики — Сергей Лукьяненко, Андрей Рубанов и Александр Пелевин вместе с приморскими писателями Николаем Побережником и Василием Тарасенко пообщались с любителями этого жанра, посвящая их в тайны мастерства.

Региональные библиотеки, впервые участвовавшие в фестивале «ЛиТР», представили обширную программу,

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Андрей Рубанов, прозаик:

— Задача фестиваля «Литература Тихоокеанской России» сформулирована его основателем Вячеславом Коноваловым: сближение людей, живущих в разных концах страны, на основе литературы. Эту задачу фестиваль выполняет отлично. Лучшее живого общения ничего нет. Это не только праздник, но и рабочий механизм, вскрывающий проблемы, недостатки, выявляющий пути укрепления коммуникации профессионалов и непрофессионалов, писателей и читателей. Думаю, сейчас «ЛиТР» — лучший литературный фестиваль России.

основанную на уникальных краеведческих материалах, включая материалы о жизни и творчестве выдающегося дальневосточного писателя, путешественника и этнографа Владимира Арсеньева.

На фестиваль приехало множество современных литераторов из Центральной России: Сергей Шаргунов, Владислав Отрошенко, драматург Дмитрий Данилов, телеведущий и прозаик Олег Шишкин, критик Татьяна Соловьёва, директор издательства «Молодая гвардия» Роман Косыгин, поэт и глава проекта «Русский Гулливер» Вадим Месяц, поэт Алла Горбунова...

Особое внимание на фестивале было приковано к мест-

ным, приморским писателям. На «ЛиТре» выступили: Юрий Крутских, Иван Панкратов, Татьяна Таран, Игорь Кротов. И ещё более 20 встреч и презентаций прошло в шатре Приморской литературы.

Отличием этого «ЛиТРа» было широкое представительство писателей других регионов Дальнего Востока: Олег Сидоров (Якутия), Владимир Семенчик (Сахалин), Павел Жданов (Колыма), Александр Смышляев (Камчатка), Александр Драбкин (Еврейская автономная область).

Иван Демидов

Полный текст — на сайте «ЛГ»

В гостях у Гофмана

Откладываемый несколько раз в связи с пандемией V Конкурс-фестиваль «Русский Гофман — 2020» в Калининграде всё-таки состоялся.

Гости фестиваля собрались в гостеприимном пансионате «Альбертина» под ненавязчивой опекой организатора и вдохновителя этого литературного праздника — известного литератора Бориса Бартфельда.

В конкурсе приняли участие 838 авторов из 22 стран мира.

Основные литературные мероприятия проходили

в калининградской библиотеке им. А.М. Горького, а также в Светлогорске, Гвардейске, Черняховске и замке Вальдау.

Традиционно в течение недели проводились мастер-классы, на которых известные прозаики Наталья Гранцева (СПб), Александр Ломтев (Саров) и поэт Владимир Шемшученко (СПб) работали с желающими повысить свой профессиональный уровень.

В замке Инстербург были названы победители фестиваля-конкурса: Светлана Волкова (СПб, проза), Полина Орынская (Балаш-

ха, поэзия), Борис Нисневич (Калининград, публицистика и эссеистика) и Елена Ахматова (Москва, проза сказочная, фантазийная).

В очном поэтическом турнире победили Михаил Зиновкин (Архангельск) и Дана Курская (Москва).

В рамках фестиваля с большим успехом прошли презентации романа «Концертмейстер» Максима Замшева и книги стихотворений «Мысль превращается в слова» собора «ЛГ» поэта Владимира Шемшученко.

Владимир Камышев

ЛИТЕРАТОРСКИЕ МОСТКИ

Петь так петь!

В Тамбовской области завершился фестиваль «Читаем вместе!», в рамках которого прошли Богдановские чтения.

В этом году в них приняли участие: публицист, общественный деятель, брат Вячеслава Богданова Виктор Сошин; поэт, первый секретарь правления Союза писателей России Геннадий Иванов; поэт, главный редактор газеты

«Московский литератор» Иван Голубничий; поэт, литературовед, лексикограф Любовь Рыжкова; главный редактор газеты «Танкоград» Сергей Алабжин; поэт, журналист Виктор Кирушин.

Так, Виктор Сошин рассказал о Вячеславе Богданове, прочёл его стихи, а также представил новую книгу о жизни и творчестве поэта «Медоносная судьба». В ней собрано всё, что было написано Богдановым, а также воспоминания и посвящения друзей.

По сложившейся традиции на встрече были вручены ежегодные литературные премии имени Вячеслава Богданова «Светулец».

В этом году лауреатами премии стали: Геннадий Иванов, Татьяна Курбатова, Ольга Милованова.

Виктор Солёнов

Полный текст — на сайте «ЛГ»

Валерий Воскобойников, писатель, член Совета по детской книге России

Милая фантасмагория

В один из последних труднейших годов существования СССР Министерство культуры сумело найти деньги на проведение Российского семинара молодых авторов, пишущих для детей. В «несезонный» месяц апрель начинающие писатели собрались в Пицунде, в принадлежавшем тогда Литфонду Доме творчества. Семинары прозы вели мы с автором прекрасных детских книг Сергеем Ивановым. Как обычно, уровень рассказов и повестей был разным. И особенно меня обрадовали короткие современные «Сказки по мальчишка Лёшу» Сергея Седова. Узнав, что их собирается печатать журнал «Огонёк» — по одной коротенькой сказке в номере, я забрал у автора все, что были, и через два месяца все они вышли в ленинградском журнале «Искорка». Так началось моё знакомство с творчеством этого необыкновенного прозаика.

Слово «необыкновенного» я употребил не случайно. По сути, его сказки были тогда открытием нового направления в литературе для детей. Всё написанное только им одним, а также книги, созданные вместе с замечательной писательницей Мариной Москвиной, — необычны. В каждой из них, казалось бы, привычная реальность превращается в наивную, милую, добрую и весёлую фантасмагорию.

«Жил-был мальчик Алёша, который умел превращаться во всё, во всё! Однажды он подумал: «Почему про мои превращения знает только мама?» И он превратился в писателя. Написал про себя рассказы и подписался: Сергей Седов».

«Жил-был мальчик Лёша. Он умел превращаться во всё, во ВСЁ! Вот раз он превратился в Голубя, уселся на подоконник и постучал клювом в окно. А мама как закричит:

— Кыш! Чего уселся! — Она его, конечно, не узнала!

А Лёша и говорит:

— Я же твой сын Лёша, а ты моя мама Лида!

Тут мама поняла, в чём дело, и дала Лёше орешков засахаренных и лимонада. А Лёша стал в воздухе разные фигуры выписывать — соседи смотрят, удивляются. А мама им говорит:

— Это мой сын Лёша! У него необыкновенные способности. Я его отдаю в английскую школу, и в музыкальную, и в фигурное катание!»

Так начиналась его самая первая книга фантасмагорий, построенных на быденном житейском материале. Была и такая:

«Получил Лёша двойку.

— Что же ты, Лёша? — сказала учительница. — На тебя это не похоже!

— Нет, похоже! — ответил Лёша и превратился в большую жирную двойку.

А учительница пошла к директору и говорит:

— Я не могу вести урок! У меня в классе сидит большая неудовлетворительная отметка. Кто-то её привёл в класс. Директор очень рассердился и сам пошёл разбираться. Заходит и видит: сидит в классе аккуратная Пятёрка и объясняет новый материал. Он, чтобы не мешать, вышел тихонько и говорит:

— Что же это вы, Надежда Владимировна, двойку от пятёрки не отличаете? Успешность от этого страдает!»

Не забуду, как на Международной книжной выставке на ВДНХ в первые же часы после открытия взрослые посетители раскупили все его книги.

За два десятилетия Сергей Седов создал не одну книгу милых своей наивностью, светлых и добрых сказок. Сказки про мам соседствуют со сказками про Деда Мороза, про дураков и про Змея Горыныча. По просьбе московских издательств он пересказал на свой лад мифы о Геракле, а также знаменитые европейские сказки. И что удивительно, читая детям «от пяти до восьми» сказки Сергея Седова, взрослые родители испытывают такое же удовольствие, как и их чада. ■

ДАТА

Отточенное остроумие

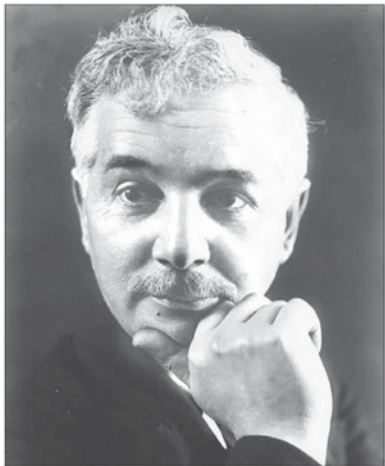
Исполнилось 140 лет со дня рождения Саши Чёрного

Он не умел «работать локтями», а эпоха этого не прощала, считает филолог Виктория Миленко. Беседуем с ней о судьбе и творчестве русского поэта Серебряного века Александра Гликберга, известного как Саша Чёрный.

— Вы как-то сказали: «Саша Чёрный — это целая Вселенная». Если условиться, что Вселенная — творческое наследие Саши Чёрного, то из каких «галактик» (жанров и направлений) она состоит?

— Сразу вспомнилась Вселенная Маленького принца Экзюпери... Вот произведение, вполне созвучное миру Саши Чёрного. Всю жизнь поэт «очищал планету от баобабов», чувствовал свою ответственность за всё, что происходит, за каждую букашку. А галактики он сам называл: Сатира и Лирика — и летал между ними. Потом освоил космос Детской литературы. Мы ещё будем ловить отсветы его Вселенной. Сколько написано о его влиянии на Маяковского! Но задумывался ли кто-нибудь, что знаменитое «Не выходи из комнаты...» Бродского — продолжение идеи Саши Чёрного о добровольном затворничестве? И желание слиться лицом с обоями, и понимание, что вернешься вечером «таким же, каким ты был, тем более — изувеченным» — абсолютно в духе и стиле Саши Чёрного.

— Сатира и лирика, памфлеты на злобу дня и стихи для детей... Удивительно, как в творчестве одного писателя сосуществует, казалось бы, несочетаемое! На противоречии построено и название вашей книги, вышедшей в «Молодой

Саша Чёрный по натуре не был лидером

Василий Вознюк. Иллюстрация к сатире «Всероссийское горе», 2020 г.

гвардии», в серии «ЖЗЛ», — «Саша Чёрный: Печальный рыцарь смеха». Ваш персонаж — личность парадоксальная?

— Да нет парадокса. В нашей традиции смех и слёзы всегда рядом. А сатирическая злость нередко и возникает от переизбытка доброты, порядочности и детскости. Мол, я вижу, что белое, а что чёрное, а вы почему не видите? Давайте помогу, покажу. И Саша Чёрный показывал, пока не повзрослел и не отчаялся исправить мир. Об этом его поэма «Ной».

— В строках Саши Чёрного немало света и теплоты, но многие его стихи пронизаны горечью. Это можно заметить, обратившись к лирическому циклу «Война» или вслушавшись в слова: «Голова моя — тёмный фонарь с перебитыми стёклами». Какой Саша Чёрный симпатичнее лично вам: «печальный» или «рыцарь смеха»?

— Я бы разделила: симпатичен творчески и по-человечески. В творчестве ценю сатиру и юмор. Здесь Саша Чёрный находил очень точные слова, и ложились они естественно, без швов. Тот же «тёмный фонарь с перебитыми стёклами». Готовый, зримый, гротескный образ. Невольно вспоминается есенинское «Голова моя машет ушами, как крыльями птица» — без Саши Чёрного, возможно, тут не обошлось. Или «филолог влюбился по пятки» из «Городской сказки». Или задумавшийся о высоком и брошенный жевать хлеб таракан в «Обстановочке». Или моё любимое «Кто примостился к пирогу, тот лаконичен, как могила» из «Оазиса».

А возмёт ту же поэму «Ной». Читаешь, сопереживаешь, соглашаешься, радуешься отдельным сильным деталям и всё равно видишь швы и «кровь мозга» автора.

А потом находишь две строчки в «Курортном» — «Господь ошибся с Ноем, утопить бы к чёрту всех» — и думаешь: для чего была целая поэма?..

Что касается эмигрантского наследия, то поэт подошёл к нему в тяжелейшем состоянии. Шесть лет войны — а он был сразу мобилизован — его буквально раздавили. Сначала операционные будни полевого госпиталя, затем — клиника для нервных больных, далее 1917-й год, который он встретил в Пскове, эпицентре февральских событий. Об Октябрь же тоже знал не понаслышке: в тот момент был сотрудником комиссариата Северного фронта. К 40 годам, когда Саше Чёрному пришлось начинать жизнь с нуля в эмиграции, он уже изрядно сломался. Достаточно сравнить его портреты 1914 и 1920 годов: в Варшаве в первые дни войны и в Берлине после войны. Там разные люди, у них разные глаза. Словом, нет ничего удивительного в том, что в эмиграции он писал в основном для детей и с ними же предпочитал общаться. А ещё с собаками, но это особая планета его Вселенной. Она-то мне бесконечно симпатична по-человечески. У нас вообще много общего, но это личное.

— В серии «ЖЗЛ» изданы ещё две написанные вами биографии — Аверченко и Куприна. С чего началась ваш интерес к эпохе, к которой принадлежат эти писатели, и как можно охарактеризовать этот период с точки зрения положения писателей в обществе?

— Интересно, что все мои герои — в этом году юбилеры; Аверченко тоже исполнилось 140 лет. С него-то всё и началось: именно он привёл меня в «Молодую гвардию». После выхода книги об Аверченко пришла идея вспомнить о Саше Чёрном, а после — написать о Куприне, чья биография в

«ЖЗЛ» последний раз выходила в 1981 году. Так герои по «принципу матрёшки» являлись друг друга читателю. А эпоха им досталась, прямо скажем, та ещё. Биографии у всех троих — трагические. Положение писателя в обществе того времени?.. Смотри какого: предреволюционного или эмигрантского? Это разные времена. Но если говорить о первом, то писателей по некоторой инерции XIX века всё ещё считали властителями дум, а новый век выдвигал свои требования: от литературы ждали прибыли. Отсюда агрессивная реклама, скандалы. Писателям приходилось этим заниматься, в частности Куприну. Аверченко тоже — ему нужно было держать на плаву «Сатирикон». А вот Саша Чёрный как раз сохранял лицо и горько упрекал коллег в стремлении к «скандальной известности». Он не умел «работать локтями», а эпоха этого уже не прощала.

— Стихотворение «Над Фонтанкой сизо-серой...», которое вы приводите в книге о Саше Чёрном, отражает впечатления поэта о работе в журнале «Сатирикон». Что представляло собой это издание в те годы? С кем сотрудничал Саша Чёрный?

— Поэт писал для «Сатирикона» всего три года, но память по себе оставил долгую. Современники считали, что он немало способствовал быстрому успеху журнала, а когда из него ушёл, предрекали «Сатирикону» бесславную кончину. Этого не случилось, а вот Саша Чёрный потерялся и широкоую известность смог вернуть только в эмиграции, где охват аудитории, конечно, не приходилось сравнивать с дореволюционным. Саша Чёрный — феномен: он единственный добровольно покинул «Сатирикон», да ещё и в тот момент, когда журнал переживал свой золотой век. А дружить и сотрудничать

с кем-то там было трудно: подобрались такой «сводный офицерский полк», такие зубастые и хваткие ребята! Саша Чёрный по натуре не был лидером, он терпелся, отсиживался в уголке. Приятельствовал только с Самуилом Маршаком, тогда ещё безвестным.

— Как складывались его отношения с Аркадием Аверченко, о котором поэт написал: «А в сторонке в кабинете / Грузный медленный Аркадий, / Наклонясь над грудой писем, / Почту свежую вскрывал: / Сотни диких графоманов / Изю всех уездных хвелей / Насылали горыхлама — / Хлама в прозе и в стихах»?

— Это были отношения начальника и подчинённого. В круг любимчиков редактора Саши Чёрный не входил. Аверченко больше благоволил Василию Князеву, Сергею Горному, позже — Аркадию Бухову.

— Саша Чёрный написал немало стихотворений для детей. В чём, на ваш взгляд, их особенность и отличие от произведений других детских авторов?

— Всё равно чувствуется сатириконец! Вспомните хотя бы «Приставалку» о сыночке, у которого «рот без замочка». Не думаю, что эту фразу следует произносить с умилением. Скорее прочтётся раздражение автора «Обстановочке»: «Ревёт сынок, побит за двойку с плюсом...»

— Одно из моих любимых стихотворений у Саши Чёрного — «Есть горячее солнце, наивные дети...». А какие его стихи особенно дороги вам?

— Разумеется, дорого и это стихотворение, вспоминаю его в минуты отчаяния. А любимое — «Всероссийское горе». Мой многолетний соавтор, художник Василий Вознюк, недавно его проиллюстрировал, и к юбилею мы презентуем мини-ролик. Люблю провансальские стихи — гимн пляжу Ла Фавьер, обрётённому раю, «вершине голый», где поэт в 1929 году построил домик.

— Как вы думаете, почему даже через 140 лет со дня рождения Саши Чёрного его творчество вызывает интерес?

— Да потому что это ни на что не похоже! Это стильно в хорошем смысле слова, что-то вроде Хармса, но изысканнее. Это отточенное остроумие, а порой и мрачный гротеск, глумление, убийственная ирония и самоирония. И в то же время это — любовь к миру, и «Дневник фокса Микки», уверена, перейдёт и в XXI век. Знание самого имени Саши Чёрного — уже показатель интеллекта и вкуса. Слава Богу, я это имя знаю.

Беседу вел
Юлия Скрылёва

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Виктория Дмитриевна Миленко — кандидат филологических наук, доцент Севастопольского государственного университета. Специализируется на изучении смеховой литературы, в т.ч. наследия «сатириковцев». Автор биографий в серии «ЖЗЛ»: «Саша Чёрный: Печальный рыцарь смеха», «Аркадий Аверченко» и «Куприн: Возмутитель спокойствия».

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Слово пацанам

Ополченский романс.

— М.: Издательство «АСТ», Редакция Елены Шубиной, 2020.

— 352 с. — 12 000 экз.

«Ополченский романс» Захара Прилепина — подарок для читателя и трудный урок с экзаменом для самого автора. Он, похоже, решал для себя принципиальный вопрос: возможна ли проза после собственного локального апокалипсиса (речь о романе-фантазмагории «Некоторые не попадут в ад»)?

Испытание Прилепин выдержал, поскольку отвечал не только перед своим писательским именем, но и явлением, которое уместно назвать «донбасским текстом». Собирает его Захар практически в одиночку — тут и формирование литературного канона недавней неоконченной войны, и прописание не столько её хронологического сюжета, сколько особого места в общей русской судьбе и свойственного только ей героико-трагического стиля. Аналогии очевидны — скажем, прославленная «лейтенантская проза»; Захар обрабатывает за целую генерацию авторов.

Литература — дело циничное. Если демиурги, продюсирующие словесность в неведомых нам координатах, отправляют сильного литератора в то или иное пекло (на Кавказ и в Севастополь, комиссаром в Первую конную, в осаждённый франкистами Мадрид, в окопы Сталинграда и пр.), они намерены не только придать войне обобщающий, а то и мировой масштаб, но и оставить после неё корпус текстов и контекстов — как минимум надолго.

Уместно вспомнить объёмный том публицистики «Всё, что должно разрешиться» с портретами бойцов и командиров в тамашных, прояснённых войной ландшафтах, где Прилепин намеренно увёл себя в тень — чтобы реальность не заслонил образ медийного персонажа, сменившего все свои зоны комфорта на гарь и ад передовой, каторгу строительства нового государства, остракизм и проклятия весомой части вчерашних поклонников. Но от судьбы не уйдёшь — и за экзистенциальный роман «Некоторые не попадут в ад» с ярко выраженным «был тогда с моим народом» Захару изрядно прилетело...

Также необходимо сказать о составленном ЗП поэтическом сборнике «Я — израненная земля», где над созданием контекста работали поэты разных поколений, географий и статусов (Анна Долгарева и Светлана Кекова, Юрий Кублановский и Семён Перов etc.). Случись такая книга в другую эпоху, даже не слишком от нас отдалённую, она могла бы сделаться событием духовной жизни страны, а стала событием только в жизни авторов, впрочем, иногда определяющим...

И вот — «Ополченский романс». С эпитетом, в общем, всё понятно. Однако важно отметить, насколько понятие «ополчение» концептуально сегодня для Захара — так он обозначает народ, способный вершить историю в дни крушения государств, вспоминает и русскую Смуту, и Великую Отечественную. «Романсом», как мне кажется, Прилепин хотел обозначить не жанр, но стиль — установку на небольшой объём и самоценность каждого текста (14 «треков» в разном ритме, формализует установку автор, названия строго из одного слова). Романтическое их происхождение и настроение, открытость и доверительность интонации. Ну и щемящую ноту, куда без неё: поскреби много идеолога и трибуна — легко обнаружишь лирика. В «Ополченском романсе» вообще заметна планомерная работа по отключению

пафоса, которая как раз идёт от отмеченного мной в начале вопроса: возможна ли проза... в которой идейная одержимость не подменяла бы трудное, гусеничное движение жизни, а живая кровь не превращалась в плакатную краску?

Писатель в очередной раз решает задачу о войне и о том, что она делает с человеком.

Прилепин по-прежнему черпает энергию в мощнейшей послереволюционной литературе (я как-то обозначил 20-е годы XX века его эстетической родиной). Первая и весьма любопытная аналогия — «Конармия» Исаака Бабеля. Этот не самый близкий Захару автор отзывается у него в произведениях донбасского цикла всё чаще (вот она, волшебная сила контекста). Одновременно страстностью и отстранённостью интонации, нерасторжимой связи ландшафта и действия; пониманием войны как стихии, обнуляющей привычные формы существования и задающей иные способы жизни. И проявляется это чаще в бытовых мелочах:

«— Что тут у нас? — нацелились сразу тремя фонариками казаки. — Ой, богато.

— Это тушёнка, другие консервы, детское питание, памперсы...

— Памперсы давай, — вдруг сказали казаки. — А прокладки, тампоны есть?

— Есть, — удивился Суворов.

Он нарочно первым прыгнул в кузов.

Находясь сверху, заметил, что, пока казаки сползали к раскрытому кузову, Дак встал поодаль у них за спинами.

Лица Дак было не видно. Руки он держал в карманах.

Суворов сдвинул ящик, другой, третий. — Забирайте. И ещё вот. И вот.

... — А за чем им прокладки и эти... тампоны? — спросил Суворов.

— Когда ранения — самое то, — сказал Дак. — Только с кем им тут воевать...

(«Контрабанды»)

Максим Горький защищал Бабеля, когда на «Конармию» жёстко наехал Семён Будённый. «Дурак этот Будённый, — пенял пролетарский классик красному военачальнику. — Бабель с них иконы писал, а он ругается...»

Сиконописью как раз всё очень интересно. Традиционный герой Прилепина — пацан, в «Ополченском романсе» плотность пацанских присутствий — как когда-то в «Саньке», однако помимо авторской заботы и нежности (будь тем парнем хоть 20, хоть 40) перед ним стоит чётко сформулированная задача — вписать, обозначить в русской жизни типаж и характер, обессмертить. Заполнить за пацана-ополченца слово перед своими, чужими и святыми. За комбата Лесенцова, гуманитарщика Суворова, криминального stalkера Трамвая, взводного Вострицкого, бойцов Дак, Скрипа, Абрека, Худого, Лютика...

При этом необходимо отметить, что «Ополченский романс» — книжка строгая, лишённая всяких сантиментов и эмоциональной расхлябанности. Практически отсутствуют натуралистические сюжеты, место их, казалось бы, законное и неизбежное в книге о гражданской войне, занимают описания боевой работы — что, вообще-то, как и эротику, у нас мало кто умеет (хорошо хоть, батальные сцены, в отличие от эротики, рвутся писать не все). Эпизоды боёв стали содержательной доминантой книги — отсюда нуаровый, чёрно-белый стиль, цветные вкрапления редки и появляются ровно там, где надо (удав в брошенном котедже, который посмертно, впрочем, тоже награждён чёрно-белым цветом; автомат арабского наёмника-ваххабита и немного другое).

Два финальных рассказа — «Работяги» и «Домой» — уводят героев из Донбасса в современную русскую жизнь, которая уж точно не будет проще. Зато всем нам легче определиться, с кем быть, когда здесь всё начнётся.

Алексей Колобродов

КНИЖНЫЙ РЯД

Из тягостного, из земного...

Наталья Елизарова. Страна бумажных человечков.

М.: Арт Хаус медиа, 2019.

— 122 с.

Стихи Натальи Елизаровой читаются с интересом, потому что они живые и о жизни. О жизни обычного человека, москвички, спешащей на работу, переживающей за людей, встретившихся на её пути, обманувшейся в одной любви и мечтающей о другой, настоящей. Поэтому в её стихах много бытовых деталей и житейских ситуаций, всем нам знакомых. Но при этом, как отметил Геннадий Калашников в предисловии к книге, «её стихи настолько искренни и точны, что выдерживают любую «прозаическую нагрузку».

Яркий пример — стихотворение «Козьмогероя зима наступает, ступает на пятки...», полное таких бытовых, жизненных реалий и при этом несколько не теряющее в своей лиричности и проникновенности:

Козьмогероя зима наступает,
ступает на пятки,
Заставляет по дому искать
на меху сапоги.
Не услышав вопроса,
кивает обычно: «В порядке» —
И идёшь на работу —
с работы, печёшь пироги...

Да и сама поэтесса признаётся в том, что стихи её диктуются жизнью, какой бы драматичной она ни была: «Из тягостного, из земного / Рождаются стихи».

«Страна бумажных человечков» — третья поэтическая книга Натальи Елизаровой. Она состоит из пяти частей, которые, по-видимому, расположены в хронологическом порядке. В первом разделе — «Последнее солнце» — можно отметить целый ряд стихотворений, и особенно «Я любила тебя, как ногами

уходят в песок...» — полное драматизма и экспрессии.

Я любила тебя.

Как волнение рук передать,
когда дверь отворяла тебе,

не обнимала за шею?!

Не умела тогда прогнать,
ненавидеть и лгать,

ненавидеть и лгать —
это я и сейчас не умею.

Вторую часть — «Холод» — составляют стихи о любви. Тематика довольно распространённая для поэтесс, но и здесь встречаются интересные и своеобразные находки. В стихотворении «А как же любовь?» это чувство ассоциируется с бабочкой-капустницей, сулящей так много, но обманувшей. Завершающие строки полны разочарования и скепсиса:

С тех пор я всегда по ночам
закрываю окно,
чтоб бабочки — мимо
и больше на свет не летели.

И я равнодушно смотрю
на иголки в их теле
На стендах и полках в музеях,
и мне всё равно.

Третья часть — «Мазурский зверь» — центральная не только по положению в книге, но и по содержанию, по весомости мыслей и образов. Здесь можно чуть ли не каждое стихотворение...

Нельзя не сказать несколько слов о поэтике Натальи Елизаровой: все стихи интонационно окрашены, разнообразие размеров и ритмов делает книгу легко читаемой. При этом обращает на себя внимание излишнее пристрастие к объединению в рифмующейся паре открытой и закрытой рифмы: «косе — сень», «встречались — сангастия», «траве — круговерть».

Стихи, вошедшие в книгу, написаны Натальей Елизаровой в 2014 — 2018 годах, что позволяет предположить, что с тех пор ею написано немало нового. И поэтому будем с интересом ожидать следующую книгу.

Виктор Есипов

Поэт тревожного присутствия

К 90-летию со дня рождения Алексея Прасолова

Но так тревожно стало снова,
Когда глядела на меня
Как бы из времени иного.
Алексей Прасолов

Я ощущаю эту тревогу.
И не только потому, что это
строки, обращённые лично
к тебе, хотя и поэту тоже.

Есть другой, более важный,
общественно значимый смысл,
который просматривается
в тревоге поэта: как мы прочтём
его творчество, жизнь и судьбу
из иного времени — будущего?

Это время сегодня наступило:
XXI век, начало, до прибли-
жающегося столетия со дня
рождения поэта осталось всего
лишь десятилетие.

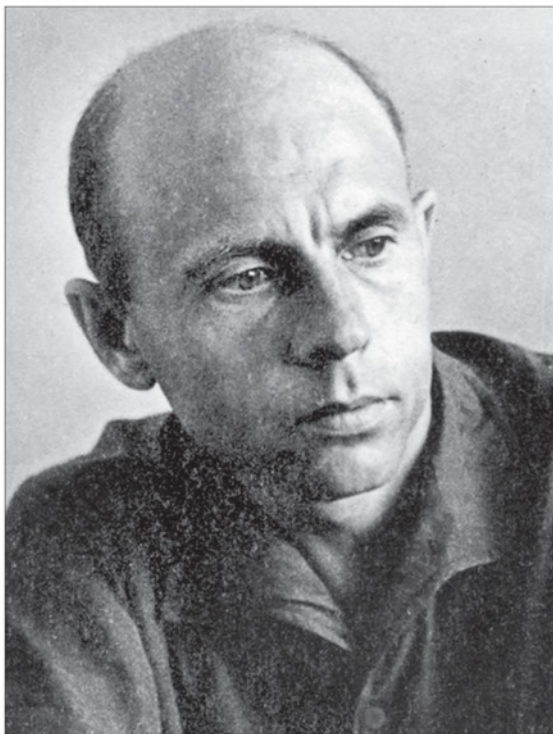
Есть ли основания для тре-
воги?

Алексей Прасолов признан,
входит во многие антологии
русской поэзии XX века, о нём
пишет критика, помнит чита-
тель.

И всё же, всё же, всё же...

«Тревога военного лета. /
Опять подступает к глазам /
Шинельная серость рассве-
та, / В осколочной оспе вок-
зал» (1963); «Тревожит вновь
на перепутье / Полёт взыска-
тельных минут. / Идут часы
и по минуте / Нам вечность
ёмкую дают» (1963); «И знать
хочу у праведной черты, / Где
равновесие держит бытие, /
Что я среди вас — лишь памятник
беды. / А не предвещник
сумрачный её» (1966)... Образы
тревоги — ключевые; они про-
ходят, пронизывая насквозь,
через всё творчество поэта, и,
вступая в яркий след, остав-
ленный ими, почти физиче-
ски ощущаешь: именно здесь,
в координатах времени и про-
странства, жизни и смерти,
любви и памяти, пролегал
Судьба Прасолова (Кожин
считал, что Судьба выше твор-
ческой судьбы) и Путь, траги-
ческое начало которого опре-
делено признанием: «Итак,
с рождения вошло — / Мир
в ощущение расколота: / От тела
матери — тепло. / От рук отца —
бездомный холод. / Кричу,
не помнящий себя. / Меж двух
начал, сурово слитых. / Что ж,
разворачивай, судьба, / Ново-
рожденной жизни свиток. /
И прежде всех земных забот /
Ты выставь письмена косые /
Своей рукой корявой — год /
И имя родины — Россия» (1963).

Сегодня трудно представить
себе, что поэт такого мощно-
го звучания и предчувствия
трагического разворота своей
судьбы мог быть причислен
критикой к «тихим лирикам».
Отчётливо понимаешь, что
попадание поэта в «обой-
му», «поколение», «группу»
в 60-е годы давало ему возмож-
ность войти в литературный
процесс. Вместе с Рубцовым,
Соколовым, Передеревым,
Жигулиным, Тряпкиным
Прасолов был внесён в ряд «тихих»
традиционных русских лири-
ков, противоположных «гром-
ким», новаторам Вознесенско-

му, Евтушенко, Ахмадулиной
и другим. Он был замечен,
отмечен и оценён. Как «тихий».
И эта оценка держалась долго.

Односторонняя прямоли-
нейность этого критическо-
го взгляда сегодня очевидна.
Прасолов был другой. Слиш-
ком самобытный — из страны
философов, глубоко индиви-
дуальный, резко непохожий
на «благополучных» (его слово)
самим «веществом существова-
ния» в мире.

В записных книжках Андрея
Платонова встречаем: «чело-
век — не тот, кто у всех на гла-
зах, а тот, кто внутри себя».
Алексей Прасолов был имен-
но таким внутренним сокровен-
ным человеком: «Я изойду
всем, что накопилось, — и тог-
да до боли резко увижу своё,
а вокруг меня, вокруг всех
предметов — мягкий тёплый
сумрак, и мир — из рембранд-
товского глубокого сумрака»
(из дневника 10.II.1966 г.).

Кажется, это сам герой про-
изведений Андрея Платонова,
сокровенный человек, после
долгого молчания обрёл свой
голос (об этом более подробно —
в моей статье «Андрей Плато-
нов и Алексей Прасолов. К про-
блеме сокровенного человека»
(«Литературная Россия», 1999,
№36)). И это — не литератур-
ный домысел. Есть гений места,
и у Прасолова с автором «Реки
Потудань» он был один. Жизнь
поэта протекала в тех местах
ЦЧО — Черноземья, Воронеж-
ской области, которые исходил
землемер Платонов, — Россошь,
Анна, Хохол, Репьевка; здесь,
где он тянул — с перерывами —

газетную лямку редактором
отдела писем или сельского
хозяйства. А ночью писал своё...

«Вспомнил бьют Пушки-
на в сквере, в Россоши. Лицо,
как изъеденное оспой, обра-
щено на булыжное шоссе,
по которому валом валит гряз-
ный осенний скот — на бойню.
Ещё перед лицом — вывеска
милиции. Здесь — гнездовье
Прасоловых. Отсюда, чувству-
ется, гнали гурты на Воронеж,
на Москву (Кольцовские гурты).
В Колбино (ближе к Дону)
много красивых девушек.
Видимо, смесь «ширококу-
лой» — татарской и прочей
дикой крови не разбавила сла-
вянской. Где-то здесь шла грань
(река Потудань).

Вообще, исторические со-
бытия оставили здесь заметный
след на земле, на людях, вой-
ны — на их судьбах. (Потудань —
Потудон — Дон). Интересно. Где
правда?» (запись в дневнике
22.IX.1965).

Эта земля, до боли родная,
прикипевшая к сердцу поэта,
входила в его стихи мучительно
долго: «Земля так много красно-
го впитала, / Зияет чёрное в её
судьбе». И когда человек гово-
рит: «Всё, что было со мной, —
на Земле», то он признаётся
в том, что трагизм его судьбы
разворачивался именно здесь,
на этой земле, и неотделим
от её трагического героизма...

Мне кажется, что такое ви-
дение трагедии земли побудило
Прасолова однажды обмолвиться
в дневнике: «Снилось что-
то героическое... Нужно найти
поэтов XVIII в.» (19.X.65). Можно
предположить, что именно тог-
да, когда появилась эта запись

в дневнике, у поэта рождался
замысел написать поэму жесто-
ких глаголов войны, которые он
спрыгал в детстве, потрясённый
всей бездной жизнью и смер-
тей; осуществить его он смог
позднее, в октябре 1970 — янва-
ре 1971-го, в Дивногорье, где
была создана маленькая траге-
дия в стихах «Безымянные».

А вот найти поэтов XVIII века
ему не удалось, а жаль: он был,
безусловно, близок к культуре
этого времени своим мироощу-
щением — строгим и серьёз-
ным, тоской по целостности
человеческой природы, героиз-
му и подвигу; созвучен своим
одическим, «торжественным
пенем».

Как это ни парадоксально
звучит сегодня, но Прасолов
тогда, в 60-е, бился над труд-
нейшей для себя задачей: опре-
делиться как поэт (а он считал,
что начало им быть было поло-
жено 1963 годом, когда, ломая
провинциальные перегородки
газетно-словесных штампов
об общем, он стал писать своё
о своём); но где и как отыскать
свое место в современности,
цветущей сложности её имён,
тенденций, стилей, ему было
неясно, тревожно.

Он болезненно переживал,
когда вездущий, признанный
воронежский поэт В. Гордейчев,
писавший «Это — мы — Ману-
ковские и Гагарины — мы»,
небрежно бросал ему при крат-
ких встречах: «Ты вноси в свои
стихи больше современности».
Прасолов отвечал стихами
«И кружит старая планета всю
современность бытия», смысл
которых тогда по-настоящему
не прочитывался.

Это особенно стало очевид-
но, когда в сентябрьской ново-
мировской книжке за 1964 год
появился его первая большая
подборка 10 стихотворений —
по словам Твардовского, такой
большой подборки в журнале
удостаивались только такие
мастера, как Маршак. Одна-
ко даже это обстоятельство
не повлияло на тон обсуждения
в воронежском Союзе писате-
лей прасоловского столичного
дебюта, причём именно «глуби-
на традиции и высота смыс-
ла» (В. Кожин) были постав-
лены под иронический прицел
выступающих.

Прасолов не был ни «успеш-
ным», ни «отшельником»,
ни «архаистом». Прямо и прав-
диво он смотрел в глаза насто-
ящему. Пристально следил,
насколько позволяли трудные
жизненные условия, за теку-
щей современной литерату-
рой. В тюрьме, где он пре-
бывал в 62–64-е годы, была
хорошая библиотека, выпи-
сывались почти все основные
«толстые» журналы, к ко-
торым он имел доступ; он полу-
чал от меня самые заметные
новинки современной поэзии:
сборники стихов Заболоцко-
го, Вознесенского, Винокуро-

ва, молодых воронежских по-
этов и многих других. Он читал
и писал одновременно, стро-
го присматриваясь к новому
в литературе и ревностно обе-
регая своё. Он знал цену «взы-
скательных минут» при чтении
и «проницательный свет» (его
эпитеты) суждения от прочи-
танного. Вообще тема «Прасо-
лов — критик» ещё ждёт свое-
го исследования: собственный
критик, «сидевший» в поэте,
работал не как слепой, с широ-
ко закрытыми глазами, а как
зрячий, осмысленно, серьёзно
приглядываясь к творческим
результатам своих современни-
ков, примериваясь к ним через
«своё», пропуская через себя.

Прасолов особенно строго
и ревностно относился к своим
любимым поэтам-современни-
кам — Заболоцкому, Виноку-
рову. В их числе была и Анна
Ахматова, которая стала его
поздним, самым сильным
открытием как поэт чувства:
он читал её подборку стихов
в журнале «Юность», не расста-
вался с маленьким вишнёвым
сборником её стихотворений,
вышедшим после стольких лет
неиздания; поставил её строки
«Пусть будет он непечальным»
эпиграфом к своему стихотво-
рению «Мне радость — / Резкий
свет. / Тяжка мне не печаль»
и ответил на ахматовское
вопросание «Как и жить мне
с этой обузой, / А ещё называ-
ю мюзой» своим размышлени-
ем о Музе: «Я к её взыску
прихожу / Замираю, словно
на краю, / Отдаю житейскую
свободу / За неволю давнюю
мою». В «Дневнике» 1965 года —
две записи: «Все дни думаю
об Ахматовой, а открыть её
книжку не хочется, словно
что-то разрушишь, — и уже
не ахматовское» (25.X.) и «Ахма-
това. Теперь я ею сыт. Когда её
много — плохо. Кляты, закля-
тия уже заставляют смот-
реть на представление чувств
и не верить их подлинности.
Чересчур мраморно и божес-
ственно» (13.XII.).

Что это — внезапное охла-
ждение, перемена вкуса, увлече-
ние другим поэтом? Конечно
же, нет: через 4 года он оставит
сокровенную запись, вспоми-
ная: «23 июня 1969 г. А. Ахма-
товой исполнилось бы 80 лет». Прасолов готовился к новым
замыслам — новому шагу в сво-
ём духовном развитии, не оста-
навливаясь на прежнем месте,
спеша завершить творческий
путь: «Чувствую — я шагну.
Это должно быть. Всё лишнее —
отступит, когда шагну. Но шаг
будет светел, и я его оборву,
чтобы снова быть всегдашним,
холодным, ищущим нового
огня» (21.X.65).

В предчувствии этого «ново-
го огня», сосредотачиваясь
на своём главном, поэт про-
сматривает «у изголовья успе-
дшего века, у подножия» типич-
ные недостатки современной
литературы: с одной стороны,

В архивах рылся Анатолий Белкин

Человек, который смеялся

Сегодня у нас в гостях классик сербской литературы, великолепный сатирик и драматург Бранислав Нушич — человек, который не боялся смеяться, который заставил улыбаться всю Европу. Спектакли по его пьесам и сейчас собирают в России полные залы...

Нушич родился 8 октября 1864-го, в год, когда умер основоположник сербской литературы Вук Караджич, и при рождении получил имя Алквиад; впоследствии славянский аналог этого имени — Бранислав — станет его псевдонимом. В семье Нушича было пять детей, он был четвёртым, жили небогато. Но гимназию окончил, а потом и университеты в Граце и Белграде. И в неполные 20 лет уже заявил о себе комедией «Народный депутат», разрешённой постановке лишь в 1896 году. Участие в сербско-болгарской войне 1885 г. вылилось в жёсткие, насквозь антивоенные «Рассказы капрала». Наконец, включился и в политическую деятельность и в 1887 году за сатирическую песню «Два раба», направленную против короля Милана Обреновича, получил два года тюрьмы. Правда, через сто дней был помилован и впоследствии даже сделал некоторую карьеру как дипломатический чиновник и начальник уезда, а тюрьму иронически называл «моя Эль-ба».

Иронии Нушичу вообще было не занимать, в его пьесах она была ключом. Он написал четыре романа, почти 50 пьес и около 500 рассказов и газетных фельетонов. Кумиром своим считал Гоголя, гордился сравнением с ним, цитировал «Ревизора». И публика любила Нушича безоговорочно — народ выстаивался в очередь за билетами на его пьесы и от души смеялся над его комедиями. Он стал редактором «Театральной газеты», директором театров в Нови-Саде, Скопье, Белграде... Но и политику не забывал — после аннексии Австрией Боснии и Герцеговины участвовал в патриотическом движении, охватившем всю Сербию. На Первой мировой войне потерял сына, вынужден был из-за резко антивоенных своих статей эмигрировать в Швейцарию; после войны, вернувшись, поддерживал антифашистские силы.

Наступление фашизма в 30-х годах усилило интерес Нушича к большим социальным проблемам, лёгкая ирония превращается в бичующую сатиру, поднимаясь до гротесков уже щедринского уровня. Особенно заметно это в великолепной «Госпоже министре», памятной нам по блистательному дуэту Веры Марецкой и Ростислава Плятта в Театре им. Моссовета. Впрочем, и сейчас пьеса имеет шумный успех в Театре Российской армии.

Фактически Нушич стал классиком ещё при жизни, а вот в Академию его долго не принимали, считая недостаточно серьёзным. И в ответ шестидесятилетний классик написал одну из самых смешных книг мировой литературы — «Автобиографию», мотивируя свой поступок в предисловии тем, что каждый академик обязан написать автобиографию, так что он решил позаботиться об этом заблаговременно. Плотность юмора в «Автобиографии» просто зашкаливает, мне реально не доводилось читать ничего подобного — смех разбирает буквально после каждого абзаца. И академиком Нушича таки избрали, но всё же только в 1933 году.

Смерть Нушича в январе 1938 г. стала национальной трагедией. Остались незаконченные работы, а в Загреб шла премьера пьесы с пророческим названием «Покройник». Да, классик позаботился и об этом — в «Автобиографии», как библийский Моисей, он написал и про собственную смерть, но и тут сохранил иронию — его последними словами были: «Почём на базаре дыни?» ■

узко, «интеллигентно», «бескровно», «стерильно», с другой — «вижу не одиноко влиняющее перо, тянущее за собой мёртвые, уродливые цепи «народных слов», а уйму». Это те, по его убеждению, обременительные вериги, от которых должно отказываться далеко и вперёдсмотрящему. И — как вздох облегчения: «Всё-таки хорошо, что я видел большие земные беды в лицо. Мне понятней сегодняшний человек, который не был собеседником на пире, видит мир страшным усложнённым и лишён той здоровой простоты, которая в конце-то концов и приходит к живым и сильным» (из дневника А.П. 21.X.65).

В этом признании мне чудится отсыл не только к названному аллюзией Тютчеву («Счастлив, кто посетил сей мир / В его минуты роковые, / Его призвали всеблагие / Как собеседника на пир»), но и к неназванному Пушкину, чья «здоровая простота» всегда приходит к живому и сильному человеку...

Пушкин пришёл к Прасолову поздно, в конце творческого пути, после Лермонтова, Блока и Есенина — в начале. В одноимённом стихотворении «Пушкин» за 4 года до смерти он афористически сформулирует мысль о завете, «услышанном» им лично от русского гения: «... Что значит — время? / Что — пространство? / Для вдохновения и труда / Явись однажды и останься / Самим собою навсегда».

Остаться самим собой («как хорошо, что я есть я, а не искажение самого себя»), оставить свой неизгладимый след, верно повторить на земле то, что в человеке неповторимо, — вот какой побег из временной современности он замыслил, думая о будущем — вечности.

Георгий Иванов как-то заметил: «Дело поэта создать «кусочек вечного» ценой гибели всего временного — в том числе нередко и ценой собственной гибели». Именно так понимал и Алексей Прасолов дело поэта на земле. У него был «замысел судьбы» (очень точное название статьи И. Шайтанова в «Литературном обозрении», 1979, №7): пережить свою судьбу как творческую задачу. Создать свой художественный мир, и он создал его. Смерть тоже входила в «замысел судьбы». В наших разговорах он не раз высказывал о самоубийстве Есенина (тогда была только одна версия гибели), отстаивая свободное право поэта на добровольный уход из жизни, «яркую точку» — он поставил её сам в 72-м, 42 лет от роду. В дневнике есть запись: «И ещё одно сегодня: призраки Смерти прошёл надо мной. И каким ярким языком он умеет говорить! Мне остаётся смотреть и слушать, и уметь — не ждаться» (21.I.66).

Но он дождался лучших своих стихов, где высокое прозрение и мастерство слиты воедино:

*Листа несорванного дрожь,
И забыть травинку тощих,*

*И надо всем ещё не дождь,
А еле слышный мелкий дождик.*

*Сольются капли на листе,
И вот, почувствовав*

*их тяжесть,
Рождённый там, на высоте,
Он замертво на землю ляжет.*

*Но всё произойдёт не вдруг:
Ещё — от трепета до тленья
Он совершит прощальный круг
Замедленно — как в удивленье.*

*А дождик с четырёх сторон
Уже облёг и лес, и поле
Так мягко, словно хочет он,
Чтоб неизбежное — без боли.*

1971 г.

Научно описать художественный язык этого стихотворения вряд ли удастся.

Гилберт Кийт Честертон говорит в эссе «Вечный человек» о «равновесии очевидных противоречий».

Поэт не стерилизует мир. Его мир — весь в непримиримых противоречиях, разрывах связей, катастрофах, падениях человека (и здесь он сродни герою Достоевского, отсыл к Достоевскому — по наблюдению П. Глушакова), и он мучительно ищет и находит те особые состояния души и природы, когда бег времени замедляется, приостанавливается — и наступает просветлённость глубины: «Широкий лес остановил / Ночные ветров нашествие, / И всюду — равновесие сил, / И дым встает — торжественный».

При жизни Алексея Прасолова редко называли поэтом мысли, а его поэзию — философской. Первым, кто серьёзно и глубоко обозначил это понятие на карте современной русской литературы века двадцатого, был австрийский славист Алоиз Волдан в статье «Алексей Прасолов — философская поэзия из провинции» (1985, Вена), но это произошло намного позже.

Сам поэт оставил нам портрет своей мысли (он был и неплохим рисовальщиком, сохранились его рисунки): «Светла, законченно-стройна, / Чуть холодна и чуть жестока, / На гордый риск идёт она, / Порой губя свои истоки...»

Какую цену он платил за обладание такой мыслью? Есть у Прасолова удивительное, редко цитируемое, так непохожее на многочисленные стихи «тихих лириков» о матери лирическое стихотворение, где дан ответ на этот вопрос: «Мать наклонилась, / Но век не коснулась, / Этому, видно, ещё не пора <...>

*Видишь ли даль,
где играют, стремятся,
Бьются о стены
и бьют через край,
Реют, в извилищах тёмных
змеятся*

*Мысли людские...
Дай руку. Прощай.*

1969 г.

Творчество забирает человека целиком...

«Искусство — это жизнь в свете мыслей» (Томас Манн) — это стало личным открытием Прасолова, его собственным

открытием на русской почве, а значит — и нашим, потому что мы почти физически видим, как, при каких обстоятельствах оно происходит и каких требует жертв...

Ради него, ради того, чтобы думать об Абсолюте — высших духовных ценностях жизни, — он готов пойти и идёт на гордый и страшный риск разрыва самых кровных, родных, дорогих человеческих связей. Эта мысль не вычитывается нами из стиха впрямую, потому что это — чувствуемая мысль.

Как человек Прасолов был способен на глубокие чувства, о чём свидетельствуют его дневники и письма, как поэт — на преображение и осмысление чувства, для которого он находил свой язык символических образов. За ясностью и афористической яркостью концовки, казалось бы, видимого стихотворения всегда просвечивает, мерцает скрытое, невидимое — символ.

Языком символов — «одинокой лошади» («Мирозданье сжато берегами...»), собаки, «переханной скотом», деревьев, перенёсших «лежовое побойе» бури, — говорит нам поэт о трагедии любви, о фантомной боли «однажды любивших» (А. Платонов). Душу человеческую он тоже поместил в Мирозданье: «Душа, прозрей же в Мирозданье, / Чтоб не ослепнуть на земле». Это обращено не только к себе, но, быть может, и к читателю поэзии тоже.

Мирозданье Алексея Прасолова по-прежнему открыто для новых прочтений и глубоких исследований.

Поэта не мучила, как мучит многих современных авторов, «неизбежность ненаписанного»: всё, что он хотел, он сказал...

И вот за эту «настоятельность сказанного» (Пастернак) его помнят, любят и ценит читатель...

И тут опять подступает тревога. Прасолов не издавали в столице тридцать с лишним лет. Последняя книга его стихотворений с послесловием Юрия Кузнецова вышла в Москве в издательстве «Современник» аж в 1988 году. За это время Рубцова, которого Прасолов, уступая в звуке («Шершавый шорох слов моих...»), превосходит в мысли, переиздали зное число раз. Странная ситуация...

Необходимо Избранное лирики Прасолова — 100 лучших его стихотворений, — тщательно составленное, текстологически выверенное, без произвольных усеконовений текста, ошибок и откровенных ляпов («шнуры дымилась» вместо правильного — «шпур»); оформленное так, чтобы небольшой томик можно было взять в руки...

Поэт должен прийти в XXI век к новому поколению читателей.

«Где можно купить книги Алексея Прасолова?» — спросил у меня студент Литинститута.

Мне нечего было ему сказать.

Инна Ростовцева

Статья публикуется в сокращении

Проект реализован на средства гранта Санкт-Петербурга

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЧУДЕСТВО

Неподдельное чувство времени

О творческой судьбе Сергея Погореловского

В 1933 году молодой журналист получил задание от газеты «Известия» — написать очерк о малыше-первокласснике, который вырастил жеребёнка для Красной армии. Сел писать очерк, а вышло стихотворение, первое стихотворение Сергея Погореловского для детей. Оно называлось «Подшефник».

Так началась литературная судьба Погореловского, его дружба с Самуилом Маршаком, который, как впоследствии вспоминал Сергей Васильевич, обладал уникальными способностями: «Заметить пишущего человека. Помочь овладеть мастерством. И — опубликовать».

Сергей Погореловский (1910–1995) — автор свыше семидесяти сборников стихов, многих поэтических переводов, песен и даже либретто трёх детских опер. По его стихам можно изучать историю нашей страны — так много в них деталей и примет реальной жизни. Родился он под Ленинградом, в Царском Селе, всю жизнь был связан с родным городом и даже во время войны, в эвакуации, писал детские стихи, строчки из которых включались во взрослые антифашистские листовки — настолько точно они били по врагу! Однажды дочь поэта, Татьяна Сергеевна, подарила автору этих строк оставшиеся в архиве отца дубликаты его старых книжек. Многие стихи, напечатанные в них, может быть, покажутся сегодня наивными и восторженными. Но сколько

же в этих книжках неподдельного чувства времени, той задушевности и простоты, которыми отличались стихи учеников маршаковской школы!

*От станции Кушетка
До станции Комод
Вожу я матерьялы —
Там строится завод.
От станции Окошко
До станции Кровать
Вожу я пассажиров
На дачу — отдыхать.
Слоны берут билеты,
И гуся берёт, и кот,
А заяц едет зайцем —
Билета не берёт!*

Сергей Погореловский долгие годы вёл в журнале «Нева» популярный «малышовый» отдел. В те же годы он неоднократно бывал руководителем семинаров на конференциях молодых писателей. Так что через его руки прошли многие страницы современной детской литературы, а через его сердце — судьбы сегодняшних детских писателей. В лучших своих стихах — а это в основном стихи для самых маленьких читателей — Сергей Васильевич умел

с помощью двух-трёх тонко найденных деталей буквально в нескольких строчках нарисовать образ, близкий и понятный ребёнку:

*— Карандашик, ты грустишь?
Был большой, а стал малыш!*

Погореловский умел и любил воспитывать. Он делал это кратко и талантливо. А многие его стихи в последние годы получили второе рождение — издательство «Детгиз» и Фонд «Дом детской книги» издали трёхтомник Погореловского с прекрасными иллюстрациями Светланы Бадиной: «О чём я мечтаю», «Никогда не унывать!» и «Интересно выручать...» Есть что почитать!

Михаил Яснов

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Чемодан Ивана Бунина

В заметках «К моему литературному завещанию» Иван Бунин писал о том, что в его парижской квартире на Рю Жак Оффенбах находился чемодан с русскими и иностранными рецензиями и статьями о его творчестве.

«Бунинский чемодан» пополнился ещё одной интересной книгой, которую автор этих строк недавно увидел на стенде Книжных аллей. Речь о сборнике Альберта Измайлова «Русские королевы Парижа. Этюды о конкурсе красоты «Мисс Россия» в эмигрантском Париже». В нём отражена насыщенная творческая жизнь русского эмигрантского сообщества, неразрывно связанная с Россией.

Конкурс красоты был организован русскоязычным журналом «Иллюстрированная Россия». Он издавался во французской столице в 1924–1939 гг. На его страницах печатались «королева русской юмристики» Н. Тэффи и её коллеги по «Сатирикону», члены петроградского «Цеха поэтов» Г. Адамович, Г. Иванов, И. Одоевцева и Н. Оцуп, главный редактор «Аполлона» С. Маковский и другие. Многие из них входили в состав редакционной коллегии парижского издания, участвовали в проведении конкурсов красоты.

Не раз в состав жюри конкурса «Мисс Россия» входил Иван Бунин. Однажды в хореографи-

ФАКТ

Редакция «Иллюстрированной России» стремилась привлечь к сотрудничеству «лучшие силы русской зарубежной литературы». В журнале публиковались произведения И. Бунина, А. Куприна, С. Чёрного, Б. Зайцева, А. Ремизова, И. Шмелёва, М. Осоргина, И. Одоевцевой, Г. Иванова, В. Ходасевича, А. Толстого, М. Алданова, а также советских писателей: М. Зощенко, В. Катаева, И. Бабеля, В. Шिशкова, С. Есенина, М. Булгакова, К. Федин, И. Ильфа и Петрова и других. На страницах издания можно встретить и рецензии на книги Бунина, написанные Тэффи и Адамовичем.

ческой студии ставили «Шопениану». На спектакле присутствовали писатели И. Бунин, А. Куприн, художник К. Коровин, которые посоветовали организаторам «Мисс Россия» пригласить понравившуюся им актрису Марину Шалапину. Она и стала победительницей конкурса 1931 года. Бунин говорил: «Красивых женщин много, но прелестных своей милостью, как Марина, очень мало!»

Евгений Дёмкин

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

Пройдёт вражда племён

В Таврическом саду звучали стихи

Сергей Есенин принадлежит к числу поэтов, которые стали выразителями духовных устремлений России в разные периоды жизни нашего Отечества.

Об этом говорил председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Борис Орлов, открывая праздник есенинской поэзии в Таврическом саду, у памятника Сергею Александровичу. Борис Орлов также отметил, что стихи Есенина особенно остро и злобно звучали в 90-е годы, когда в России произошёл переворот, названный словом «перестройка», и прочитал свои любимые строки:

*Я иду долиной. На затылке кепи,
В лайковой перчатке смуглая рука.
Далеко сияют розовые степи,
Широко синее тихая река...*

В год 125-летия со дня рождения поэта у памятника ему в Санкт-Петербурге побывали многие представители Союза писателей России, чтецы, актёры, художники и другие. Николай Ерёмин исполнил две песни на есенинские стихи: «Осенний романс» («Мне грустно на тебя смотреть...») и «Тальяночку». Тепло были встречены стихотворения о Сергее Есенине поэта Марианны Соломки.

На празднике присутствовал Николай Браун, сын известного поэта Николая Леопольдовича Брауна (1902–1975), который считал

Есенина одним из своих учителей. О высокой значимости произведения поэта говорил в Таврическом саду переводчик из Сербии Милан Тешич.

Есенин был и остаётся одним из самых любимых сынов России, его стихи учат нас любить и беречь Россию, подчеркнул Борис Орлов, завершая встречу.

*Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдёт вражда племён,
Исчезнут ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названием кратким «Русь».*

Любовь Федунцова

СПРАВКА «ЛГ»

3 октября 1995 года в Таврическом саду был открыт памятник С.А. Есенину. Скульптор А.С. Чаркин изобразил поэта сидящим на скамье с кленовым листом в руках. Говорят, Сергей Александрович действительно часто бывал в этом парке, любил прогуливаться здесь. Каждый год в день рождения поэта сюда приходят петербуржцы, чтобы прочесть стихи и возложить цветы.

ВОДХНОВЛЁННЫЕ РИФМОЙ

Пророки и революция

Поэты считали, что проливать кровь за дело — занятие благородное и возвышенное

Каждый раз, когда наступает годовщина «великого Октября», снова и снова вспыхивают у нас ожесточённые дискуссии о причинах революции. Но ещё задолго до того, как в 1917 году возбуждённые толпы хлынули на улицы Петрограда, революция в России уже произошла. И прежде всего она произошла в головах русских поэтов. Ведь это они её предсказывали, с воодушевлением готовили, прославляли и с упоением благословляли. Недаром же говорят, что поэт очень часто ещё и пророк.

Ровно за сто лет до революции, в 1817 году, Александр Сергеевич Пушкин, «солнце русской поэзии», написал свою знаменитую оду «Вольность». В ней были такие строки:

*Самовластный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.*

Это стихотворение Пушкин сочинил на квартире братьев Тургеневых сразу после выхода из лицея. Окна квартиры выходили на Михайловский замок, в котором был убит император Павел. При жизни поэта это стихотворение не было опубликовано, но ходило в списках по стране. Революционеры читали его с упоением. Пушкин как в воду глядел. Через сто лет всё именно так и произошло...

«Звери!» — скажем мы сегодня о тех, кто вершил эти страшные расправы. Но эти «звери» вдохновлялись стихами, в том числе и теми, которые написал за сто лет до революции лучший поэт России. А он не только это написал. После создания оды «Вольность» прошло десять лет, и в 1828 году Пушкин сочинил другое стихотворение, на этот раз посвящённое отправленным в ссылку декабристам:

*Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.*

И это предсказание поэта исполнилось в точности. Темницы в 1917 году и в самом деле рухнули. Временное правительство объявило всеобщую амнистию, и все сидевшие в тюрьмах политические заключённые вышли на свободу. Вместе с ними, правда, освободились также отпущенные уголовники и бандиты, но на такие мелочи в эйфории революционного азарта никто внимания не обращал. И меч им «братья» (в виде маузера или нагана) действительно отдали, и освобождённые революционеры, поспешно надев чёрные кожанки чекистов, принялись с увлечением рубить головы русским людям, в том числе и поэтам...

Другой величайший поэт России, Михаил Лермонтов, во всех подробностях описал грядущую революцию в своём стихотворении, которое так и называлось — «Предсказание»:

*Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;*

Поэты революции. Художник Вячеслав Токарев

*Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чужа от смрадных, мёртвых тел
Начнёт бродить среди печальных сёл,
Чтобы платком из жизни вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймёшь,
Зачем в руке его булатный нож...*

Написал это поразительное стихотворение Лермонтов в 1830 году, когда ему было всего 16 лет. При этом, правда, ничего хорошего Михаил Юрьевич о революционерах не сказал. Но в советские времена критики ухватились за его слова «мощный человек» и «с возвышенным челом», объясняя, будто тем самым поэт предсказывал появление Ленина.

Проходит всего четверть века, и вот другой великий русский поэт, Николай Некрасов, создаёт в 1855 году своё не менее знаменитое стихотворение «Поэт и гражданин». В нём есть такие строки:

*Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрёшь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровью...*

«Когда под ним струится кровью...» — какие же на самом деле это страшные строки!

Поэты, таким образом, объясняли, что идти и гибнуть, проливать кровь, не только своё, но и чужую, за благо, как им казалось, дело — не только вещь не предосудительная, но, наоборот, нечто весьма благородное и возвышенное. Чего же потом удивляться, что проходит всего шесть лет после написания стихотворения Некрасовым, как революционеры взрывают в 1861 году бомбой Александра II, царя, освободившего крестьян.

В 1907 году ещё один великий русский поэт, Александр Блок, пишет:

*И мы подыдем их на вилы,
Мы в петлях раскнём тела,
Чтоб лопнули на шее жилы,
Чтоб кровь проклятая текла.*

Совсем юная Марина Цветаева в 1908 году жалуется: «Как примирить

ся с мыслью, что революции не будет? Ведь только в ней и жизнь?.. Неужели эти улицы никогда не потеряют своего мирного вида? Неужели эти стёкла не зазвенят под камнями?»

Ах, если б она знала тогда, что случится с ней, когда эти стёкла действительно «зазвенят» и когда уже будут не только бить стёкла, а уничтожать людей, ломать человеческие судьбы!

К мятежу и бурям зовёт народ уже накануне революции Максим Горький своим «Буревестником»: «Между тучами и морем гордо реет Буревестник, чёрной молнии подобный». «Пусть сильнее грянет буря!» — страстно призывал знаменитый писатель.

Осип Мандельштам писал:

*Прославим роковое бремя,
Которое в слезах
народный вождь берёт.
Прославим власти сумрачное бремя,
Её невыносимый гнёт.*

Сергей Есенин ни в каких революционных делах не участвовал. Однако и он поначалу был охвачен восторгом и написал:

*Небо — как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик.*

Воспевал революцию и мало кому известный как поэт Леонид Канегисер. В своём стихотворении «Смотри» он писал:

*На битву! — и бесы отпрянут,
И сквозь потемневшую твердь
Архангелы с завистью глянут
На нашу всёёёую смерть.*

А когда революция произошла, дело для него кончилось тем, что в отместку за смерть друга он застрелил главу Петроградской ЧК Моисея Урицкого, организатора в городе массового террора. И потом сам встретил «весёлую смерть» в подвале ЧК.

Ну а про Маяковского и говорить нечего. Все знают, что его считают главным поэтом революции. И он уже открыто прославлял кровь и убийства:

*Ус заливатский закручен в форсе.
Прикладами гонишь седых адмиралов
вниз головой
с моста в Гельсингфорсе.
Вчерашние раны лижет и лижет,
и снова вижу вскрытые вены я.*

Но, конечно же, не поэты всё-таки сделали революцию в России и не их стихи стали её главной причиной. Однако свою лепту они в неё, несомненно, внесли, много лет внушая, что насильственная смена власти, её свержение есть нечто благородное, возвышенное и прекрасное. Что ради «высоких идеалов» стоит даже убивать и проливать кровь, что без кровопролития вообще не обойтись: «Дело прочно, когда под ним струится кровь». Если уж на то пошло, то ЧК, расстреливая в подвалах заложников и «врагов народа», действовало, как это ни парадоксально, в строгом соответствии с этими «рекомендациями» русских поэтов.

И лишь когда реки крови были пролиты, миллионы убиты, огромная и могучая страна разорена, лишь тогда поэты, звавшие «на бой кровавый, святой и правый», опомнились. И стали писать о революции уже совсем другое:

*С Россией кончено... На последних
Её мы прогладели, проботали,
Пролузли, пропили, пролевали,
Замызгали на грязных площадях,*

Так писал укрывшийся в Коктебеле Максимилиан Волошин. Но было уже поздно. В огне революции многие из тех, кто её предсказывал, восторженно встретил, а потом прославлял, сгорели. Маяковский застрелился. Есенин погиб при странных обстоятельствах. Блока большевики не отпустили на лечение за границу, и он скончался в голодном и холодном Петрограде в страшных мучениях. Мандельштам умер в лагере, Клюев тоже сгинул в ГУЛАГе, Цветаева повесилась от отчаяния в Елабуге. Бальмонт сошёл с ума и скончался в клинике для душевнобольных. А самого «Буревестника революции» Горького, как считают некоторые, отравили...

Ни одного стихотворения про революцию не написал романтик Николай Гумилёв. Но его всё равно расстреляли по подозрению в причастности к так называемому заговору Таганцева. А многие из тех, кто в революцию всё-таки уцелел, безвестно сгинули потом в эмиграции.

Самым прозорливым, как это ни странно, оказался петербургский поэт-сатирик Саша Чёрный. Ещё в 1906 году он написал:

*Дух свободы... К перестройке
Вся страна стремится,
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться.*

*Не топись, охранный воин, —
Воля улыбнётся!
Полицейский! будь покоен:
Старый гнёт вернётся...*

Всё так в точности и произошло.

Владимир Малышев

Смакование абсурда

В издательстве «Канон+» вышел полный сборник афоризмов колумбийского писателя и мыслителя **Николаса Гомеса Давилы** (на фото) «Схолии к имплицитному тексту» (перевод с испанского — Елена Косилова, предисловие — Владимир Дворецкий).

Николас Гомес Давила (1913–1994) родился в весьма состоятельной семье колумбийских землевладельцев и промышленников с глубокими корнями, восходящими к испанским колонизаторам и катехизаторам Латинской Америки.

Получивший начальное образование при участии лучших на то время преподавателей и воспитателей — французских доминиканцев, овладев с их помощью не только светской гуманитарной и христианской наукой, но и латынью и древнегреческим, не говоря уже об основных европейских языках, молодой Гомес прожил в Европе до начала Второй мировой войны. Вернувшись к себе в Колумбию, он собрал на средства, доставшиеся ему от отца, грандиозную библиотеку из раритетов и актуальных текстов, поселился затворником в своём доме, чтобы, осмысливая прочитанное, выдавать афористические суждения о времени и мире.

Все его размышления вылились сначала в книгу заметок («Notas», 1954), обладавшую некоторыми свойствами автобиографического жанра со всеми присущими ему недостатками. Следующую свою книгу, «Textos» (1959), Гомес писал уже как бы испытывая некоторое недоверие к «линейному» тексту, подыскивая форму для выражения своих мыслей в «разорванности тем», стремясь к объединению их в новом жанре. Впрочем, и форма «Textos» показалась ему неудовлетворительной, поскольку она ещё оставалась аналогом традиционного текста.

Основной труд его жизни — пять томов «Схолий к имплицитному тексту» — представляет собой более 10 тысяч афоризмов, написанных им «на полях истории и современности» на протяжении 1977–1992 гг.

Реакционер Гомес Давила, как он сам себя называл, был вдумчивым и проницательным оппонентом Второго Ватиканского собора (1962–1965), последовательным и непримиримым критиком демократии (как буржуазной, так и «народной»), врагом гностицизма и остроумным намешником над плодами всего перечисленного. Он подавал пример, как можно сопротивляться, даже оставаясь в одиночестве, глобальному наступлению Конца, который, кажется, невозможно уже предотвратить; как сохранить стойкость духа, веру, честь и достоинство.

Предлагаем вашему вниманию подборку афоризмов на эту тему.

Быть правым в политике означает не занять сцену, а объявить уже с первого акта, какие трупы будут в пятом.

Со времён Блэйка, Вордсворта и немецкого романтизма современная поэзия — это реакционный заговор против десакрализации мира.

Три великих реакционных предприятия современной истории — это: итальянский гуманизм, французский классицизм и немецкий романтизм.

Современная литература — это колоссальное реакционное предприятие.

Реакционер сегодня — это просто пассажир, который терпит кораблекрушение с достоинством.

Современный мир — это свинарик, в грязи которого радостно копоятся современные человеки.

Реакционер становится консерватором только в те эпохи, в которых есть что сохранять.

Реакционер — это не ностальгирующий мечтатель, а неподкупный судья.

Реакционеры набираются из первых рядов зрителей революции.

Прогрессист смотрит на прошлое с иронической усмешкой.

Реакционер удовлетворяется тем, что иронически смотрит на прогрессиста.

Деятнадцатый век был несчастлив, поскольку реакционеру довелось жить в самом солнцестоянии дурацких надежд. Сегодня, наоборот, нас утешает зрелище их катастрофических сумерек.

То, что говорит реакционер, никого не интересует. Ни когда он это говорит, потому что это кажется абсурдным, ни через несколько лет, потому что это кажется очевидным.

У реакционера есть не только обоняние, чтобы обонять абсурд, но и вкус, чтобы смаковать его.

Читатели писателя-реакционера никогда не знают, положено с энтузиазмом аплодировать ему или с яростью бить ногами.

Реакционные идеи просто закатываются, как закатывается солнце.

Обвинять реакционера в том, что он не понимает, проще, чем возразить ему.

Самый убеждённый реакционер — это расквашенный революционер, то есть тот, кто понял реальность проблем и обнаружил ложность решений.

Мы, реакционеры, неудачники: левые крадут у нас идеи, а правые — словарь.

У сегодняшнего реакционера есть удовольствие, которое было неведомо вчерашнему: он видит, что финал современных программ не только провален, но и жалок.

Писатель-реакционер должен смириться с умеренной известностью, поскольку он не может снисходить до дураков.

Мы, реакционеры, доставляем дуракам удовольствие, высказывая себя смелыми мыслителями авангарда.

Тексты реакционера кажутся устаревшими современникам и удивительно актуальными потомкам.

Политический талант выходит за рамки социальных категорий: бывают реакционеры в лохмотьях и коронованные левые.

Не клеветать на власть, но относиться к ней с глубоким недоверием — вот что характерно для реакционера.

Идеал реакционера — не райское общество. Это общество, похожее на то, которое существовало во время мирных отрезков времени в старом европейском обществе, в Старой Европе, до демографической, индустриальной и демократической катастрофы.

Перевела с испанского Елена Косилова

НЕТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Нобелевка заГЛЮКала

8 октября объявили имя лауреата по литературе

О том, кто достоин важнейшей литературной награды, размышляет писатель, президент Русского ПЕН-центра Евгений Попов.

— Нобелевскую премию по литературе вручили поэту из США Луизе Глюк. Как вы считаете, получение этой награды политизировано или в основе выбора всё же талант?

— Нобелевские премии часто присуждают не за талант, а за нечто иное. Примером тому белорусская журналистка Светлана Алексиевич, которая при Советах воспевала палача Феликса Дзержинского, а теперь, на радость Западу, утверждает, что Москва, оккупировавшая Крым, — хуже всякой Северной Кореи. Россия — страна «пещерного империализма», а 86% русских поклоняются Путину и считают,

«что государство должно быть большое и напшигованное ракетами».

А вообще-то давно пора понять, что Нобелевка — это не Высший суд или априорный знак качества. Хотя, конечно же, Альфред Нобель молодец, что свои динамитные деньги велел тратить на культуру, наши бы олигархи у него поучились. Однако вспомним, что эту премию не получили в своё время Толстой, Марк Твен, Джойс, Набоков, Борхес... Как бы она вскоре окончательно не выродилась в премию международной левой тусовки. О новой лауреатке с характерной фамилией Глюк ничего пока сказать не могу. Никогда про неё ничего не слышал и стихов её не читал.

— В разные годы нобелевскими лауреатами становились Солженицын, Шолохов, Пастернак, Бродский... Какие современные российские писатели, на ваш взгляд,

достойны звания нобелевских лауреатов?

— Русская литература второй половины XX века — начала XXI грандиозна. Она не подверглась монетизации, дала подлинные образцы высокого искусства. Шолохов, Пастернак, Солженицын, Бродский — это хорошо. Однако Аксёнова, Астафьева, Ахмадулину, Вознесенского, Евтушенко, Искандера, имеющих общемировое значение, — их ведь выдвигали, я знаю. Но они, в отличие от Алексиевич и Дилана, не заинтересовали шведских «комитетчиков».

Сегодня самой крупной русской персоной, достойной Нобеля, является, на мой взгляд, тихо живущий в Канаде Саша Соколов. Он уникальный писатель, наследник по прямой скупой на похвалы Владимира Набокова, назвавшего его дебютный роман «Школа для дураков» «обаятельной, трагической и трогательнейшей книгой».

Его романы — новая русская классика. Он — гуру новых русских писателей. Многие из них вышли из «соколовской шинели».

— Соколов... И это всё?

— Можно подумать ещё и о легендарном Юзе Аleshковском, о философе и тонком стилисте Анатолии Киме, моём однофамильце Валерии Попове из Питера, Михаиле Кураеве... Настоящие писатели, а не тусовочное фуфло в России всегда были, есть и будут...

Беседу вела
Алиса Соколова

ПОЭЗИЯ

Ода душе народа

Поэма

Ирина Батый

Работает в НИИ научным сотрудником. Пишет стихи и сказки для детей и взрослых. Автор 15 книг. Публиковалась в «Литературной учёбе», «Новском альманахе», «Роман-журнале XXI век», «Российском колоколе», «Южной звезде» и многих других изданиях. Победитель конкурса «Золотое перо Руси – 2008» в номинации «Сказка» (звание «Серебряное перо Руси»). Победитель литературного конкурса имени П. Еремеева (Нижегородское отделение Союза писателей России) 2007 г.

и др. Живёт в Нижнем Новгороде.

Живая душа

Слышим: «Русская душа!»
С выраженьем сказано.
А плоха иль хороша?
Точно не указано.
Отчего выходит так,
что нужна разгадывать
ставит всех в такой просак —
в тьму души заглядывать?
Иль там вовсе и не тьма,
а лучей свечение?
Затруднительно весьма
сделать заключение.
Чтоб прослыть

в ней знатоком
и иметь суждение,
должен быть с душой знаком
человек. Строение
не известно никому
этой субстанции.
В теле в нашем, как в дому,
в рёбрах есть вакансии
для одной из многих душ,
как кому сподобится.
Из иного мира куш
в нас вселяет Троица.
Оттого «живой душой»
всякий называется.
Он — и малый, и большой —
на земле спасается.
Сам не местный, а как гость,
целый век скитается,
хоть затем крушится кость,
в детях — возрождается.

Отгадки тайны души

Что же, «русская душа»
так и не разгадана?
И плоха иль хороша
та, что нам подарена?
Вероятнее всего,
что понятие узкое
будет разгадать легко
лишь сословью русскому.
Оттого, коль заболит
душенька у русского,
он тотчас благоволит,
на манер приютского,
отыскать себе родню —
близко или далеко.
Раз иль несколько на дню
сердцу биться нелегко.
Хорошо другой русак,
видя «затруднение»,
рассудит и так и сяк
это положение.
Глаз его — что твой рентген
по такому случаю.
Коль разбит, как автоген,
сварит швы, что к лучшему.
И хоть каждый человек —
образец единственный,
русаки из века в век,
верь на слово, истина,
как из теста сляпаны
на один и тот же манер.
И изюм в них спрятанный —
качества, вот например:

До черта знакомых черт

...Общим всё решать
собираемся,
не тупить, смекалкой брать,
истопить в субботу баню,
на врагов же выслать рать.
До черта знакомых черт
каждому из жителей,
хулиганов или жертв,
нового строителей
общей матушки Руси.
Потому не трудно им
всё, Господи спаси,
помогать своим родным
с непонятным справиться,
в равновесие прийти,
от проблем избавиться,
вместе быть на всём пути.
Разгадать соседа душу
для любого — не вопрос.
Чья осведомлённость лучше
о причине горьких слёз?
Кто подставит, если надо,
чтоб помочь, своё плечо?
Кто разделит с ним награду
и похвалит горячо?
Нет загадки для любого
в чьей-то родственной душе:
и такого, и такого,
и разного вообще!
Почему? А потому что
нараспашку души всех:
замешанные ли круто,
сляпанные ли на смех...

Лечение души по-русски

За границу Психею
лечат чудо-доктора.
А у нас же ахинею
за столом несёт братва.
И микстуры — те напитки,
что приводят в «расслабон».
— Расскажи друзьям «обидки»,
хворь вся выйдет сразу вон!
И подскажут «знатоки»
избавленье от проблем.
И хоть руки коротки,
но, однако, между тем
всяк «глядит в Наполеоны»,
он и тактик, и стратег,
вспомнит, как во годы оны
был достигнут им успех.
Красноречием блистает,
поговорки говорит.
На вопросы отвечает
как учёный и как гид.
Коль пословиц знаешь массу,
что века копил народ,
будет речь течь не напрасно:
расшифровывая код
непонятного в природе,
попадёшь не в бровь, а в глаз,
во своё, конечно, роде
отвечая каждый раз.
И чем проще человек,
больше знает он пословиц.
Дела — много, мало — нет,
Некогда им пустословить.

Особенная статья

К слову, надо и заметить —
зачастую иль подчас,
но не так, как в целом свете,
протекает жизнь у нас.
Вот природные условия —
дали-ширины простор.
Северные ли зимовья,
южные ли: жар и мор.
Бесконечные дороги,
то ухаб, то спотыкач,
а на реченьках пороги
укатают так, хоть плачь!
То война, то недород,
то болезнь придёт в домишки.
Оттого-то наш народ
и улыбочивый не слишком.
В наши окна зырит око
неусыпное врага.
Он и жадный, и жестокий,
выжидает лишь пока.
Ваней всех «поутигнать»
есть свои правители,
и идут за ратью рать
стран чужих грабители.
И хоть бедствия привычен
русский человек терпеть,
но и тут своеобразен,
может прочь и попереть.
И не зря, что злой медведь —
и тотем, и образец.
Он ведь может зареветь,
и придёт врагу конец!

О суете и лени

Чинный европеец
знает наперёд
все свои доходы
каждый час и год.
А спроси в России:
«Завтра что грядёт?»
Либо урожай нам,
либо недород.
А судьбы удары
нынче что ни день.
И пеняют русским:
«Отчего вам лень
рассчитать, собраться,
запастись багаж?»
Да беспечный Ваня
в лени входит в раж:
«Как на свет явился
из небытия?
Не своею волей
путь избрал сюда.
И в житейском море
чёлн несёт меня
без руля, равны в нём
счастье и беда.
Я-то полагаю,
а рассудит Бог,
всех причин причина
и всему итог.
Нечего искать нам
выгод в суете!
Душу не губи
в напрасной мае!»
Мы одни как перст

на целом белом свете,
нынче ждаться подмоги
неоткуда нам!
У беды грядущей
Вани на примете,
чу, идёт за нами
словно б по пятам.
И чужие люди,
видя душ несхожесть,
всё мечтают бить нас
будто б «для науки»,
в зеркале не зрят
всю свою ничтожность,
нет ума, так в ход
они пускают руки.

Сказочная жизнь

Говорят, ужели правда,
всякий Ваня — дурачок
и богатств ему не надо,
прощаю из простачков?
Отчего он не от мира
возлюбивших чистоган?
На какой играет лире,
в чей колотит барабан?
Посмотрите, край родимый
растянулся по земле:
тут и холод нестерпимый,
лето тёплое вполне.
Как на Севере — сиянье
непонятных нам лучей,
а на юге — так сверканье
в небе тысячи огней.
Сбоку Запад подступает
с тьмою умственных идей,
а Восток же нам мигает
светом чувственных затей.
Место сказок и преданий
о былых богатырях,
что без всяких указаний
бились с злом на рубежах.
Так не бойся русским быть
на земле своей и предков,
у врагов чудным прослыть,
посылая всех их метко
к заграничной матери
и, по меткому словцу,
повторяя «чёрт бери!»,
к чёрту, вражьему отцу!

Наука побеждать

Кроме жалоб на судьбину
есть наука побеждать.
А коль Ваня взял дубину,
с ним врагу не совладать.
Не сдаются русские
и нигде, и никогда!
Держат рамки жёсткие
поселенья, города.
Кто с мечом пожелает
да с намереньем дурным
кровь пролить нам алую,
будет жив лишь до поры.
Дело правое не чуждо
русской искренней душе.
Коль злодей иль чудо-юдо
обижает где друзей,
то народ наш запрягает

на подмогу лошадей,
даже и не рассуждает
о ненужности затей.
Запрягает пусть и долго,
да летит затем быстрее.
У народа чувство долга
с молоком их матерей
так впиталось прямо в душу
за добро во всём стоять:
и на море, и на суше
всех злодеев истреблять.
Для друзей открытым быть,
коли уж устроить пир,
то полсвета накормить,
удивив тем самым мир.

Млечный путь

Вот и «русская душа»
до конца разгадана.
Оттого, что хороша,
от людей не спрятана.
Кто проявит интерес,
то она как ширь полей,
то она как высь небес,
наконец, как глубь морей!
Как гармошка, широко
в мир людской распахнута:
с нею рядом так легко.
Не в чести тут суета.
А душою тянутся
к свету, знанию и добру,
красотой спасаются,
любят каждодневный труд.
Коли сроки подойдут,
для души есть Млечный путь:
пусть и небывало крут,
весь пройдёт, чтоб отдохнуть!
Точно где-то во Вселенной
отчий край лежит её.
Оставаясь неразменной,
длит душа там бытие.
Улетевши в небеса,
дух по-прежнему томится.
Пусть в раю крутом краса,
чаёт скоро возвратиться.
Чтобы с нами быть вовек
на просторах Родины.
Чтобы русский человек
вдруг не выдал слабину.

Что в имени моём?

Как нам душу приманить
из её чертогов райских?
Чем потрафить, ублажить
средь садов растений
майских?
Откажись от иностранных
звучных, выперенных имён.
Пусть соседям будет странно,
что в конце земных времён
назовёшь ты сына Ваней
в честь родного праотца!
Назовёшь ты дочку Маней,
будь уверен до конца —
лучше нет имён на свете,
обойди ты целый мир!
Вражки отбрось советы,
сам себе ты командир.
Пусть иные россияне —
в золотых цепях, в порше,
вечно сыты, вечно пьяны,
Фигаро у Бомарше —
презирают имя «русский»,
с нами скромное родство,
пьют коньяк они французский,
славят денег божество.
Русские! Какой восторг
быть одним с своим народом.
Отложи расчёт и торг
и сложи во славу оду!
Ванькой, помнящим родство,
ты иди всегда по жизни!
Жди победы торжества,
русской лишь служи Отчизне!

16 ИСКУССТВО

ТЕАТРАЛЬНОЕ
ДЕЛО
ГРИГОРИЯ
ЗАСЛАВСКОГО

Сац снова стала жертвой репрессий

Новость минувших выходных: в ходе рейда сотрудников Объединения административно-технических инспекций Москвы в Детский музыкальный театр им. Н.И. Сац был выявлен факт отсутствия на сотрудниках перчаток, что является нарушением требований соблюдения перчаточного-масочного режима. Так просто театр вряд ли отделается — обещают, что по результатам рейда будет составлен протокол, материалы дела будут переданы в суд. В первый раз нарушителям грозит штраф до 300 тыс. рублей, хотя в принципе вилка наказаний в отношении юридических лиц простирается до 1 млн, к злостным нарушителям может быть применена процедура приостановки деятельности до 90 суток, во время которых — речь же о нарушителях! — государственный театр (если нарушителем окажется государственный театр) будет лишён всех компенсаций. Театр Сац — не первая жертва начавшихся строгих проверок соблюдения действующих в Москве санитарных норм. До того нарушения были зафиксированы в Цирке Никулина на Цветном бульваре, Доме культуры имени Зуева, где играет свой спектакль «Квартет И», в Театре им. Моссовета...

Меня эта новость печалит, а список нарушителей печалит вдвойне. Я же понимаю, что в театрах работают не самые легкомысленные люди, которых нельзя заподозрить в несерьёзном отношении к пандемии, карантинным мерам и новой коронавирусной инфекции в целом. Почему я так считаю? Всё очень просто. Театры, актёры — самые пострадавшие от пандемии, в России, кстати, возможно, менее, чем в других странах, — в одних, как известно, театры решили не открывать до конца этого года, в иных — отменили весь нынешний сезон. Но именно потому, что наши театры уже испытали тяготы и лишения самоизоляции, самое страшное среди которых — жизнь без зрителей (для актёра, пожалуй, ничего хуже и страшнее нет), именно в театрах больше всего бояться эту счастливо появившуюся возможность снова потерять. Энтузиазм, с которым в театрах готовились к приёму публики, закупая санитайзеры, маски, специальные обеззараживающие шлюзы (таких, как в «Ленкоме», в Мастерской Петра Фоменко, в некоторых других московских театрах, нет даже в некоторых богатых компаниях, не говоря уж о госучреждениях), можно сравнить по своему эмоциональному накалу разве что с выпуском важной или даже главной премьеры. Настоящность, с какой в минувшую субботу в Мастерской Фоменко повторяли про маску, мне, воспитанному на лучших советских грампластинках, конечно, напомнила Ростислава Плятта, который в сказке «Отчего у кита такая глотка» умолял меня не забыть про подтяжки. ■

ОТ ВСЕЙ ДУШИ

На этой неделе — 17 октября — день рождения члена попечительского совета «ЛГ» Алексея Ивановича Ковылова. Ценим, что среди тех, кто помогает старейшему отечественному культурологическому изданию выживать в это непростое время, первый вице-президент АКАР — ведущей и крупнейшей профессиональной ассоциации участников российского рынка рекламы и маркетинговых коммуникаций.

Желаю академику Российской академии рекламы А.И. Ковылову здоровья и успехов!

ПРЕМЬЕРА

Прямое попадание

«Утиная охота» в Театре имени Ленсовета

Зилов — В. Куликов, Ирина — Л. Шевченко

Пьеса была написана в 1967 году, между тем спектакль, поставленный Романом Кочержевским более полувека спустя, звучит современно. Сделано это было столь органично, с минимумом средств, что эту «простоту» вপুরе отнеси к определённой форме сложности.

В самом деле, зрительное пространство явлено чёрно-белым и служит как бы нарочито ясным напоминанием об идеальном разделении мира добра и зла, правды и лжи. На этом лапидарном фоне возникает лёгкая палитра характеров, положений, эффектов. Облечённые в неизбитые режиссёрские приёмы — неожиданные конструктивные принципы организации высказывания художественной идеи, — они создают неповторимый, яркий колорит спектакля.

Действие начинается с парадоксальной реализации сценической метафоры «лопнувшей струны» — предвестия надвигающейся трагедии. Настраивающий гитару Зилов (актёр Виталий Куликов) вдруг с размаху разбивает её вдребезги об пол: происходит мгновенный переход мира внешнего в мир психический. Переход неожиданный, не поддающийся однозначной оценке — что происходит: истерика, продуманный выпад, смятение, эпатаж?..

Эта как бы увертюра сценна — ключ, символический портрет главного героя, для которого характерна общая немотивированность, непредсказуемость, странность. Таков весь спектакль, построенный, можно сказать, на эффекте «обманутого ожидания», когда внешняя простота построения сопрягается с внутренней сложностью. Таковы и другие действующие лица, своего рода грани, в которых так или иначе преломляется сложносочинённый душевный колорит Виктора Зилова.

Сказанное выше о минимуме средств в воплощении спектакля никоим образом не следует понимать зрелищной скудностью. Напротив, действие насыщено нетривиальными сценическими приёмами, а выдержанная в чёрно-белой гамме сценография представляет пространство действия динамическим объектом, находящимся в резонансе с ситуацией, представляемой в данный момент. Нельзя не заметить результат удачного синтеза постановочного и сценографического решения спектакля, и эта органика неслучайна: художником «Утиной охоты» выступил режиссёр спектакля Роман Кочержевский.

Приятно было увидеть действие, оформленное с отменным чувством стиля.

Художник по свету Гидал Шугаев показал удивительное многообразие вариаций, оттенков в градациях интенсивности потоков и ритмов света. Свет в спектакле играет не просто иллюстративную роль, сопровождая действие, а выступает эмоциональным контрапунктом. Изысканная работа со

светом в «Утиной охоте» наводит на мысль о том, что отсутствие в постановке мультимедийной проекции в данном случае как нельзя лучше способствует поиску и нахождению подлинно художественного решения, наиболее органичного театру.

Костюмы, созданные по эскизам Сергея Илларионова, — точная нота в общем зрительном аккорде спектакля. Их деликатное в хронологическом смысле решение напоминает о словах Альбрехта Дюрера из «Странствий Франца Штернбальда» Людвиг Тика, когда художник говорит об идентичных одеждах в исторических картинах:

«Я ведь не для того пишу картину, чтобы познакомить зрителя с давно забытыми одеждами, а для того, чтобы он почувствовал изображённый сюжет... И разве, читая историю, которая трогает нас и восхищает, мы думаем о том, как были одеты герои?» Так и костюмы С. Илларионова не делают героев ни ретро-персонажами, ни подчеркнутыми современными — они в гамме спектакля, и это главное.

Чувство меры — вот, пожалуй, что приходит на ум, когда хочется в двух словах сказать о впечатлении от оформления «Утиной охоты». С этим чувством подошёл к музыкальному оформлению спектакля и Фёдор Шенниченко.

Естественно, не может всё, абсолютно всё понравиться даже в прекрасном спектакле. В конце действия диктор читает психологические портреты зарисовки героев. Возможно, запись не вполне качественная или была не отложена трансляция, поэтому слова трудно воспринимались в зале. Кроме того, возникло впечатление некоторой «дежурности» в обязательном произнесении авторских характеристик персонажей пьесы, когда спектакль уже закончен.

Александр Медведев,
Санкт-Петербург

НЕРВ

Роман Кочержевский,
режиссёр:

— Однажды ты кожей начинаешь чувствовать, как уходит время, мечешься, хватаешься за воздух, в судорогах пытаешься найти ответы на известные и мучительные вопросы. Тебя охватывает страх, паника. Попадая в эту воронку, ты понимаешь, что опоздал: всё уже сделали старшие, а молодые гонят тебя, их дыхание в спину горячо и убийственно. И тогда воздух начинает сгущаться, дышать становится невозможно, ты начинаешь бежать, не понимая — убегаешь от чего-то или что-то преследует...

ЗДЕСЬ ТАНЦУЮТ

Балетный памятник

живым и павшим, тем, кто победил в Великой Отечественной войне

В Красноярском театре оперы и балета имени Д.А. Хворостовского открытие сезона ознаменовалось мировой премьерой двухактного балета на музыку Дмитрия Шостаковича и московского композитора Алексея Сюмака «Ленинградская симфония». Но этот спектакль не только балетный, он — многожанровый, в нём участвует хор, солисты-вокалисты, драматические актёры, а также дети — воспитанники Детской оперной студии при театре. Автор идеи и режиссёр — художественный руководитель Красноярского театра оперы и балета Сергей Бобров. Хореографы — молодые солистки балетной труппы красноярского театра Наталья Боброва и Олеся Алдонина. Художники — Иварс Новикс, Ксения Сорокина, Варвара Тимофеева. Премьера спектакля должна была состояться к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, но вмешалась пандемия.

Сибирская «Ленинградская симфония» принципиально отличается от одноимённого одноактного балета «Ленинградская симфония» в хореографии Игоря Бельского, поставленного в 1961 году на сцене Кировского (сейчас — Мариинского) театра и до сих пор сохранённого в его репертуаре. Балет Бельского — о подвиге жителей блокадного Ленинграда и воинов, защищавших город, трёхлетняя осада которого германскими войсками стала самой длинной и самой жестокой битвой в мировой истории. Красноярский же спектакль, по словам Сергея Боброва, — взгляд на войну из сегодняшнего дня, а также воспоминания душ погибших защитников страны, а может, и не погибших, а ставших бессмертными; они находятся где-то не с нами, но их свет озаряет нас и сегодня (в спектакле — несомненно), а к ним исходит наша благодарность. Блокадный Ленинград и ленинградцы условно присутствуют в балете (или в воображении смотрящего балет) как символ стойкости и высоты духа советского народа, победившего фашизм.

Спектакль начинается с того, что под вой сигнала воздушной тревоги из репродуктора звучит «лающая» немецкая речь, и в это время оркестранты проходят по залу в яму, причём некоторые артисты оркестра одеты во фраки, а некоторые — в гимнастёрки и пилотки: понятно — война... Забегая вперёд, скажу, что оркестр Красноярского театра оперы и балета под управлением Ивана Великанова на протяжении всего спектакля звучал на редкость выразительно, а сам маэстро был облачён в такую же модель фрака, каковая была у Карла Элиасберга, дирижировавшего в блокадном Ленинграде премьерой Седьмой симфонии Шостаковича 9 августа 1942 года. Хор стоит на ярусах по обе стороны зала и поёт русскую народную песню «Чёрный ворон», сюжет которой печальный, даже трагический, пронизан тоской и мистикой: на поле боя лежит раненый воин, а над ним кружит вещий

ворон — предвестник смерти. Причём ворон не подлетает к тем, кто может выжить. В первом куплете воин ещё не верит, что наступают его последние минуты, но далее он просит ворона полететь на его родину, сказать матери, что он погиб в бою за свою землю, и передать окровавленный платок той, которая его подарила. Чёрным Вороном в русском войске называли священника-нараду, отпевавшего павших. После боя он в чёрном одеянии и с гуслями шёл по полю и решал судьбу лежавших на нём воинов. Раненых отправляли в лагерь и лечили, а у смертельно раненных выслушивали последнюю волю, чтобы сообщить её родным и близким. Отпевали павших под гусли. Алексей Сюмак рассказывает: «Магическую песню о чёрном вороне воины пели накануне боя. Эта песня превращалась в музыкально-поэтический инструмент преодоления: мощным потоком она уносила прочь страх боли и гибели. И воины шли в бой без страха и упрека. Без памяти и завета. Мёртвым строем — плечом к плечу шли русские воины в бой, отдавая души Богу, а тела — атаке».

После «Чёрного ворона» зазвучал скорбный «Dies Irae» (лат., буквально «день гнева», имеется в виду день Страшного суда) из «Реквиема» Сюмака. А на сцене — по всему её периметру — увеличенные до гигантских размеров страницы советских газет предвоенных лет, в которых статьи об обильном урожае, о победах на индустриальном фронте, о Втором всесоюзном конкурсе дирижёров — дух надвигающейся войны

«Ленинградская симфония». Сцена из спектакля

Красноярский спектакль — взгляд на войну из сегодняшнего дня, а также воспоминания душ погибших защитников страны, а может, и не погибших, а ставших бессмертными.

не достигал в Советском Союзе газетных страниц. А на заднике — огромный портрет улыбающегося про себя Сталина, тоже газетный. Но вот зазвучали первые ноты Седьмой (Ленинградской) симфонии Шостаковича, и на сцену выбежали юноши и девушки, они танцуют, влюбляются, радуются жизни. И вдруг откуда-то с колосников, а впечатление, что с неба, на сцену с грохотом падает множество солдатских кирзовых сапог. Началась война! И артисты балета, чьи изящные ноги приучены к пуантам и лёгким туфлям, танцуют в этих сапогах. Они куда-то не уходят со сцены, только звучит в разных ритмах стук их кирзачей, но публика безошибочно чувствует, что эти молодые ребята и девушки идут на фронт и падают там, и едва сдерживает слёзы. Главные герои — Девушка (Наталья Боброва) и Юноша (Георгий Болсуновский) — притягивают внимание зала на протяжении всего спектакля. У каждого из них свой хореографический образ, как в мирной жизни, так и в военной, и оба солдата растворяются в своих образах, впрочем, как и все артисты, участвующие в спектакле, включая кордебалет. Удивительно, откуда у таких молодых ребят такое прочувствование войны!

Смерть названа в спектакле Бабой с косой. Причём, коса у Бабы — не та, которой косят траву и жизни, а из волос — длинная, седая и порядком растрёпанная. Исполнительница партии Бабы Олеся Алдонина, она же автор хореографии этой партии, поражает нестандартностью образа: её Баба с косой ходит среди всех, и никто на неё внимания не обращает до поры до времени. Олеся использует в танце свою косу как партнёршу: она ею и обвивается, и машет, и трясёт, словно показывая, что смерть делает то же, что и жизнь. Но до часа Х. Щемяц и пронзительный танец душ погибших, а артисты-души одеты в телесного цвета трико и как бы сливаются друг с другом и растворяются в небытии. Впрочем, эта сцена оставляет надежду на их бессмертие или иное бытие — в том числе, в образе белых журавлей, видеоизображение которых мелькало на заднике. Время от времени в спектакле звучат строки из дневника Тани Савичевой, их произносит артистка Детской оперной студии Влада Перекотий. А завершается действие исполнением «Lacrimosa» из Реквиема Моцарта.

Танцы в спектакле не следуют за музыкой, а рождаются из вслушивания в неё и несут зрителям мысль о том, что героизм жителей СССР в период Великой Отечественной войны стал явлением массовым, чуть ли не рядовым, а сплочённость людей была нерушимой. И именно этой сплочённости так не хватает нам в современной жизни. Но это уже мысль не хореографов, а моя.

Девушка — Н. Боброва, Юноша — Г. Болсуновский

Людмила Лаврова

Творцы и торговцы

Взаимоотношения режиссёра и продюсера — может ли быть гармония?

Опубликовав рецензию на дебютную ленту Саши Франк «Он+Она» («Отличный старт» от 26.08.2020) и порадовавшись за выпускницу ВГИКа, мы и представить не могли, что за этим чудесным фильмом о любви стоит столько ненависти и злобы. Его второй год не выпускают на экраны. Разнообразной похабной ерунде — зелёная улица, а этой светлой, мудрой ленте — кирпич. Почему? Что-то понимать мы стали, когда режиссёр сообщила нам, что Денис Баглай, генеральный директор студии «Art Pictures Studio», которой принадлежат права на фильм, потребовал, чтобы «ЛГ»... отозвала рецензию на фильм. Это не шутка. Повторяю: отозвала! Ситуация бредовая: как можно отозвать что-либо в современной прессе, да ещё без решения суда, да и, чёрт побери, чем директору студии не угодил рецензия, в которой его фильм хвалят?!

К режиссёру Саше Франк, находящейся на грани нервного срыва, мы с этими вопросами приставать не стали (да она, наверное, и не знает на них ответа), провели собственное расследование, чтобы разобраться, в чём суть конфликта между режиссёром и продюсером фильма.

Началось всё в феврале 2018 года. Молодая постановщица Саша Франк, уже заявившая о себе как о режиссёре (её короткометражный фильм «Радость» был показан на трёх международных фестивалях: Московском, Каннском и Chelsea Film Festival в Нью-Йорке), на собственные средства сняла новый короткометражный фильм — «Он+Она». В главных ролях — известные артисты Василий Бочкарёв, Катерина Шпица, Сергей Бурунов, Павел Деревянко. Короткометражку посмотрел Фёдор Бондарчук и предложил молодому режиссёру сделать полнометражный киноальманах в его компании «Art Pictures Studio». И поручил им заниматься в качестве продюсера генеральному директору кинокомпании Денису Баглаю.

Who is Баглай? В единственном интервью, которое удалось найти в Сети, он сказал о себе исчерпывающе: «В 1993 году я начал работать в качестве администратора программы на Первом канале и именно тогда, наверное, понял, что творчество — это не ко мне. Вот если что-то организовать, с кем-то договориться, просчитать сценарий, собрать группу для съёмок — это да. Писать сценарии или снимать кино меня никогда не тянуло. Я абсолютно не творческий человек. И могу принести пользу людям творческим, потому что должен быть, знаете, трезвый человек, который абсолютно чётко понимает с организационной и коммерческой стороны, что вот эту историю можно продать, а вот эту задумку на 100% реализовать не удастся...» Такой автопортрет.

Далее оказалось, что свои деньги в кино «Art Pictures» вкладывать не собирается, Саше Франк пришлось искать инвестора. С помощью актёра Анатолия Руденко, который снялся (и очень удачно) в одной из новелл, удалось найти такого человека. Баглай убедил инвестора, что деньги надо перевести в «Art Pictures», так как финан-

Режиссёр фильма «Он+Она» Александра Русланова (Саша Франк)

сирование проекта будет проходить через кинокомпанию, которая, в свою очередь, тоже будет вкладывать деньги в проект. А Саше объяснили, что свои права на картину она должна передать «Art Pictures», по-другому-де в кинопроизводстве не бывает. Таким образом, были убиты два зайца: и инвестор деньги перевёл, и Саша права передала. А вот после этого *абсолютно не творческий человек* Баглай присылает Саше некий сценарий с предложением заменить последнюю, пятую, новеллу фильма с уже утверждённым звёздным составом (Ольга Науменко, Евгений Стеблов, Геннадий Сайфулин) на другую. В предложенной истории главные действующие лица — женщины, из которых одна соблазняет другую, а потом они оказы-

ваются матерью и дочерью. Но тема однополюс любви и инцеста никак не соответствовала замыслу фильма Саши Франк, и она отказалась.

Вот с этого и началась неприязнь: коммуникация с Баглаем расстроилась, деньги (из тех, что вложил инвестор) выделялись всё более неохотно, а потом финансирование и вовсе прекратилось. Дальше — ещё хуже. После того как в мае 2019 года Баглаю был послан первый монтаж, он потребовал, чтобы Саша незамедлительно привезла в студию все исходники. При этом по телефону звучали угрозы и оскорбления, самая мягкая дефиниция: «фильм — говно». Стоит добавить, что за время съёмок Саша успела выйти замуж, забеременеть и родить ребёнка, так вот, после оскорблений генерального директора у неё пропало молоко. Но сдаваться она не стала, и отдавать исходники тоже — из боязни, что они пропадут или её кинодетские изуродуют. Чтобы закончить фильм (озвучивание и т.д.), Саша залезает в долги.

Итак, что же получилось: кинокомпания «Art Pictures» не вложила в проект ни копейки, просто в подарок получила первую новеллу, снятую на деньги режиссёра, да и весь полнометражный фильм завершён тоже на её деньги, остальное — финансы инвестора.

Фильм год как готов, он официально сдаётся в «Art Pictures», прилагаются все сопутствующие документы, отчёты, акт приёмки, но всё это остаётся без ответа и внимания руководства компании. Премьеры нет, показывать ленту режиссёр без разрешения правообладателей не имеет права: ни критикам, ни обзорщикам фестивалей — никому. Наконец дебютантка не выдерживает и отправляет фильм своему вгиковскому мастеру — известному кинорежиссёру Валерию Ахадову с вопросом «Стоит ли за картину бороться?».

Ахадов даёт картине неожиданно для Саши очень высокую оценку, а также рекомендует показывать её кинокритикам. Выходит статья в «ЛГ», потом в газетах «Труд», «Экран и сцена», где о фильме отзываются тоже более чем

похвально! Журналисты задают естественный вопрос режиссёру: когда премьера? И тут выясняется, что премьеры не будет! Скандал выплёскивается в Сеть, и Баглай наконец откликается, но как? Посылает режиссёру официальные претензии, в которых требует отзыва рецензий! Если бы этого требовал рядовой, попавший берега провинций, каких много в кинобизнесе, то последовал бы взрыв смеха, но мы имеем дело с генеральным директором солидной кинокомпании, который может раздавить начинающего талантливого режиссёра. Как быть?

И тогда за дебютантку вступилась Гильдия киноведов и кинокритиков. Люди разных эстетических предпочтений и политических взглядов объединились (такое бывает крайне редко!) в желании поддержать Сашу. Президент Гильдии Кирилл Разлогов отправил официальное письмо г-ну Баглаю с просьбой прийти на собрание Гильдии, чтобы помочь разобраться в конфликте и мирно выйти из ситуации.

В назначенный день в Доме кино состоялось заседание Гильдии, на котором Денис Леонидович, разумеется, опоздал. Зато весь цвет нашей кинокритики собрался вовремя, и, несмотря на вторую волну пандемии, почти в полном составе. Те из киноведов, кто не смог присутствовать лично, прислали свои положительные отзывы с призывом к продюсеру срочно выпустить картину. Баглай удивил всех, а в первую очередь создателей фильма, заявив, что он не продюсер, как его отрекомендовал Фёдор Бондарчук... А кто же тогда? То, что не Дино Де Лаурентис и не Харви Вайнштейн, все уже поняли. Тогда кто? Ротшильд, Наполеон? Хотя, действительно, настоящим продюсером фильма (и генеральным, и исполнительным, и линейным) была его режиссёр... Не буду описывать бурную дискуссию и цитировать пламенные речи уважаемых коллег, положительным итогом беспрецедентного собрания можно считать обещание генерального директора студии разрешить некоммерческое использование фильма, если режиссёр отдаст фильм в компанию. «Art Pictures» в свою очередь продаст его на одну из цифровых платформ, и каждый желающий сможет его посмотреть, правда не в кинотеатре, а на мониторе компьютера.

Более чем двухгодичные мытарства дебютантки, надеемся, завершились. Как не вспомнить фразу Ахматовой «какую биографию делают нашему рыжему!». Саша Франк приобрела имя, ей нужно сказать Д.Л. Баглаю спасибо: если бы не он и её упорство, то за неё не вступилось бы наше киносообщество.

Но нормально ли это? Дебютантка сняла талантливый фильм, не стараясь никому угодить, не конъюнктурный, искренний. И отстояла его. Но многие ли на это способны? «Власть и деньги предрешающие», кичась тем, что «творчество — это не ко мне», гнут и ломают творцов, заатакуют на корню ростки живого кинематографа. И такое происходит повсеместно, и не только с дебютантами. Можно ли исправить эту крайне нездоровую ситуацию? Или всё правильно?

Эти вопросы мы задаём всем заинтересованным лицам, в том числе и Денису Леонидовичу Баглаю. Ответы публикуем в «ЛГ».

Александр Кондрашов

Генеральный директор студии «Art Pictures Studio» Денис Баглай

ПРЕМЬЕРА

Стена предательства

«Россия 1» показала новый фильм
Андрея Кондрашова «Стена»

Фильм посвящён тридцатилетию «воссоединения Германии», а на самом деле поглощения Германской Демократической Республики (одной из самых успешных стран социалистического лагеря) её капиталистической «сестрой» — Федеративной Республикой Германии. Показано, что предшествовало разрушению берлинской стены и какие были последствия. Для миллионов людей — драматические, для сотен тысяч в Германии и России — трагические, для ГДР и СССР — гибельные. Но «Стена» шире, чем просто фильм к дате, есть в ней что-то, что выходит за рамки исторической публицистики.

Фильмам Андрея Кондрашова — а «ЛГ» писала почти обо всех проектах известного журналиста и телеведущего — свойственны фундаментальность и глубина. А также эпичность, так как темы глобальные — в данном случае речь идёт не столько о стене, которую быстро построили в августе 1961-го и ещё быстрее разрушили в ноябре 1989-го, а о крушении красной империи на территории Европы, о том, как это произошло и чего это народу нашей страны стоило.

В «Стене» есть и известные кадры хроники, которые иллюстрируют политические процессы по обе стороны стены после её строительства. Разделённые семьи, побег из ГДР в «свободный мир» ФРГ, часто кончавшиеся трагедиями, также звучали сегодняшние рассказы людей, так сказать, задавленных обломками стены. Её можно было разрушить, но зачем было выводить наши войска? Говорилось об удивительной, необъяснимой уступчивости Горбачёва, Яковлева, Шеварднадзе и Ельцина, в результате которой более чем трёхсоттысячная Советская армия покинула территорию Германии, между тем американские оккупационные войска стоят там до сих пор. То есть были перечёркнуты итоги Великой Отечественной войны, как было сказано в фильме, преданы отцы и деды, ценой огромных жертв победившие немецкий фашизм. Горбачёв, отвергая все возражения советников из МИДа, пренебрегая мнением военных специали-

стов, принял «судьбоносное» решение о выводе, а при Ельцине он завершился, таким образом был нанесён страшный удар по нашей обороноспособности. А холодная война не прекратилась — автор фильма привёл слова Путина о том, что берлинская стена была не разрушена, а передвинута вплотную к границам России.

В фильме участвовали отставные политики ФРГ и ГДР, российские военные из западной группы войск. И в полный рост встала тема предательства. Кажется, впервые на главном российском канале было громко сказано, что Горбачёв предал не только союзников (в ГДР было очень много искренних друзей СССР), но и нашу страну, за пять лет доведя её до развала. Причины — некомпетентность, тщеславие, желание понравиться западным лидерам или сотрудничеству с иностранными спецслужбами — не так важны, главное, что оно произошло, предательство.

Показательна судьба обманутого Горбачёвым лидера ГДР, преданного друга нашей страны Эриха Хонеккера, которого уже при Ельцине выдали властям ФРГ. Посадили в ту же тюрьму, в ту же камеру, где антифашист Хонеккер сидел при Гитлере, — какие отвратительные символы! У него был рак в последней стадии, и потому бывшего лидера ГДР отпустили, и он, бесребренник, умер в доме пастора, согласившегося приютить нищего старика. Также были преданы все государственные служащие ГДР, которых после «аншлюса»

подвергли люстрации и выгнали с работы. Это было не объединение, а захват.

В фильме участвовал и Эгон Кренц, сменивший Хонеккера на посту руководителя ГДР (правил он всего несколько месяцев, а после «объединения», которое, кстати, произошло без каких-либо референдумов, власти ФРГ приговорили его к шести с половиной годам тюрьмы). На обсуждении фильма в программе Владимира Соловьёва Андрей Кондрашов рассказал о характерной детали: Кренц, чтобы приехать для интервью в Берлин, потрапил на дорогу последние деньги, а когда во время съёмки образовался перерыв, выяснилось, что ему не на что было пообедать... В фильме показан также замок Горбачёва в Германии, его баварские соседи сообщили, что Михаил Сергеевич любит здесь бывать, а на родине ему неуютно. Какие разные судьбы.

Неожиданно светлым в этом крайне печальном фильме был финал. О контактах и дружбе жителей ГДР с русскими говорил немецкий режиссёр, создатель самого крупного культурного проекта Германии «Дрезденский бал» Ханс Йохим Фрай, ставший не так давно художественным руководителем образовательного центра «Сириус» в Сочи. Многие немцам он открыл глаза на Россию, они приезжали и видели совсем не то, что слышали о нашей стране в своих СМИ. Фрай сказал, что важно «научиться любить Россию». В финале под изумительные кадры русской природы прозвучало его любимое музыкальное произведение «Вариации на тему Паганини» Сергея Рахманинова.

Чтобы уверенно двигаться в будущее, надо знать, что и почему с нами произошло в прошлом, и не бояться называть вещи своими именами.

Александр Иванов

КИНОФОРУМ

Пандемии вопреки

В Москве прошла церемония закрытия 42-го Международного московского кинофестиваля.

Он должен был состояться весной, но из-за коронавируса его решено было перенести на осень. Вторая волна пандемии чуть было не накрыла и церемонию закрытия, но всё же она состоялась. В киноконцертном зале «Россия» (теперь Театр мюзикла) жюри, возглавляемое известным российским режиссёром и продюсером, также много и успешно работающим за рубежом, Тимуром Бекмамбетовым, объявило победителей, а зрители, расставленные в шахматном порядке, наблюдали за церемонией, которую как бы в образе своего персонажа из фильма «Юморист» вёл ироничный Алексей Агранович.

Приз «Серебряный Георгий» за лучшее исполнение женской роли был присуждён Меган Первис (кинолента «Хильда», Великобритания), а лучшим

актёром признан Гур Бентвич («Как сыр в масле», Израиль).

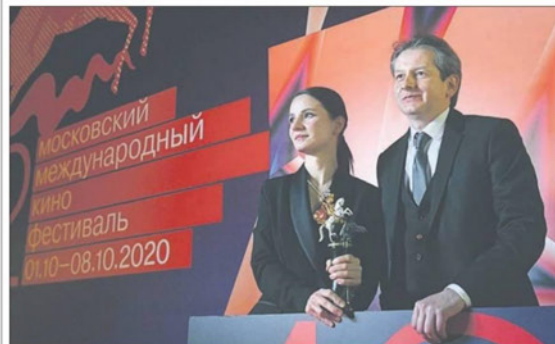
Призом «Серебряный Георгий» за лучшую режиссёрскую работу отмечен Риши Пэлэм (ещё одна награда у британской «Хильды»).

А главный приз — «Золотого Георгия» — получил фильм, ещё до премьеры вызвавший много споров, «Блокадный дневник» (режиссёр Андрей Зайцев, Россия). О нём мы напишем в одном из ближайших номеров.

Специальный приз, «За многолетнее служение искусству кино», был присуждён режиссёру и актрисе Светлане Дружининой, а приз «За покорение вершин актёрского мастерства и верность принципам школы К.С. Станиславского» — Светлане Крючковой.

Ведущий от имени всех участников Московского кинофестиваля поздравил его президента Никиту Михалкова (он не присутствовал на церемонии) с наступающим 75-летием.

Б. Никитский

Главный приз фестиваля получил режиссёр ленты «Блокадный дневник» Андрей Зайцев (справа на фото)

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

Прямоком из 90-х

В начале октября на российских экраны вышел фильм Дениса Крючкова «Русский рейд», в котором участвуют Иван Котик, Софья Озерова, Никита Кологривов и другие. Для многих это новые имена, но актёры талантливы и честно прожили свои роли в этой жанровой криминальной истории.

Никита, отца которого убили бандиты, решает отомстить и готовит рейд по захвату заводов, который принадлежит обдичкам. Время действия — всего сутки, однако событий много. Помимо основной сюжетной линии с проникновением на завод мы видим рассказ о прошлой жизни героев и успеваем им посочувствовать. Что важно для боевика, в фильме отлично сня-

ты боевые сцены. Однако есть и элементы психологизма, у брутальных героев бывают моменты слабости и сомнения. Женщины же под стать героям. Миссия Никиты (Иван Котик) и его команды провалилась бы, если бы не Ева (Софья Озерова).

Герои не раз отрешиваются от лихого десятилетия: «сейчас не девятность», «мы не в девятность», «девятность давно прошли», но происходящее говорит об обратном. Создатели как будто предупреждают об опасности возвращения того времени.

«Русский рейд» совмещает в себе лучшие черты боевика — очень приятно, что наши научились успешно работать в этом жанре.

Алексей Шарипов

20 СТОЛИЧНЫЙ КОНТЕКСТ

ГОРОДСКАЯ СРЕДА

Технопарки на любой вкус

Москва заботится о раннем профобразовании школьников

Российская столица активно развивается в русле инновационных технологий: внедряются новые разработки, поддерживаются научные исследования и, как отметил московский градоначальник Сергей Собянин, в городе «порядка 60 тысяч людей работает в технопарках. Это инновационная среда, огромные объёмы и потенциал. Москва создаёт продукт и предлагает его всей стране».

Важно отметить, что технопарки, оснащённые высокотехнологичным оборудованием, могут посещать и школьники от 10 до 16 лет — в городе действует 18 детских учебно-экспериментальных зон, где в 88 лабораториях ребята с удовольствием знакомятся с перспективными профессиями и трудятся над собственными проектами в самых разных сферах.

В разработке обучающих программ для технопарков и непосредственно в процессе профессионального обучения принимают участие преподаватели и студенты ряда крупных московских вузов: МГТУ имени Н.Э. Баумана, МАИ, Российского государственного социального университета (РГСУ), Московского политеха и др. Кроме того, к сотрудничеству привлечены крупные промышленные компании, которые предоставляют для обучения реальные кейсы с производства. Сейчас у детских технопарков 36 образовательных и 78 промышленных партнёров.

Детский технопарк «Байтик» в городе Троицке. Мастер-класс по робототехнике

Что же предлагают эти суперкреативные площадки нынешней осенью? Например, в технопарке «Вертикальный взлёт» совместно с Национальной ассоциацией организаций дополнительного образования для молодежи открыта Школа управляющих. Полный курс обучения (и что важно — бесплатный!) здесь занимает девять недель. В образовательную программу входит знакомство с основами построения бизнеса и стажировка в одной из 25 крупных столичных компаний. У лучших выпускников есть шанс получить постоянную работу. С несовершеннолетними победителями могут заключить отложенный договор, который позволит начать трудиться через несколько лет. Либо они приступят к работе с согласия родителей.

В связи с продлёнными школьными каникулами и домашним режимом многие технопарки подготовили бесплатные интенсивные курсы, лекции и мастер-классы в онлайн-режиме. Так, обучить ораторскому искусству можно на занятиях технопарка «Наукоград», который финансирует на базе Московского государственного юридического университета. Во второй половине октября здесь же для желающих пройдут виртуальные занятия «Современное искусство: ключи к пониманию» и «Введение в авиацию», а также мастер-классы «Презентация — это искусство» и «Создание сайтов».

Технопарк «Инжиниринг» при Бауманке подготовил интенсивный виртуальный курс «Мехатронный модуль контроля состояния и аварийного

перекрытия нефтепровода», а на курсе технопарка «Менделеев-центр» желающие ознакомились с особенностями профессии эксперта-криминалиста.

Кроме того, во второй декаде октября на онлайн-платформе Zoom школьников ждут «Инженерные каникулы» детского парка равных возможностей РГСУ, во время которых можно пройти курсы по мультимедийным технологиям, инженерному дизайну CAD и графическому дизайну.

Бесплатные интенсивы и мастер-классы подготовил для юных москвичей технопарк «Кванториум», раскинувшийся на территории знаменитого инновационного центра «Сколково». Здесь на занятиях можно будет познакомиться с основами программирования на языке Python. А на мастер-классах — создать двухмерную компьютерную игру и даже спроектировать космическую станцию!

Дистанционный формат уже доказал свою эффективность, — отмечает руководитель столичного Департамента предпринимательства и инновационного развития Алексей Фурсин. — Весной и летом онлайн-курсы технопарков прослушали около 35 тысяч школьников.

И это далеко не всё!

В первый месяц осени в столице для младших школьников был организован «Первоклассный сентябрь»: как сообщил на своей странице социальной

сети «ВКонтакте» Сергей Собянин, с 1 по 30-е число каждый первоклашек мог бесплатно посетить одну из пятнадцати площадок дополнительного образования и узнать о современных востребованных профессиях. К услугам ребят оказались город профессий «Кидбург», образовательный парк «Кидзания», музей занимательных наук «Экспериментариум», детский центр научных открытий «Иннопарк», парк виртуальных развлечений Arena Space и, конечно же, практически все технопарки Москвы.

Тамашные мастер-классы были, право, на любой вкус: от технологий 3D-сканирования и 3D-печати (детский парк равных возможностей) до биотехнологий, scratch-программирования и робототехники («Инжиниринг»); от основ объёмного прототипирования и цифровой фотографии («Траектория взлёта») до робофутбола и создания архитектурной сказки с авторскими персонажами и элементами декора («Наукоград»).

Ранняя профориентация школьников является одним из ключевых пунктов экосистемы развития человеческого капитала, которую мы активно реализуем с 2016 года. Своими проектами мы хотим показать, что даже серьёзные знания можно получать интересно и весело, — говорит Алексей Фурсин. Пожалуй, к детским технопаркам столицы это относится в полной мере.

Виталий Веселовский

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ на газету журнал

индекс издания

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Количество комплектов

на 2021 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная КАРТОЧКА на газету журнал

ПВ место литер индекс издания

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

(наименование издания)

Стоимость	подписки	руб.	коп.	Количество комплектов
	перепродажи			

на 2021 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

Дорогие друзья!

Во всех почтовых отделениях идёт подписка на 2021 год

Подписные индексы:

По Объединённому каталогу «ПРЕССА РОССИИ»

50067 — подписка для новых индивидуальных подписчиков на 1-е полугодие

34189 — для постоянных подписчиков, имеющих подписной абонемент на 2-е полугодие 2020 года

11717 — годовая подписка

По «КАТАЛОГУ ПОЧТА РОССИИ»

ПР-381 — годовая подписка

ПР-195 — подписка на 1-е полугодие

Также предлагаем оформить подписку по льготной цене на 2021 год для всех регионов РФ с доставкой на дом на сайте www.lgz.ru

Справки по телефону: 8 (499) 788-01-12

ПРОЗА

Привкус свободы

Владимир Смирнов

Писатель, публицист, член Союза писателей России. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького. Автор книг «Портреты времени» и «Судный день».

Россия

Это была молодая женщина, лет 35. Она жила возле станции. Составы тут проставали долго, и у местных жителей вошло в обычай ходить через пути. Они в щель даже выбили мазутную трупу.

Когда она прыгнула с платформы и нырнула под вагон, дрожь с лягом прокатилась по всему составу и товарный поезд тронулся. Что-то властное толкнуло её в бок, опрокинуло на рельсы, и накалившее колесо цепко ухватило за край куртки.

Крики многих людей, на глазах у которых всё произошло, словно посекали осколками разбившегося грохотом стекла.

Она сразу поняла, что не успеет высвободиться, судорожные попытки ни к чему не приведут, только помешают ей сосредоточиться, но на чём сосредоточиться — сознание загнулось. Мысль надо было подбирать, примерно, как ключи.

Мозг попал в ловушку и, как метроном, отстукивал последние мгновения.

Привычная покорность помогла ей овладеть собой. Ей стало неловко за себя, за то, что заголили ноги, и мимолётно вспомнились слова, какими часто провожала мать: «Ты юбку-то не задирай так высоко, а то мужики глаза сломают».

Виноватила она одну себя, и ей хватало мига для того, чтобы сложить в уме вину. Вину перед матерью и дочкой, которых оставляла жить одних, вину за то, что растянулась на виду у всех, за то, что столько теперь за неё будет у людей хлопот...

«Что я наделала?» — она душу вынула как будто из себя и сложила к Божьему Престолу.

Колёсная пара переехала живот. Поезд вздрогнул и не поперхнулся, но остановил свой ход.

Женщину из-под состава извлекли, уложили на платформу, и зевакам больше всего делалось не по себе от улыбки на её лице. Виноватая улыбка была как посмертная награда, какую, может быть, дают за покаяние...

Ара

Ему завтра на свободу выходить, а он шатался по бару с такой миной, словно близкого кого похоронил. Ни фамилии, ни имени не помню. Звали его Арой.

У него на свободе не было своего угла, и он ококачивался по притонам. Сидел он за покушение на убийство: собутыльника ножом по горлу саданул, и тот чудом выжил.

После приговора Ара громко возмущался: «За что дали срок?! Гланды человеку хотел удалить! Клянусь! Это хирургическая операция! Ара, за что срок?»

Неопытный, пухлый, хотя на одной баланде жил, Ара находил во всём предлог для недовольства. На зоне даже в свой последний день приставал ко всем с вопросами: «Слушай, я четыре раза тянул срок. Сколько человек, при-

кинь, за счёт меня кормились? Один меня ловили, другие пытали и били, третьи сажали, документы оформляли, четвёртые допрашивали, пятые судили, шестые приговор утверждали, — Ара загибал пальцы поочерёдно на одной и на другой руке, — седьмые конвоировали, восьмые этапировали, девятые голодом на зоне морили, десятые освобождали, документы оформляли... Ара, все за счёт меня имели кусок хлеба! Я для них работодатель, Ара! Они молятся на меня должны, а они меня всё время гнобили!»

...Снег кое-где ещё лежал, но словно заболел водяной и, набухший, потерявший свой товарный вид, старался прятаться в тени от солнца.

На озере за лагерным забором лёд позеленел, пошёл жёлтыми пятнами и сам себя выдерживал с большим трудом.

Последняя декада марта.

Человек освобождается, и вроде радуешься за него, но на привкус эта радость отдаёт немного завистью, и я бы поменялся с ним местами.

«Ара, не зуди. Ты выйдешь завтра на свободу и забудешь зону в тот же день!»

Ара даже руки вскинул вверх от возмущения.

«Кто тебе сказал?! Не хочешь, через год проснёшься среди ночи и не прочухайшь никак, будешь думать, на свободу ты или в тюрьме». — «А через два?» — «Не знаю, Ара, я так долго на свободе не гулял». — Он даже сделал вид, что потерял терпение.

Взгляд у Ары был такой, словно он смотрел из подземелья и боялся покидать убежище, не решался высунуть свой нос. Волк даже в стае обречён на одиночество и только воем может душу излить.

Погоняло

Погоняла (клички) не являются атрибутом преступного мира.

В школе и среди студентов, в армии, в милиции, у депутатов и в правительстве употребляют в обиход прозвища и клички.

Это ведётся с мальчишеских пор, а если обратиться к истории, то к незапамятных времён. Вот что сказано у Н. Карамзина: «Уже при Дмитрии Донском некоторые знаменитые граждане именовались по родам или фамилиям вместо прозвищ, какими различались прежде люди одного имени».

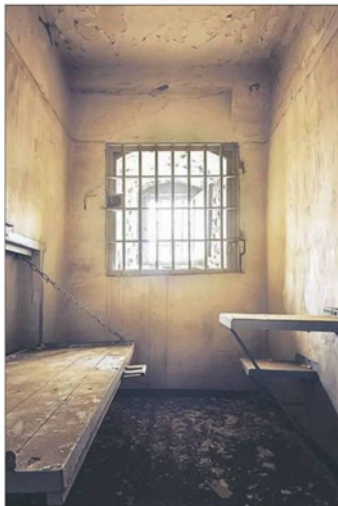
Тюрьма тоже выдумала погоняла не для конспирации, а для удобства в общении.

В камере, где масса арестантов, крики: «Саня!» — отзвучивают несколько человек. Поэтому, дабы избежать путаницы, Сашу Рыбченко будут звать Рыбой или Рыбаком, а Сашу Мельникова — Мельником, и всё сразу станет на свои места.

ЦИТАТНИК

«Смирнов годами маялся среди несчастных, он и сам был глубоко несчастным, а когда близко к сердцу и самим сердцем принимаешь эту тяжёлую юдоль, выпавшую по судьбе, то совсем другие слова находят для ближнего, лишённые превосходства, притворства, презрения и лживости, но непременно тёплые, сердечные и участливые».

Владимир Личутин,
лауреат Государственной премии
в области литературы

Погоняло чаще всего обретают по фамилиям: Макар — Макаров, Фролов — Фрол. И так до бесконечности.

Но погонялом может послужить профессия или род деятельности, в том числе преступный. Так, к бывшему электрику прилипло погоняло 220, а цыганку, она попала в тюрьму за распространение наркотиков, звали Мать Героина.

Внешний вид, физический изъян или свойство характера тоже могут лечь в основу погоняла.

В тюрьме работал воспитателем некий Игорь Юрьевич, маленький и кривоногий, с низкой тугой задницей и круглым животом. Так ему дали погоняло Клоп. За вонючий характер.

Азбек Абдувасид смирился с погонялом Вася, но за имя его вовсе не считал. Беда, когда у ээка погоняла нет.

Я припомню только один случай. Человека так и звали по фамилии: Лукуткин. Это был совсем никчёмный ээк.

Дело случая

Олег Васильевич Агальцев тяготится зоной. Видно по человеку. Дело случая, что он попал в тюрьму.

«Просто на его пути попала гнида, и он эту гниду раздавил» — так выразился Вася Марафет, и все молча согласились.

Агальцев проработал тридцать лет на шахте и одиноко жил на пенсии. Жена умерла, и он посвятил себя дочери и внукам.

Две внучки искупали всё, что в жизни не сложилось.

Под Новый год понёс продукты дочери и вместе с зятем выпил, никак было не отвязаться от него. Зять потерял меру, что с ним бывало, и стал бить жену. Васильич заступился за родную дочь и попал под пьяную руку.

От удара повалился на пол, мешковато подхвятился и на всю квартиру закричал: «Ну, гнида, я тебя убью!» Отыскал глазами нож и кинулся на зятя. Тот набычился, стоял, подавлял икоту, в мыслях у себя не допускал, что дед его пырнёт. Но судьба поставила подножку. Васильич выпыхнул споткнулся и с ножом на зятя налетел.

Схлопотал 6 лет. За умышленное убийство, хотя тут как сказать — не знаю.

В колонии Васильич, несмотря на возраст, выходил работать. Напрямую сам. Не привык сидеть без дела.

Самой большой радостью были для него рисунки внуков. Детские

рисунки он ценил выше полотен мастеров и любовался ими бесконечно долго. Внучки часто присылали ему письма.

Я как-то у Васильича спросил:

— Не жалко зятя?

Он долго думал, будто взвешивал, потом сказал:

— Жалко-то жалко, любого человека жалко, только он не стоит моих шести лет. Мы тут сидим и пользу никому нет: ни себе, ни людям. Душа у меня не на месте, вот что.

На вечной мерзлоте

У зверей в лесу отсутствует аптека и нет скорой помощи. Во время болезни они голодают и отлёживаются, и этого, оказывается, достаточно, чтобы излечить себя.

И я не стал обращаться в санчасть. С неделю отлёживался в бараке, поднимался только на проверки, дважды в день, пил пустой кипяток и ничего не ел.

Потом Витя Летунцов принёс брусок сала грамм на сто и луковичку. У меня разыгрался аппетит, и я быстро выздоровел.

Спать ложусь в верхней одежде, на голову нахлобучиваю шапку и опускаю уши.

На вечной мерзлоте души продрог барак, околел и почернел от горя.

В таком бараке и неделю прожить трудно, а люди сидят годами.

Под потолком висит лампочка Ильича, ещё одна перегорела, читать при таком свете нельзя, розетки чуть не вываливаются из гнезда.

Вид у барака нежилый.

Но даже сюда приходила ночью любовь, и губ Твоих изломанные линии я целовал во сне горячим ртом.

А в 6 утра включают радио «Маяк» и репродуктор оглашает лающий лающими звуками. Можно уловить отдельные слова, но трудно разобрать, что говорят, и кажется, что кто-то громко изрыгает брань.

В подьезде барака одиноко стоял и разговаривал с кем-то незримым Саша Воробей. Лицо его выражало гнев. Он отчаянно жестикулировал и тыкал пальцем в своего невидимого собеседника.

Ум за разом у него зашёл после смерти матери. Воробей ни с кем не общался, только сам с собой. Ээки тоже люди. И многих из них нужно пожалеть, а не наказывать. Как все люди, ээки очень разные, но их чешут под одну гребёнку и часто не считают за людей.

В бараке двести восемьдесят человек. Бочка арестантов. От окна ни на шаг не отходит наблюдатель. На атасе стоят не за страх, а за чай и куреве. Когда ата-сник видит, что к бару приближаются сотрудники колонии, он заплотенно кричит: «Контора!»

У ээков в запасе остаётся несколько минут, чтобы попрыгать мобильные телефоны и карты. Игра идёт день и ночь. Под интерес играют не только в карты, но карты — это классика, традиция, обряд.

На зоне отряжают человека, который отвечает за игру и разрешает споры. За счёт игры пополняется общак. А бараки эти, говорят, были построены во время войны, в 1943 году, тут содержали пленных немцев.

Поздравляем Владимира Олеговича Смирнова с юбилеем! Желаем радости и мира, долгих лет жизни и новых творческих вершин!

Наследники

Поэтический цикл

ОТ АВТОРА

Этот цикл стихов не был задуман заранее. Всё сложилось спонтанно и неожиданно для меня самого. Это просто результат, как гениально и просто сказал наш великий поэт, «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»... Мне в какой-то момент стало горько видеть всё то, что происходит в моей стране, в её нравственном климате и в её бездуховной жизни. Почему и откуда вдруг появилось в людях это агрессивное неприятие друг друга, отчего это очерствение, ожесточение нравов, наблюдаемое повсеместно... И вот, отвечая мысленно самому себе на эти вопросы, я писал стихи, которые и составили этот цикл... Невольно вспомнились строчки Бориса Пастернака:

*И чем случайней, тем вернее
Стихи слагаются навзрыд.*

Игорь Кохановский

1.

Игорю Чубайсу

Те, кто выдвигал карту ГУЛАГа,
ту, что сплошь покрывала страну,
не узрят опрометчивость шага,
что я сделать сегодня рисков.

Это вохровцев бывших потомство
составляет страны большинство,
раз их отпрыски с диким упорством
чтят усатого божество
и портреты его носят рьяно,
в нём не видя в упор палача,
что как будто в угаре пьяном
цвет страны уничтожил сплеча...

Ах, как нам своего Нюрнберга
нужен яростный трибунал,
чтобы разом навеки померкла
слава изверга, что, как вандал,
истреблял в стране лучших из лучших,
чтоб посредственности, как он сам,
выпадал жребий самых везучих,
днесь за коих — один стыд и срам.

Но, увы, эти отпрыски вохры,
что в державе теперь в большинстве,
этот срама не имущий охлос
с кривдой матушкой в кумовстве,
не даёт нам такую возможность —
провести русский наш Нюрнберг,
множа фактов истории ложность,
словно блефов услужливый клерк.

И пока в стране не состоится
над совдепией праведный суд,
уголовщины первые лица
никуда впредь от нас не уйдут.
И живые, мы снова и снова
будем эти портреты терпеть
до тех пор, пока суд своим словом
не прикончит неправды комедь.
Нам ещё раз из польми в пекло
предстоит окунуться сполна,
но до нового Нюрнберга
дорасти стать державы должна.

Это будет в других поколениях
непременно, иначе — беда,
та, когда равнодушьем и ленью
рабство душ застолбят навсегда...

2.

Светлой памяти Ирины Казимировны Корин-Пиатровской, корректору газеты «Магаданский комсомолец», проведшей 16 лет в сталинских концлагерях

Едва 18 ей минуло лет,
она как дочка «врагов народа»
пошла по этапу — известный сюжет
невольников 37-го года.

Она свой мотала срок на Колыме,
где зимы такие,
что выжить непросто...
И вот на поверке,
в предутренней тьме,
один ээк всю вохру
взбуждал вопросом:
«Какой от работы толк нынче, когда
ругут на отметке в полтинник застыла,
и пилы ломаются, словно слюда,
и нас оставляют последние силы...»

На что командир их, видать, с бодуна,
румяный, в овчине, сказал,
подбоченясь:
«Нам ваша работа не так и нужна,
а нам нужны, слышите, ваши мученья,
чтоб вы, мразь бендеровская и кулаки,
знали, как быть врагами народа.
И, может, мороз колымской тайги
вас, суцных скотов, образумит, уроды,
чтоб не повадно вам было клепать
поклёпы на строй наш,
во всём справедливый...
Всем марш на работу, туды вашу мать,
чтоб план выдал мне
и болезный, и хилый...»

...Их мало, кто выжил,
томясь в лагерях,
а выжив, едва ль
обзавёлся потомством.
У вохры же, чей всесоюзный размах
огромен,
в сём смысле, увы, превосходство.

А в те приснопамятные года
было в отечестве столько сидящих,
что охранять их сзывалась орда
из миллионов за ними смотрящих.

И не от этих ли вохры детей
и народились потом поколения,
которым убожество концлагерей
запало, как песни у их колыбели?..

И не из тех ли проклятых годов,
в коих над ээками стража глумилась,
ныне пришло в наш отеческий кров
жестокосердье, сместившее милость?

Ээки тех лет почти все как один —
несправедливые жертвы советчины...
Несправедливость —

вот жуткий трамплин
жестокосердья и расчеловеченья.

Теперь же жестокости приоритет
как будто бы передан по назначенью
сегодняшним узникам, словно завет,
тот самый:

«А нам нужны ваши мученья.
Неважно, что нет ни в чём
вашей вины,

вы власти перечили неоднократно,
за это помучиться вдосталь должны,
чтоб было другим бы роптать
неповадно».

Вот так нас наследники вохры теперь
прессуют в пролётах столичных улиц
и сквозь забрало глядят, словно зверь
смотрит на жертву, от радости щурясь.

Кагал «космонавтов»
по нынешним дням
готов лущевать всех подряд,
без разбора...
Вот так раболепно, под стать холуям,
наследники вохры
чтят царство террора —
исчадие спецслужб,
крёстных концлагерей,
этих начальников вохровцев бывших,
нынешних силовиков королей,
якобы служащих помыслам высшим.

Наследникам вновь повезло
в энный раз —
амплуа рогатарейца досталось даром,
с открытым подтекстом
острастки масс,
внушаемой шлемом
с закрытым забралом,
что прячет лицо в предвкушении зла,
их чёрный прикид,
как пристанище чёрта,
поскольку идут на такие дела,
что испокон нареклись делом чёрным.

И вот в столице у нас с неких пор
вдоволь гуляют дебилов дубинки,
а ныне репрессий слепой перебор
куражится вдоволь ещё и в глубинке.

Там и нелепей Москвы, и тупей
провинциальная хлещет абсурдность,
где, как в бесправии концлагерей,
жестокосердье штампуется подсудность.

Словно там больше наследников тех,
кто в лагерях кантовался в охране,
в этих краях и осел,
отчий грех
отпрыски вряд ли замолят во храме.

Вот и молчит протест нищенских масс,
а может, им вовсе не до протеста,
поскольку их нравов холуйский заквас
протесту уж вряд ли найдёт
в сердце место.

И с грустью осеннею наедине,
когда вновь дубравы вокруг цвета охры,
знать, неспроста
вдруг подумалось мне:
ужель большинство
в моей бедной стране
наследники той сталинской вохры?..

3.

Я слышу шаги командора,
пугающие тишину,
то генералиссимус мора
идёт поглядеть на страну,
как некогда полный хозяин,
недаром наш глупый народ
желает такому, как Сталин,
дать власть, чтобы вёл нас вперёд...

Лафа сталинистам! По новой
в фаворе усатый их вождь
в державе, им прежде ведомой
во мрак и вселенскую ложь.

Ведь всё повторяется ныне —
и лжи беспроектная тьма,
и перспективы пустыня,
и горе иных от ума,
причисленных к пятой колонне

за их несогласье с вождём
сегодняшним,
словно иконе
поклоны кому воздаём.

Наверное, в очередь встанут
российские города,
что бюстом усатого станут
в грядущие наши года
гордиться, как знатным починком,
не видя позорной тщеты
в сём бюсте
и даже причины
во всех смыслах их нищеты,
умственной и духовной,
она пострашней вещевого,
она-то и станет по новой
дорогою столбовой
в безвременье смутной эпохи,
где власти самой грабежи
народу лишь жалкие крохи
даруют, плодя миражи.

Как грустно явление слепого
невежества пошлой толпы,
которой правдивое слово
кричало про ужас судьбы,
когда бросил дьявол усатый
в ад лагерный лучших сынов
державы, как будто проклятой
Всевышним,
бесправьем распятой,
но верной усатому вновь.

А может быть, наша эпоха —
сестрица бывлых лагерей,
плодивших династию вохры,
что через своих сыновей
внедрила в любые сословья
охранников злые мозги,
загнавшие наше сегодня
в непротивленья тиски?

Ведь, глядя на карту ГУЛАГа,
на жуткую цепь лагерей,
где мучился ээк-бедолага
по территории всей
державы, дрожавшей от взгляда
усатого пахана,
взираешь чистилище ада,
которым была вся страна.

В стране той куражилась вохра —
приспешница палача,
а рядом с ней ээк полудохлый
едва кантовался в чух,
и мор в лагерях был повальный,
зато уплетал каравай,
жизнью наслаждаясь буквально,
упитанный вертухай.

Они-то и выживали
в тех сталинских лагерях,
они-то потомство и дали,
привив генетически страх,
преданность и покорность,
как куму на зоне своей,
привив нашей жизни законность
ментальности лагерей.

Я не успокоюсь, охавив
столь давние времена...
Наследницей вертухаев
мне видится наша страна,
с тупым снисхождением к вору,
с манерой блатного мирака,
с почтением к командору,
что вбито, как жись, на века.

Расцвета в подобной державе
в грядущем не произойдёт,
покуда, как на дирижабле,
вновь поднят, чтоб зрел весь народ,
усатый портрет командора,
который, как триттер сейчас
разлада, раскола, раздора
усталых, озлобленных масс.

4. Что мне делать в стране этой дохлой, с этим воздухом, затхлым в умат, с этой вотчиной лагерной вохры, где что ни бизнесмен — то пират, с этим нравом всевластной верхушки, что страну превратила в дурдом, с этим охлосом вроде гнилушки, с этой эрой, пропитанной злом?

Я смотрю на всё это с тоскою, мне-то что, я — свободный певец, что поёт о чём хочет, раскован своей волюницей, как сорванец.

Вот за свой принцип бьётся орава, полюбив принцип сей однова, за которым и сила, и право, ибо он — торжество большинства...

Но когда-то сказал Генрик Ибсен — большинство на всём шаре земном составляют глупцы — нету истин сильней этой, в которой разгром лжи, уверенной без разговора, что там истина, где большинство... Это гнусное глоткой сфлёра повторяемое шельмовство.

Вот и мыкается планета, себя этим загнав большинством в тину дури апологета, где барахтается с трудом, чтоб не утонуть в безрассудстве блефом выставленных щей, что ведут в захолустье беспутства, в площадную пустыню идей.

Государства дремучая глупость изо всех щелей лезет, как бес, оттого и грядущего мутность давит, как разложения пресс.

Наша власть на другой, блин, планете проживает, не зная стыда... Это длится уже столетие, вот откуда вся наша беда.

Время явно остановилось, про движение словно забыв, и сдалось общей дури на милость, предвещая таящийся взрыв возмущения от лажи терпенья, от застоя во властных щелях, от, увы, большинства отупенья, что делам предвещает лишь крах — крах последнего двадцатилетия, что державу к упадку привёл, несвобод навязавший ей клетки, да бесправия произвол.

Что мне делать в стране этой сонной, где своё превосходство дурак превозносит как принцип законной власти, сеющей морок и мрак?

«Мне осталась одна забава: пальцы в рот и весёлый свист» — вот чего днесь достойна держава, о чём пел нам поэт-скандалист. Он не ведал наследников вохры, что Россию закабалят так, что плод здравомыслия усохнет и не будет никто виноват.

Что мне делать в стране, где сегодня верховодит убогое зло? Ничего... Отстраниться невольно, ибо рядом с ним быть — запахло.

Наша бесовщина

Мы не услышали покаянья за всё, что было в концлагерях, за преступленья противостояния народа и власти в гэбэшных чинах.

История — зеркало нашей державы, в которое смотрится нынешний люд, стремясь в декорации обветшалой увидеть режима преступный статут.

Но зеркало это — кривое донельзя, как будто нам кто-то прошедшего суть являет, скрывая былого болезни и живых картин не стесняясь ничуть.

Храм ныне возводят в честь воинской славы, и в нём на фресках, как лики улик, лица тех, кто во главенстве державы ныне царит наподобье владык.

Тут же и главный преступник столетия красуется в храме среди молодцов властей предрежащих, в чьи лица смотреть нам придётся, от срама не пряча лицо.

Распада державы они выдвиненцы, жируют с тех пор, власть ловка их, как тать... Распад бесовщине открыл к благам дверцы и карты ей в руки дал, чтоб банковать...

На стенах, где место святым, — только бесы, фрески их днесь украшают весь храм, словно вещая: вот чьи интересы тут приютил сей моленный бедлам.

Как это дико, когда стены храма, там, где сиять должны лики святых, фрески, как пошлая мелодрама, изображают лишь бесов одних. Бесы третируют робких сограждан, коим вдруг стала до фонаря власть бесовщины, бездарною лажей в жизнь воплощающей прихоть царя, вернее, монарха, что тоже из бесов, выходец из их постылых рядов, в коих он нажировал себе веса, их криминал защищая и кров.

Он под себя нам историю пишет, не понимая того, как теперь бес этот, духом немоощно нищий, жалок, как в клетку попавшийся зверь.

Но вот уже в наших бешеных буднях фрески со стен храма стали считать, так что восторг, что кипел в этих плутнях, оставил сию королевскую рать.

Видно, монарх наконец догадался, что эти фрески — державы позор, и вот уничтожили это убранство, дури холопской вынеся приговор.

Всё это словно преддверие стресса, от коего переродиться должна держава, пинка дав оставшимся бесам, с ними расставшись на все времена.

Но до скончания бесовщины надо дожить, что непросито отнюдь, ибо у бесов, как у обидины, спайка, как шайка, чтобы турнуть оную с глаз долой, надо решимость люда взнуздать, да и преодолеть нашей страны вековую солидность, чтоб во власть бесов не вляпаться впредь...

Может, сегодня ещё слишком рано ждать, что грядут бесовщине кранты... Бесами нам нанесённая рана долго ещё, как столетие обмана, будет сжигать за собою мосты...

Наш триумфатор

В нашем воздухе отсутствие любви, в нашем воздухе агрессии начало, словно каждое сегодня визави лишь раздором все общения венчал.

Воцарилось зло на нашском дворе, наслаждаясь всемогуществом деяний, видя в оных соответствие поре, когда злу как триумфатору влияний на уклад житейских правил отдана вся палитра самых чёрных дел

державы, в коих она куражится вольна, словно в блуде изодрённая шалава...

Дико мне смотреть на этот зла фурур, он зашкаливает, чванясь в беспределе, и смакует злодеяний перебор, как пахан в своём лихом бандитском деле.

Всё потому, что мир погряз во лжи и никому днесь дела нет до истин, теперь предпочитают миражи, мир стал давно от истин независим...

А ложь со злом — напарники во всём, трудиться им на пару вдвое легче, от их трудов — неправды бурелом, трудами их мир напрочь искалечен.

И, увы, не видно этому конца, хоть не может эра зла

резвиться вечно...

Зло сейчас у нас в фаворе удалца, и желанней нет сейчас лица, хоть нет скверней и нет бесчеловечней...

И.Л.

Вы мне подсказали тему, а я её только развил и вывел, как теорему про мир, что опаснее вил...

Сквозь таявшую тьму небес рассвет тихонько входит в окна, неприхотливо, как балбес, на нас взирая мутным оком.

Грядущий день пока что нем в своём намеренье лукавом, своей несметностью проблем, готовых навалиться лавой.

И я его покорно жду, как неперменное событие, и дел простую череду воспринимаю по нایتю.

В ней нет пристанища мечте, но есть подсказка быть готовым мне к соплеменника вражде с его агрессивней оптовой.

Один лишь мил мне дня призыв, в коем ютится справедливость, она воздействует, как взрыв, на нашу древнюю ленивость.

Ленивостью я объясню всё то, что с нами стало нынче, где не приемлю я возню всех против всех в жестоком клинче.

И до тех пор, пока вражда сия сильна в своём коварстве, не обретём мы никогда иммунитета против распрей.

Но вряд ли обретём его, ибо нет финиша у схватки, где вечные добро и зло друг другу бросили перчатки.

И человеческая суть во все века неизменима, и ей мой беспощадный суд смешон, словно слону — дробина...

Но в том-то, видимо, и суть, что нам без зла не будет видно,

где суждено добру блеснуть, спасая от злодейств дубины. Не зря искоренить нельзя зла оголтелые почины, иначе и добра стезя нас поразит своей кончиной.

Мы с вами вечно в стороне от этих неприглядных схваток... Часы, что мы наедине, — вот жизни истинный подарок.

И пусть в тартарары летит мир, окоцуриться рискуя... Со мною вы — моя Лилит и нашей страсти аллилуйя...

Режим витрин

Живу в державе лжи, насилия и бесправья, когда спецслужб пажи сродни блатной ораве бесчинствуют всюду, где только можно, избрав себе стезю невидимых вельможей, которым по плечу в делах любая подлость, поскольку их мечу и подлость — та же доблесть...

А главный их пахан, как отпрыск «Коза ностры», как тот грядущий зам, чей образ Мережковский предвидел на заре 20-го столетия, царует во дворе сегодняшних трагедий...

Он одинок, как волк, затравленный погоней, уже пошлы не впрок плоды былых викторий, в которых он блистал как баловень интриги, но фарта педестал предстал днесь как вериги...

Страна пока молчит, как будто затаилась, не прячет динамит, что та же справедливость, которая взорвёт державу сон однажды, чтоб дать ей новый взлёт, покончив с прежней лажей...

Пока держава лжи жуёт плоды обмана, где кривды этажи над пропастью вулкана накопленного днесь озлобленного гнева — как спрятанная жесть внезапного маневра, что в будущем сметёт строенья зла и фальши и сквозь чреду невзгод уйдёт как можно дальше от нынешних руин и язв миропорядка, чтобы режим витрин исчезнул без остатка...

Но нам влечь пока тоску сего режима, хоть дать ему пинка влечёт неудержимо... Но не созрел ещё в стране зачаток бунта, хотя режиму счёт уж выставлен как будто...

В нём всё мертво давно, его существование похоже на кино с известным всем заранее финалом про исход анабиоза сплина, от коего народ очнётся, но с дубиной...

Суррогаты

Страшно, когда они появляются не только в продуктовом мире, но и в иных сферах жизни

В конце этого лета на канале ОРТ были продемонстрированы почти одновременно два сюжета, которые произвели впечатление нескольких провокационных.

В первом из них, вроде бы невинно и не всерьёз, предлагалось запретить употребление отдельных слов русского языка, которые приобрели якобы негативную окраску у жителей страны, и в частности, предложили запретить употребление слова «еврей», хотя оно является названием людей, составляющих целый народ, и вряд ли какой-либо народ согласится отказаться от исторически сложившегося названия представителей своей нации, причём названия не оскорбительного и общепризнанного.

Почти одновременно с указанной телепередачей в следующей передаче вдруг решили обсудить русский национальный характер. Но поскольку каждый народ имеет в своём национальном характере как привлекательные особенности, так и не очень, то русский народ, естественно, не является исключением, и характер русских людей в чём-то хорош, а в чём-то хотелось бы, чтобы был лучше.

Но каким бы ни был национальный характер любого народа, недопустимо, чтобы его особенности использовали для оправдания сознательного уничтожения этого народа или создания таких условий для жизни его представителей, которые приводили бы к его вымиранию.

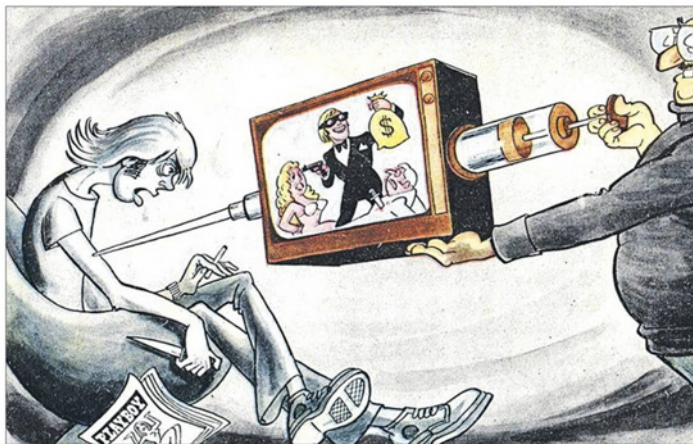
Призывы к уничтожению любого народа из-за его национального характера всегда служат лишь прикрытием преступного желания отнять у него его имущество или его землю.

Когда во Второй мировой войне гитлеровские нацисты сознательно осуществляли геноцид еврейского народа, то их действия возмущали всё прогрессивное человечество. Но также следует признать преступной и национальную политику тех лиц, называвших себя либералами, которые пришли к власти в РФ после развала СССР и развернули клеветническую кампанию против русского народа, доходя до призывов вытеснить его и даже заменить из-за приписанных ему недостатков национального характера мигрантами. При этом в стране были созданы такие условия жизни для её граждан, что русский народ стал вымирать.

Неугодный Лев Толстой

Кое-кого из наших публичных лиц не устраивает не только сам русский народ и его желание жить на своей исконной земле, но даже его культура. Поэтому они предлагают не включать в школьные программы произведения ряда русских писателей, как, например, роман Льва Толстого «Война и мир». Однако в этом романе Лев Толстой раскрывает своё понимание русского характера и нравственного идеала русского человека, который включает такие свойства личности, как стремление к справедливости, отзывчивость и милосердие, а также безавестную преданность своей Родине. Недаром отдельные представители антирусской элиты обвиняли Толстого в том, что он «придумал русский народ», но он вовсе его не выдумал, а лишь сам понял и посчитал необходимым всем это объяснить.

Когда в общественном сознании заменили понятия «нравственность» и

Вакцину от бедности, увы, никогда не изобретут

«порядочность» на понятие «гибкость» и взятое у европейцев понятие «толерантность», то и решили воспитывать наших детей на творениях карикатурных антисталлинистов, а не Льва Толстого, поскольку они являются антиподами по своей нравственной позиции и отношению к своей родине России и её народу.

Трудно понять, почему желание русских людей жить на своей родной земле и осознавать себя самостоятельной русской нацией идеологи нашей власти объявляют проявлением национализма, хотя точно такие же естественные желания высказывают и все остальные народы, проживающие в РФ. Но их за это не объявляют националистами и не подвергают иногда даже судебным преследованиям. В Российской Федерации все народы, кроме почему-то русского народа, имеют свои национальные территории проживания, хотя многочисленные представители каждого из наших народов живут, как и русские, на всей остальной территории страны. Все наши народы считают себя самостоятельными нациями, но никто не обвиняет их за это в национализме и не призывает заменить их на мигрантов.

Хотя в последнее время прекратились одиозные антирусские выступления в СМИ, но создаётся такое впечатление, что в стране по-прежнему продолжает осуществляться антирусская политика и в культуре, и в образовании, а в экономической и правовой политике не происходит каких-либо положительных изменений. От задачи постепенно вытеснить русский народ с территории его проживания и заменить его на представителей других народов, мигрантов, некоторые наши идеологи отнюдь не отказались, а лишь несколько замаскировали её осуществление с помощью различных декораций.

В любопытной передаче на одном из телеканалов нам рассказали о появлении книги, в которой автор обсуждает природу лжи и разделяет её на ложь сознательную и ложь непреднамеренную. Но развитие событий обычно позволяет опровергнуть любую ложь или, напротив, признать, что всё, что пытались объявить ложью, есть на самом деле истина. Так, например, в связи с ожидаемым появлением фильма о компрометирующих собы-

тиях в СССР следует напомнить, что рабочих в Новочеркасске расстреляли по приказу Никиты Хрущёва и именно его правление стало началом организованного и постепенного развала Великой страны.

Долгое эхо репрессий

Так, авторы некоторых публикаций продолжают обвинять Иосифа Сталина в организации «массовых» репрессий в СССР. Однако хотя Сталин и осуществлял репрессии своих политических противников и лиц, выступавших против его политики коллективизации в сельском хозяйстве, но превратил репрессии в «массовые» не Сталин, поскольку не он составлял списки лиц, подлежащих репрессиям или расстрелу, а их составляли сотрудники НКВД, которым руководил Ягода с 1934 года почти до конца 1936 года, а Сталин лишь утверждал списки по доверию к этим сотрудникам, причём именно Ягода избрал и основал в 1934 году ГУЛАГ. Также непонятно, почему нам всё время твердят про 37-й год и ежовщину, притом что Николай Ежов руководил НКВД лишь в 1937–38 годах, и поэтому у него просто не было времени осуществить за этот период приписываемые ему «массовые репрессии», да и его самого расстреляли в 1940 году.

На фоне нередких в нашей стране случаев беззакония, когда преступники, пользуясь всевозможными ухищрениями, избегают наказания, власти время от времени устраивают показательные судебные процессы, чтобы успокоить народ.

При этом часто наблюдаются удивительные и, по-видимому, не случайные совпадения некоторых событий. Каждый раз, когда в СМИ появляются материалы, в которых обсуждается роль «проамериканской» оппозиции в подготовке развала СССР и руководстве её деятельностью за океанскими организаторами цветных революций, а также приводятся доказательства того факта, что единственной целью членов этой «оппозиции» было желание ограбить страну и народ, захватив для этого власть в будущей стране, и стать миллиардерами, то сразу же в СМИ вдруг публикуются сообщения об обнаруженных вопиющих хищениях в каких-либо хозяйственных или чиновничьих сферах с непременным участием

в качестве организаторов лиц русской национальности.

Но в нашей стране время от времени происходят далеко не единичные и не менее масштабные хищения с участием в качестве организаторов в том числе и лиц иных национальностей, но о них в СМИ нам сообщают значительно реже.

К сожалению, в показательный судебный процесс решили превратить и суд над Михаилом Ефремовым, который, будучи пьяным, создал ДТП, в котором погиб человек. Но и до события с Ефремовым в стране ежегодно происходили сотни аналогичных случаев, когда из-за пьяных водителей в ДТП погибали люди, и при этом часть виновников оставались практически безнаказанными.

Для борьбы с пьяными водителями представляется более перспективным привлекать к суду в таких случаях не их, а тех лиц, которые выдали постоянно пьяному человеку права на вождение автомобиля и предоставили ему медицинское заключение, что у него нет противопоказаний для получения таких прав, поскольку сейчас лица, которые выдают такие документы, ни за что не отвечают и делают всё это чисто формально, а виновника в создании ДТП и гибели человека следует отправлять на принудительное лечение от пьянства.

Наши идеологи, ссылаясь на авторитет философа Фёдорова, предлагают народу объединиться в «общем деле» безвозмездного возведения храмов на всей нашей земле, а также уверяют, что бедность нельзя искоренить и она является естественной и неизбежной. Такая позиция очень удобна для многих представителей нашей властной элиты, поскольку позволяет им за спиной народа, увлечённого осуществлением этой «великой задачи», спокойно продолжать его грабить и хищнически разорять его землю. Предлагаю более перспективный и продуктивный вариант совместной деятельности народа и властных элит, когда последние откажутся от своих несправедливо нажитых богатств и, отдав их в общую «народную копилку», вместе со всем народом будут не создавать храмы, а развивать промышленность, сельское хозяйство и поднимать уровень образованности народа в стране. Только таким, вполне материалистическим способом возможно сделать страну и весь народ богаче и цивилизованнее и победить наконец бедность, при этом и общественная жизнь станет более гармоничной и лишённой агрессии.

Нам следовало бы вспомнить слова напрасно забытого нами «Интернационала»: «никто не даст нам избавленья, ни Бог, ни царь и ни герой. Добьёмся мы освобожденья своею собственной рукой».

Врачи рода человеческого

Поразительно, насколько изменилась роль медицины в современном мире. Уже в начале XX века медицина перестала быть независимой и перестала достаточно бескорыстно исполнять свою роль врача рода человеческого и нужных ему животных. Теперь, формулируя и объявляя свои рекомендации, медицинские авторитеты вынуждены оглядываться на требования властей и учитывать интересы тех корпораций и лиц, от которых они находятся в финансовой зависимости.

Поэтому общество довольно часто получает весьма разноречивые и нередко необъективные заключения по одним и тем же медицинским вопросам от представителей разных медицинских сообществ, отличающихся друг от друга исключительно лишь личными сугубо материальными интересами.

С некоторых пор с экранов телевизоров нас стали упорно призывать прийти в одно медицинское заведение и сдать свою кровь для спасения больных людей, нуждающихся в переливании им донорской крови.

Я вспоминаю сестру моей матери Александру Николаевну Лебедеву (Фро-

штабе во всех странах. Но необходимо понять, что эти «борцы», сознательно или по наивности, уведут народ от понимания истинных и главных причин своего отчаянного положения и мешают ему объединиться для борьбы против действительных виновников своей нищеты и беспорядка.

Чем же нас кормят?

В нашем обществе возникла особая порода людей, которые всегда стремятся быть в первых рядах любой колонны, независимо от того, кто идёт впереди и куда ведёт. Надо признать, что это очень выгодная позиция и в материальном, и в моральном отношении, поскольку всегда можно напомнить в нужное время, что ты был когда-то в той или иной колонне.

При этом весьма забавно, что некоторые наши современники, которые жили в СССР в довольно молодом возрасте и проявили себя в этот период своей жизни хулиганами и пьяницами, теперь объявляют, что такой образ жизни был их протестом против «диктаторского режима в СССР», и причисляют себя на этом основании к «борцам за свободу личности». Хотя хулиганы и пьяницы существуют и во всех цивилизованных и демократических государствах, и вряд ли бы в этих государствах потерпели такое поведение со стороны своих граждан, какое эти «герои» демонстрировали в СССР.

В заключение хочу напомнить уважаемым читателям русскую поговорку: «На Бога надейся, но сам не плошай!» В связи с этим обращаю внимание граждан, что с некоторых пор обычный рис, который продают в наших сетевых магазинах для рядовых граждан, а также который используют в кафе для народа, потерял способность развариваться и остаётся твёрдым и несъедобным после любой термической обработки. Несколько лет назад в СМИ объявили, что в Китае научились создавать имитацию риса из пластмассы. Законно предположить, что настоящий рис власти экспортируют в Китай и другие страны, а из Китая получают пластмассовое подобие риса и этим пластмассовым рисом с некоторых пор кормят нас и наших детей. Наши предприниматели недавно заявили, что они производят теперь такое количество говядины, что её можно продавать на экспорт. Хотя сетевые магазины, по крайней мере в Москве, завалены мясом якобы говядины, но и она удивляет своей полной неспособностью развариваться и никак не хочет становиться настолько мягкой, чтобы её можно было прожевать, сколько её ни вари. Любопытно было бы узнать, из чего делают эту «говядину для народа», поскольку раньше говорили, что из кенгурятины, а теперь? Также непонятно, почему курятина при варке становится резиновой и не имеет вкуса и запаха курицы...

Задачей сельского хозяйства в каждой стране является прежде всего стремление накормить своих граждан, и только излишки продают в другие страны.

Необходимо, видимо, создать народную комиссию из неподкупных граждан, чтобы наконец-то понять, чем же нас кормят.

...Возвращаясь к главной теме статьи о положении самого многочисленного русского народа в нашей стране, закончу цитатой из Государственного гимна СССР:

*Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь!..*

Эмилия Болтянская

*Точка зрения автора может не совпадать
с позицией редакции*

ПОЭЗИЯ

Сугробы превращаются в машины

Сергей Сидоров

Родился на Урале в 1960 г. Много лет работал в книжном бизнесе. Был директором первого в России интернет-книжного «Кириллица», директором магазина «Подписные издания» в Москве, вёл программу «Книголюб» на телевидении. В 1996 году начал печататься в периодике в качестве афориста. Член Московского клуба сатириков и юмористов «Чёртова дюжина», председатель Московского клуба афористики, почётный член Белградского афористического круга. Лауреат премии «Золотой круг». Произведения переведены на болгарский, итальянский, литовский, македонский, сербский, финский языки и опубликованы более чем в пятидесяти различных альманахах и сборниках.

Кто лишний?

Пушкин. Гоголь. Достоевский.
Чехов. Лермонтов. Крылов.
Скотт. Тургенев. Чернышевский.
Тютчев. Вяземский. Ершов.

Короленко. Фет. Островский.
Камарзин. Толстой. Куприн.
Салтыков-Щедрин. Жуковский.
Гумилёв. Радищев. Грин.

Горький. Бунин. Маяковский.
Хармс. Державин. Гончаров.
Гаршин. Пришвин. Паустовский.
Северянин. Ильф / Петров.

Грибоедов. Ян. Твардовский.
Брюсов. Мамин-Сибиряк.
Никонов-Прибой. Чуковский.
Шолохов. Гайдар. Маршак.

Где Некрасов? Где Есенин?
Где Фонвизин, наконец?
Ими должен быть подменен
Инеродный образец.

Без проблемы хоть Булгаков,
Хоть Набоков, хоть Бажов
В списке лишнего, однако,
Запросто сменить готов.

Кто он, где он? Вы поймёте
Безо всякого труда.
Ну а если не найдёте,
Будет стыдно вам тогда.

Круглогодичные стихи

Январь:
Признание в крещенскую ночь
Я в прорубь не бросался, каюсь!
Я не крестился на мороз!
Но в том, что делал я, признаюсь:
Я водку пил на фоне звёзд.

Февраль:
Пешеходы и разводы
У нас зимою обязателен момент:
Чтоб всё растаяло — рассыпать реагент.
Отсюда просьба к обувным заводам
Шить обувь только в цвет разводам.

Март:
Московские сугробы
Весной в Москве как в сказке,
получается, —
И нету в том особой чертовщины —
Высокие сугробы превращаются
В ещё вполне приличные машины.

Апрель:
Водочная мини-ода
Продукт, достойный уважения.
Его мы пили, пьём и будем пить.
Я говорю о водке, без сомнения,
В которой нас вовек не утопить.

Май:
Споры о любви
Любят люди спорить о любви.
Спорят, но любовь неоспорима.
В спорах люди (тут уж се ля ви)
Тратят силы, а любовь проходит мимо.

Июнь:

Верните время
Верните нам летнее время.
И зимнее тоже верните.
А то где-то всё ещё тень,
А где-то уж солнце в зените.
Неважно, кому и какое,
Вы, главное, время верните.
Оставьте природу в покое:
Со временем не шутите.

Июль:

Душа и тело
Душа и тело — две стихии.
От них зависти вечно я.
То сочиняю вдруг стихи я,
То надирюсь как свинья.

Август:

Короткое патристическое
Луховицы. Речка Вобля.
Отгученные поля.
Лучше всякого Гренобля
Подмосковная земля.

Сентябрь:

Телеграмма Илье-пророку
Эй вы, там, в небесной канцелярии!
Почему с погодой неладит?
Мы же люди, а не гуппи и скалярии,
Чтобы не вылезать из воды.

Октябрь:

Домой в запой
Посмотрел на жизнь
глазами трезвыми.
Понял: этой жизни я чужой.
Ну не снабжён я нервами железными.
Потому опять ушёл в запой.

Ноябрь:

Работа и зарплата
Понизили зарплату? Не беда!
Скажу вам честно, прямо, не приватно.
Ведь это, в сущности, такая ерунда
Для нас, всю жизнь работавших
бесплатно.

Декабрь:

Итоги и ожидания
Подводить итоги любит наш народ.
Каждый раз подводит
их под Новый год.
Подведёт к полуночи и курантов ждёт.
Ждёт, что год грядущий его не подведёт.

Алкогольные строфы

О соблюдении баланса с природой
Сорок градусов снаружи,
Сорок градусов внутри.
Соблюдай баланс с природой —
На Крещение нырни!

Об эгоизме
Безобразия какое!
Мой сосед три дня в запое.
С воскресенья загулял,
А меня с собой не взял!

«ЛГ» поздравляет Сергея Сидорова с 60-летием!
Желаем здоровья, счастья, благополучия
и искренних улыбок!

”
**Задачей сельского
хозяйства в каждой
стране является прежде
всего стремление
накормить своих
граждан.**

“
лову), которая во время Отечественной войны и какое-то время после окончания войны была донором и регулярно сдавала кровь. Делала она это главным образом для того, чтобы поддержать материально свою семью, себя и двух малолетних сыновей, поскольку донору за взятую у него порцию крови в СССР платили некоторую сумму денег, кормили полноценным мясным обедом, а также давали стакан красного вина и плитку шоколада. Многие студенты в то время становились время от времени донорами, чтобы заработать немного денег к своей невысокой стипендии. Однако теперь добровольцам не предлагается никакого вознаграждения.

Итоги победы

В канун годовщины окончания Второй мировой войны наши СМИ стали нам объяснять, кто же внёс наибольшую и решающую лепту в нашу победу в этой страшной войне. Ранее нам уже пришлось выслушать в одной из телепередач утверждение, что нашу столицу Москву спасла от немцев исключительно башкирская конница.

В свою очередь, недавно лидер Азербайджана уверял нас, что именно благодаря азербайджанским воинским частям Советской армии удалось одержать победу в этой войне. Также вдруг один историк поведал нам, что без участия и помощи Монголии мы вряд ли смогли бы победить.

Наконец, нам объяснили, что эта война была не за спасение нашей земли от гитлеровских фашистов и не за освобождение от фашистов ряда других стран, а была войной «за жизнь», что несколько не согласуется с потрясающе огромным числом погибших в ней людей. Действительно, в этой войне удалось спасти многие жизни народа, пострадавшего от холокоста. Но при этом за нашу победу в этой войне и спасение этих жизней заплатили своей жизнью более 20 миллионов советских солдат, и хотя многие народы внесли свою лепту в победу, большинство погибших солдат, однако, составляли русские люди, белорусы и украинцы. Но о них почему-то не вспоминают — видимо, чтобы не обвинили в «славянском национализме».

Хотя в обществе время от времени объявляются непримиримые «борцы» со всякими частными неполадками в нашей жизни, иногда довольно впечатляющими, как, например, коррупция, которая, однако, существует в том или ином мас-

Железнодорожный реализм

Застывшая Россия Константина Савицкого

Литература помогает нам узнать, о чём мыслили и как чувствовали наши далёкие предки век, два и три назад. Но только живопись даёт возможность увидеть их воочию и перенестись в прошлое на машине времени.

Эта картина стала классикой железнодорожного жанра. Да-да, таковой в отечественной живописи утвердился уже в первое десятилетие истории русской чугунки. Художник Константин Савицкий создал её в 1874 году. За год до этого летом художник внимательно и придирчиво наблюдал за работой по ремонту путей Московско-Курской железной дороги. Это было неподальше от станции Козлова Засека в Тульской губернии. Там он и проводил лето вместе с художниками Иваном Шишкиным и Иваном Крамским — будущими классиками. Работая над этим полотном, он нашёл себя. Кем был Савицкий до своей железнодорожной поэмы? Успешным «академистом», получал медали за не слишком яркую библейскую живопись, был императорским стипендиатом. Но «академический канон» стал ему скучен. Художника тянуло к жизни, к её повседневной красоте. Но как передать её в красках? Целые дни он проводил с этюдниками возле железной дороги. Делал зарисовки. Им не было числа. Сначала получались просто силуэты людей, шпалы, стальные рельсы. Всё — по отдельности. Нет, образ картины нужно было выстрадать. В 1874 году он представил свою заветную работу друзьям. Это была многофигурная композиция. Скучная природа срединной России: редкие деревца, серое небо, поредевшая трава на небольших холмах. И в этом «заповедном» краю развевались работы. Взялись за дело землекопы, плотники. Повсюду

множество тачек, наположенных каменной землёй.

Многие считали, что Савицкий создаёт своего рода иллюстрацию к известному стихотворению Николая Некрасова «Железная дорога», в котором нелёгкий труд железнодорожных рабочих показан даже с эмоциональным переключением. Это не так. Конечно, Савицкий помнил гневные строки Некрасова, но сам он решительно обратился к реалистическим, а не к сатирическим тонам. «Ремонтные работы на железной дороге» — так он называл свою картину. Совсем не поэтичное, демонстративно обыденное название. Таково было кредо передвижников, к которым в то время всей душой примкнул Савицкий. Чего добивались художники-передвижники? Как и писатели того времени, они хотели показать «чистой публике», далёкой от крестьянского и рабочего мира, то, что не видно через розовые очки: обыкновенную Россию — без батальных триумфов, без золота и парчи. Их картины, как физиологический очерк, с точностью передавали тогдашнюю повседневность. На первый взгляд — рутинную и неброскую, но, если приглядеться, в этих неярких по цветовой гамме картинах можно рассмотреть душу народа. А на картине Савицкого — душу рабочих железной дороги. В каждом из них он сумел увидеть Человека. И поклонники живописи, ценители реализма, высоко оценили картину.

Несмотря на грязную, рваную одежду, рабочие Савицкого полны достоинства. Их лица гармоничны, благородны. Это вызвало восторг тогдашней публики, ведь даже в 1870-е годы для многих было открытием, что и в «людах простого звания» есть благородная красота. Вот рабочий с перевязанной головой взялся за тяжёлую тачку. Художник любит их. Но без слащавости. Савицкий в каждом движении кисти остаётся подлинным реалистом. Это не разоблачительная композиция, не политический памфлет. Но, конечно, и далеко не идил-

лия. Художник пробуждает любовь и сочувствие к своим героям — простым ремонтникам железной дороги. Он ведь действительно тогда, в Козлово-Засеке, успел познакомиться со многими из них, знал, чем они живут.

Дорогу строили и ремонтировали крестьяне из перенаселённых губерний, прежде всего опытные землекопы и мастера, обладавшие плотницкими навыками. Как правило, этот труд оплачивался лучше, чем крестьянский. Хотя по городским меркам платили ремонтникам сущие копейки. И «палат каменных» на такой

работе было нажать невозможно. Многие неохотно шли работать на чугунку: ходили слухи о высочайших нагрузках, о подвижнической работе в жару, под дождём, в холод... Конечно, не каждый мог решиться на такое.

В одном из мемуаров того времени есть такое рассуждение: «Пробовали наши и на чугунку ходить. Заработать там много можно, если Бог здоровья даст, да что толку. В одно лето так собьёшься, что потом в год не поправишься. Там, на чугунке, сибирная работа, сверхсильная, да кровавого пота — за непочтение к родителям такую работу делать». Ремонтниками шли, как правило, от безысходности — чтобы прокормить многочисленную семью. В особенности в неурожайные годы, когда крестьянский труд не мог прокормить. Ведь на железной дороге платили исправно. И, конечно, кормили рабочих.

Картину Савицкого сравнивали с «Бурлаками на Волге» Ильи Репина. Сам Репин рьяно поддерживал коллегу и отметал малейшие намёки на плагиат. Действительно, это очень разные картины. По настроению, по колориту. Но лучше всех живописца поддержал коллекционер и меценат Павел Третьяков, купивший полотно за тысячу рублей. Коллекционер написал Савицкому тёплое письмо, в котором продемонстрировал тонкое понимание его реалистического замысла. Картина и в наше время хранится в московской Третьяковской галерее.

Московско-Курская железная дорога сыграла важнейшую роль в развитии экономики целого ряда губерний. Несколько депо, 19 станций с грузовыми платформами и складами — всё это было чрезвычайно важно для процветания не самого зажиточного края. Дорога преобразила его. В наше время её основные линии — разумеется, реконструированные и модернизированные — входят в состав Московской железной дороги. Труд тех, кто прокладывал, строил и ремонтировал эту чугунку, не пропал даром.

Такие полотна — а их в истории искусства немного — замечательны тем, что в них навсегда сохраняется время. Как бабочка в янтаре. В наши дни ремонтные работы на железной дороге происходят совсем не так. Рабочим помогает современная техника. Но память о тех, кто трудился в экстремальных условиях, несмотря на болезни и усталость, не умерла. Во многом — благодаря таким картинам, как эта. Правдивым и талантливым.

Арсений Замостьянов,
заместитель главного
редактора журнала
«Историк»

Константин Савицкий. Ремонтные работы на железной дороге. 1874 год

75 ЛЕТ
1945-2020

*Дороги
Победы*

Крепость на колёсах

К началу войны на вооружении армии было 53 бронепоезда. Каждый из них был грозным оружием с мощной стальной защитой, пулеметами, пушками и зенитными орудиями.

Открытое акционерное общество
«Российские железные дороги»
www.rzd.ru

РЖД

Александр Вулых
Администратор

КВАЗИУНОФАНТАЗИЯ

Взаимопонимания

В бананово-лимонном Лиссабоне все на работу ездили на пони: Мария — на зелёно-красном пони, А Сержио — на сине-рыжем пони...

Кричит Мария: «Сине-рыжий пони?! Ах, мама! Боже! Сине-рыжий пони! Да всё на свете глупости на фоне такого распрекраснейшего пони!»

А Сержио: «Зелёно-красный пони?! Вот это красота! Такого пони Я не встречал ни в Тынде, ни в Габоне!..»

Что было дальше — всё понятно вам уж: за Сержио Мария вышла замуж. С тех пор они живут не зная горя: не ссорясь, не ругаясь и не споря.

Легко достичь взаимопонимания, когда у вас ВЗАИМОПОНИМАНИЯ.

что поразительно физика Тузика нас обязует чесать ему пузико

где находится Тында? я не знаю мне стыдно

Алексей
Зайцев,
г. Щёлково

Стал человеком гамадрил И понял, что перемудрил.

ГИГАНТ МЫСЛИ

Заметкости

- Первая белка — второй: «Ты чего?» Вторая белка — первой (падая): «Да что-то в глаз попало».
- Один судья, когда что-нибудь делал по дому, любил приговаривать...
- Ничто не достаётся им так дёшево и не стоит нам так дорого, как бензин.

- Оставшись без работы, палач Сидоров повесил нос.

- Приглашаем в скучный детский лагерь с математическим уклоном. Мы научим ваших детей считать дни!»

- Тренер сборной России по плаванию стал хуже видеть. Пловцы у него распливаются.

- Главное — не победа, а участницы.

- Может ли душа плюнуть в душу от души?

- Если руки трясутся в такт музыки — это болезнь или я барабанщик?

- Редких людей вспоминают чаще.

- Человеку, который придумал формулу лекарства от лени,лень было её записать.

- В неопрятном туалете табличка: «Приносим извинения за удобства».

- Новый микрорайон был настроен решительно.

- Судя по алфавиту, у нас всегда было больше согласных.

Виталий
Будённый

ПОРА ЛЕЧИТЬСЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМ

Масочный прижим

Как оказалось, к введению антиэпидемиологического режима народ отнёсся не столь неоднозначно, как, например, к повышению курса доллара. Звезда овочного лотка Фаскина решительно заявила:

— Моему мужу маска не нужна: его любой вирус и без маски испугается!

А себе принялась шить средство индивидуальной защиты по выкройке из интернета. И сколько ни старалась — получались тибетейки.

— Наверное, это какой-то среднеазиатский сайт! — предположила Фаскина. — По их выкройкам хоть штаны сшей — всё равно получится тибетейка.

— Выкройка ни при чём! — дезавуировал её версию муж. — У тебя руки растут не оттуда!

— Но раньше росли оттуда! — строчила Фаскина.

— Переметнулись под воздействием вируса! — выдал медицинское заключение Фаскин.

Некто Стропилин начал осажать медицинские сайты с вопросом:

— Достаточно ли для дезинфекции запаха перегара?

— Достаточно, если запах свежий! — ответил ему отдел сбыта ликёро-водочного завода.

— Каждое утро освежаю! — успокоил заводских сбытовиков Стропилин и на нетвёрдых ногах отклонился от взятого было курса на аптеку.

Настроенный лояльно к любому указанию свыше, Брякин с энтузиазмом откопал на антресолях маску и отправился в магазин.

— Без маски — нельзя! — стеной возник охранник.

— Я в маске! — попытался найти брешь в заграждении Брякин.

— В маске зайчика! — уточнил охранник.

— Правильно! — согласился Брякин. — Но случаев заболевания ковидом среди зайцев не зарегистрировано!

— Ты бы ещё в костюмчике снежинки встал на борьбу с пандемией! — дала интеллектуальную трещину стена, разрушаясь под действием неосознаваемой аргументации.

Строгальская двадцать лет не могла выйти замуж. А в маске за неделю оформила новое семейное положение. Правда, когда в экстазе брачной ночи Строгальская сорвала защитное средство, начинающий муж стал зайкой и начал выговаривать слово «развод». Судя по скорости произношения, на окончательное озвучивание антиматримониального намерения у него уйдёт месяца два. И то, если не будет спать.

Барабанов активно поддержал идею защиты органов дыхания, убедив жену, что для большего эффекта рот под маской следует заклеивать скотчем. Новатор неделю наслаждался тишиной в квартире. Но потом, не выдержав, гаркнул супруге в ухо:

— Прекрати орать на меня бровями!

Барабантова утихомирила брови и на пальцах продемонстрировала благоверному гороскоп на ближайшие два часа.

Семикатский не снимал маску даже во время еды. И не важно, что он съел десяток масок. Хуже, что от завязок так оттопырились уши, что любой сквозняк пронёс Семикатского мимо тарелки с борщом. И для потребления пищи приходилось либо складывать уши, либо дожидаться попутного ветра.

Быстрев освоил знакомство с женщинами посредством фразы «Маска, маска, я вас знаю!». Однажды он не успел извиниться за незнание, и медицинский мир долго обсуждал осложнение от коварного вируса в виде перелома челюсти...

Хакер на незаслуженном отдыхе Дрожальский замучил техподдержку не одного сайта вопросом: «Достаточно ли установить на компьютер антивирусника или надо всё-таки надевать маску?»

И на фоне этой неоднозначности всё однозначнее становится ария мистера Икс из популярной оперетты: «Всегда быть в маске — судьба моя!»

Анатолий
Коломейский

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«Величие Бунина-художника слишком очевидно, чтобы впадать в славословия», — считает профессор Литературного института им. А.М. Горького Владимир Смирнов. К 150-летию со дня рождения классика — интервью с Людмилой Пружанской, переводчицей книги Пьера-Луи Ганьона «Исчезновение Ивана Бунина», и другие материалы.

Ещё до награждения «Блокадного дневника» Андрея Зайцева «Золотым Георгием» разразились неожиданные споры: его хвалили те, кто вроде бы должен ругать, а не приняли те, кто вроде бы должен был хвалить. Публикуем мнения об этом фильме потомков блокадников Виктора Матизена и Александра Кондрашова.

Специальный выпуск «Иностранной литературы», посвящённый столетию независимости Литвы, появился в 2018 году. Сегодня этот журнал можно увидеть без юбилейной ауры, как факт литературы и культуры. О том, чем интересен литовский номер, — в обзоре Марии Бушуевой.

ДАВАЙТЕ ПОЧИТАЕМ!

Многоязыкая лира России

Проект «Многоязыкая лира России» осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. В этом выпуске представлена литература Хакасии.

ФОЛЬКЛОР ХАКАСИИ

Похта Крис ищет сестру Огану Арыг

Отрывок из сказания

Альбина Куржибекова

Родилась в 1951 году в селе Устинкино Орджоникидзевского района Республики Хакасии. Своим творчеством продолжает семейную сказительскую традицию и хранит в памяти значительный ряд фольклорных произведений, в том числе сказаний. Выпустила два сборника тахпахов (малый жанр народной хакасской поэзии), два сказания, а также три книги переводов. Член Союза писателей России. Председатель правления Союза писателей Хакасии. Лауреат литературной премии главы Республики Хакасии в области поэзии имени Моисея Баинова. Живёт в Абакане.

Много ханств алып* объехал. Весть о том, кого он ищет, Впереди него бежала, Но следы Оганы Арыг Затерялись так далеко, Что никто не мог ответить, Где искать её надежней... Вот алып, с болотом рядом Проезжая, слышит песню Молодого лягушонка, Обращённую к невесте:

— Живу я меж кочек в болотной водице, Еды-мошкары здесь избыток большой. Зелёной одеждой могу похвалиться, И голос все любят раскатистый мой... Лицо моё — луна красивая. Пятнистое, курносое оно, Владею я могучей силою, И подвиги свершать мне суждено!

— Ай, хвастун какой! — лягушка Рассмеялась и нырнула В воду, жениха обрызгав. Похта Крис развеселился И, уставший и голодный, На костре поджарил мясо, Подкрепился, ободрился, Жеребца пастись отправил И хотел вздремнуть немного, Но нежданно снова песня Овладела его слухом. Присмотрелся он, увидел Мышку с крыльями большими:

— Я мышка, но крылья имею. Боятся меня мошкара, комары. Летать на охоте я ловко умею, Всю ночь до утренней светлой поры. Алып, огорчён ты потерей Сестрички Оганы Арыг. Тебе сострадаю я очень и верю: Поможем мы тайну открыть.

Хан подумал благодарно: «Люди, птицы, звери, змеи — Все семьи единой дети. И земля — всем мать родная. Ведь когда Огану Арыг Первый раз искал я долго, Соловей мне тоже песней Подсказал, что зайцем серым В тальниках она бедует. Я, наверное, не буду Бить стрелой своих собратьев...»

...Утром ранним снова песня Разбудила Похта Криса — Жаворонка он услышал:

— В шубке из перьев, шелками украшенный, В небо взлетаю, чтоб встретить зарю, И песней весёлой бужу

всех проспавших И солнечный день всем дарю. Летаю я за дальние, глубокие моря. И поднимаюсь над тасхылами**

высокими. Немало разных стран чудесных видел я, Но лучше всех хакасская обширная земля, С её озёрами и реками глубокими.

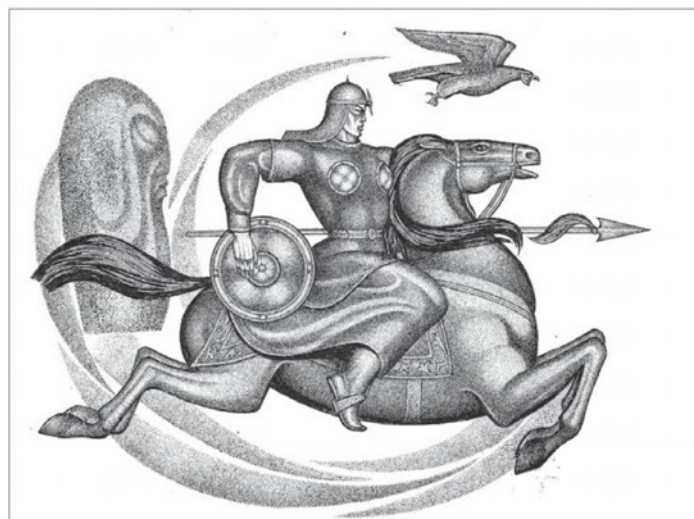
Улыбнулся хан и снова, Оседлав коня, поехал В поисках Оганы Арыг. Вдруг скакун алып вздрогнул И застыл на месте, чтобы Не задеть копытом круглым Тело ящерицы проворной. А она, чуть не погибнув, Песенку свою запела:

— Спасает меня от врагов кровожадных Одежды пятнистый, зелёный наряд. Но если бы стала цветком

красно-жарким, Приметной гордыней сняла бы я... Но мне суждена незавидная участь: Среди барсуков, удавов и змей Живу в постоянном я страхе и мучусь, И прячусь от хитрых и жадных зверей.

А барсук, услышав песню, Захотел схватить певичцу, Но она вильнула ловко, Затанцалась, как растенье. И барсук ни с чем остался, Проворчал тогда с досады:

— Жирным меня, барсука, называют — Не каждый таким толстяком сможет стать. Нет, я не хочу жить голодным, страдая! Не лучше ли сытому сладко поспать? Ящерица, меняя голос, Барсука передразнила:

— Может быть, правда — я жирный и толстый? Может быть, правда — жир лишний во мне? Съев бы меня, ты б жирок не нарастил: Явно тебя я умней и стройней. Жить хорошо мне в зелёном наряде — Быстро скрываюсь я в нём от врагов. Красному платью была бы не рада — Стала б добычей для лис, барсуков.

Песни птичек и зверушек Прибавляли Похта Крису Сил для поисков сестрицы. Как-то к вечеру поближе Похта Крис к реке подъехал, И увидел, и услышал, Как девушки, парни дружно Водят пляски-хороводы. А сорока, наблюдая Игры молодых, стрекочет:

— На ветке жёлтой тальниковой Люблю я качаться, смотреть На ваши забавы весёлые И песенки громкие петь. Ещё я люблю похвалиться Походкой с подскоком лихой, Штанами из чёрного плеса, Как будто богач я какой, Рубашкой белой шёлковой, Красивой шапкой суконной.

Солнце голову склонило. Вот и вечер наступает. Похта Крис у водоёма Отдохнуть решил немного. Смотрит — щука под водою Затанцалась, ждёт добычу:

— Одежда — в полосках зелёных, Почти невидимка я в ней.

Люблю караулить в затонах Беспечных ельцов, пескарей. В стоячей воде, меж травинков, Умею обманчиво спать И маленьких рыбок невинных Умею внезапно хватать.

Рыбки мелкие резвятся, Но, заметив щуку, тоже Затанцались, испугались:

— Зубастая щука на илистом дне Притворно застыла, как будто во сне. Ни днём и ни ночью ей, жадной, не спится, Коварная, хитрая — съесть нас стремится.

Засыпая, хан подумал: «Жизнь у рыб, похоже, тоже, Как у всех зверей таёжных, Как у всех людей, однако, По одним законам жёстким: Кто сильнее — тот успешней, Кто хитрее — тот богаче...»

Утром, сбросив одеяло Серебристого тумана, Похта Крис росой умылся. Оседлав коня и снова Он на поиски сестрицы Поскакал быстрее ветра. Жеребец игрене-красный Мчал алып Похта Криса, Обгоняя птиц в полёте, Над долинами речными, Над озёрами, степями, Над тасхылами, горами...

Перевод Юрия Иванова

* Алып — богатырь.
** Тасхыл — гора.

Возвращение Тэмучина

Отрывок из романа

Владимир Балашов

Родился в 1949 году в Костромской области. Окончил Московский институт инженеров геодезии, аэрофото-съемки и картографии, Литературный институт им. А. М. Горького. Переехал в Хакасию в начале 70-х годов. Автор семи книг прозы. Кавалер Золотого Почётного знака «Достоиние Сибири» Сибирского межрегионального отделения национального фонда «Общественное признание». Лауреат литературной премии главы Республики Хакасии им. Николая Доможакова. Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Член Союза фотохудожников России. Заслуженный работник культуры Республики Хакасии. Живёт в посёлке Майна (округ города Саяногорска Республики Хакасии).

...Ему снова снилось детство. Та же степь вокруг, он и младший брат Хасар соревнуются в стрельбе из лука... Он с удовлетворением отмечает, что стрелы Хасара почти всегда попадают в цель и всё сильнее вонзаются в кусок грубой бычьей шкуры. Выдёргивая торчащие стрелы, он видит, как мать Озлун вышла из юрты и, окинув взглядом затанцованный тучами горизонт, направляется к ним.

— Бектер за сопкой пасёт коней. Подмените брата, и пусть он придёт поест. Он молча кивнул и взмахом руки позвал с собой младшего брата. Захватили и луки, чтобы по пути настрелять жирных зурманов.

Он уже всё реже вспоминает недавние трагические события: то, как отца отравили татары, встретившиеся ему на обратном пути из стойбища унгиратов; то, как прискакал за ним Мунлик, чтобы позвать на похороны; даже страшные слова шамана после похорон: «Татары не случайно отравили Есугай-багатура! Раньше они боялись его, но теперь возмечтались напасть и перебить всех нас от мала до велика. Они жаждут большой мести! Если же мы уйдём и оставим им жён и детей Есугай, то, скорее всего, они насытятся кровью и не станут преследовать!» Вот так они и остались одни: без роду, без племени...

Но страшнее слов шамана прозвучали слова, сказанные тогда полубратом Бектером: «Это ты, Тэмучин, во всём виноват! Духи сказали шаману о страшной угрозе всему племени от одного из детей отца Есугая. Нас потому и изгнали, что именно в твоей руке при рождении оказался кусок запёкшейся крови! Лучше бы ты навсегда оставался в стойбище Дэй-сечена!»

По пути к вершине сопки Хасар вдруг признался: — А Бектер сегодня опять ударил меня. А потом ещё сказал, что, пусть ты и рождён от главной жены Озлун, а он от Сочихэйд, зато, согласно степному закону, скоро возьмёт вдову Озлун в жёны. И тогда он станет главным!

Слова младшего брата вызвали в нём такую вспышку ярости,

что даже в глазах потемнело — и мысль покарать полубрата тут же вспыхнула в его мозгу. Причём уже не в первый раз.

«Подлый Бектер! Он ведь знает, что двор отца всегда переходит к младшему сыну от главной жены, то есть к Тэмугэ, — размышлял он в ярости. — Недаром мать называет младшего Отчигином! И это Тэмугэ надлежит заботиться о жёнах своего отца, но никак не Бектеру! А полубрат возомнил, что таким образом сможет стать главным! Забыл, что хоть он и сильнее, а кроме того, жесток и подл — не так же смертен, как и все вокруг? Из-за своего коварства он достоин смерти и братом оставался лишь до той поры, пока не стал претендовать на мать Озлун».

Мысли о возмездии в его голове оформились окончательно.

— Мы убьём Бектера!

— Да, он сильный и больно бьёт, но стрела моего лука сильнее его! — поддержал Хасар, и глаза младшего брата зажглись огнём мести.

— Тогда мы выстрелим в него разом, и на каждом будет только половина вины!

Увидев дремлющего на взгорке Бектера, они, словно при охоте на дичь, легли в высокую траву и поползли, оглябая ничего не подозревающую жертву с двух сторон. Привстав и пустив стрелу, он увидел, как то же самое сделал Хасар. И ненавистный полубрат, не проронив ни звука, повалился на спину. Когда они подошли, держа луки наготове, тот был уже мёртв — оставалось только забрать свои стрелы...

Вернувшись, он даже не успел ничего сказать, ибо мать всё поняла по их лицам. Она обессиленно села на землю и горестно обхватила голову руками.

— Что вы натворили! Вы убили его, словно лютые звери, ослеплённые злобой, словно коршуны, нападающие на свою тень! Вместо того чтобы убивать друг друга, вам следовало бы отомстить тайчжунд — ведь причинённый нам позор ещё не смыт их кровью! И нет у вас, убийц своего брата, теперь друзей, кроме собственной тени!..

— Будучи сильнее, он постоянно бил Хасара и отнимал у него добычу! — только и нашёл, что сказать в оправдание он, поскольку ни за что бы не признался, что причиной расправы над полубратом стала именно она, мать Озлун.

Это лишь кажется, что, совершив справедливое убийство, человек не страдает и не раскаивается в содеянном. Ведь это совсем не воинский подвиг, которым гордятся и о котором можно рассказывать много раз, припоминая всё больше и больше подробности. Убив беззащитного, начинаешь искать оправдания и, не найдя их, страдаешь всё больше и больше. Особенно когда дело касается близкого родственника, с которым жил рядом много лет, делил кров и пищу. Когда дело касается единой крови...

— Почему я не любил своего сводного брата, почему у меня часто возникало желание сделать ему больно? — задавал он через несколько дней самый важный вопрос матери Озлун. — И почему он сам постоянно унижал меня и Хасара? Ведь голос крови должен был сближать нас?

— Я вижу твои мучения, Тэмучин. И, может быть, тебе станет немного легче, если я открою главную тайну, — печальная Озлун посмотрела ему прямо в глаза. — Я не хотела говорить, пока ты был маленький, — я надеялась, что эта тайна уйдёт в могилу вместе со мной. Но, видимо, так угодно Небу! Ты никогда не задумывался, почему у тебя зелёные глаза и рыжие волосы, не как у твоих братьев?

— Все говорили, что я унаследовал черты именно твоих предков.

— Да, в тебе чувствуется динлин, но не только поэтому. Твой настоящий отец был меркитом, то есть из племени «сероглазых». Ты во многом похож и на него тоже.

— Как такое могло быть, ведь мой отец Есугай-багатур?

— Когда меня похитили братья Есугая, ты уже был во мне. Поэтому вы с Бектером не единокровные братья. А значит, потому и не было между вами зова родной крови!

— Расскажи мне о моём настоящем отце!

— Твой отец Эке-чиледу был братом вождя меркитов, и из всех наших девушек он сразу выбрал в жёны меня. Когда мы ехали степью в стан меркитов, нас заметил Есугай, который ускакал, но вскоре вернулся с двумя братьями, державшими наготове луки. Сразу стали ясны их намерения, а ещё мы поняли, что стойбище их где-то неподалёку. Твой отец не испугался и собрался защищать меня, но силы были неравны и из-за любого увала могли появиться другие воины. Сердце

моё сжалось в предчувствии беды, и я сказала Эке-чиледу: «Им нужна я и наше добро, а тебя они просто убьют. Если же сохранишь свою жизнь, то пусть будет у тебя жена, похожая на меня; и коли будешь помнить обо мне, назови новую жену именем моим. Поцелуй меня и быстрее скажи к своему племени!»

— И он не вернулся за тобой с другими воинами?

— Степь велика, нелегко найти в ней потерянную жену или помощников себе. И, кроме того, в каждом становище найдутся красивые девушки...

— Это значит, я никогда не увижу своего отца?

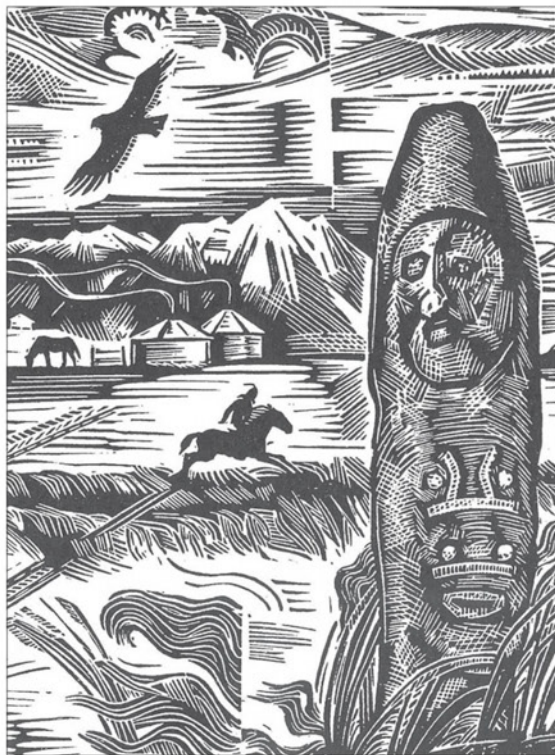
— Кто знает, кроме Вечно-го Неба? Но во всех наших легендах и сказаниях ищущие непременно находят друг друга, пусть даже через много лет.

— А почему я никогда не слышал от тебя этих легенд?

— Ты спрашивал меня про голос крови? Так вот: все люди, даже из самых дальних родов, являются братьями и сёстрами. Просто многие уже забыли, что у них один прародитель, забыли о голосе крови... Ещё в детстве я слышала легенду об этом.

— Расскажи!

— Тогда слушай. Много-много лет тому назад, когда ещё не было на земле обычных людей, поселились на кёгменской земле небесные жители: Борче-Чино — Сизый Волк и Хуу-Иней — Белая Волчица. Вскоре они настолько привыкли к жизни в степи и в тайге, что забыли о своём небесном доме. Однажды Сизый Волк охотился очень далеко — у подножья пятиглавой белоснежной горы Пургус. И тут пришла большая вода, которая поднялась всё выше и выше, пока Сизый Волк, уходя от неё, не очутился на вершине Пургуса.

— Просто у киятов, коим ты считаешься, свои легенды! Зачем было вносить сумятицу в твои мысли?..

— Но теперь я хочу их услышать!

— Мой дед, то есть твой прадед, был хайджи, и он знал очень много кип-чоохов нашего народа. А у твоей матери Озлун хорошая память, поэтому я помню многие из них до сих пор. Но, пока был жив Есугай, твою жизнь и судьба были связаны с его родом, а не с моим.

— Расскажи какой-нибудь из кип-чоохов моего прадеда. Я хочу много знать о твоём народе!

Но он очень сильно беспокоился о своей жене, поэтому бросился в бурный поток, чтобы плыть к родному дому. Только вода оказалась сильнее — и, подхватив, унесла его до самого Кёгменского хребта, отделяющего наши благодатные земли от Великой Степи. Когда вода схлынула, опечаленный Борче-Чино спустился на степные просторы и пошёл искать другую волчицу, ибо был уверен, что его жена утонула. Долго скитался он в одиночестве, потому что всё живое погибло в воде, пока не встретил одинокую Рыжую Лань, которая и стала его женой. От них

родились потом многочисленных степные племена. Но Белая Волчица тоже спаслась на одинокой скале, что возвышалась на самой вершине священной горы Умай. Когда вода ушла, Хуу-Иней — прародительница кыргызов и динлинов — нашла пещеру и произвела на свет детей от Борче-Чино. Только печаль её об утрате мужа была столь велика, что, вскормив детей, она вознеслась снова на небо — в надежде, что оттуда сможет увидеть своего Волка. Но, по-видимому, не смогла простить тому Рыжую Лань и теперь очень редко спускается на землю, да и то в чужом облики: то древней старухой, то маленькой девочкой, то прекрасным белым лебедем, а то юркой чёрной лисицей. А когда встречает ненавистных людей, то оборачивается неспешной травой с тремя корнями...

— И что, люди никогда больше не увидят Белую Волчицу?

— Не знаю. Но я помню, что в одном из кип-чоохов, который рассказывали хайджи, говорились: «Придёт время — снега выпадут, придёт время — цветы расцветут, придёт время — перелётные птицы прилетят, придёт время — ребёнок станет стариком, придёт время — кукушка закукует, придёт время — скала заплетёт песню, придёт время — Белая Волчица сойдёт на землю!» Вот только никто не знает, когда наступит это время...

— А мы вернёмся когда-нибудь на твою родину? То есть на родину наших предков!

— Хайджи часто рассказывали старое пророчество, что наша кёгменская земля родит великого воина, который волею судьбы окажется на чужбине, среди чужих народов и диких кровожадных племён. Он выживет и объединит разрозненные племена, а потом с этой силой завоюет весь мир. Он будет непримирим к жестоким и великодушен к слабым, он будет мудрым и справедливым. И пока он будет жив, всегда будет помнить о своей родине и охранять её от чужаков. Наступит время мира и благоденствия для нашего народа: все скитальцы вернуться и разожгут огонь в потухших родовых очагах — и воцарится мир на всей земле! Потом сам герой возвратится к родному очагу и, став Великим ханом, будет править долго и счастливо. После смерти он будет погребён с великими почестями в Долине Каганов, и над его могилой будет насыпан самый высокий курган, который будет виден из самых дальних уголков Койбалской степи. А Дух ушедшего в иной мир Правителя будет неустанно витать над головами живущих, защищая от врагов и несчастий... Каждая кыргызская мать и каждая мать-динлинка мечтают, чтобы это был именно её сын!

— Красивая легенда!

— Правда, конец её печален. Этот счастливый порядок на земле будет поддерживаться лишь до тех пор, пока тело героя лежит непогребённым. Если же враги смогут вскрыть

могилу и уничтожить тело, то народ страны Хагия навсегда потеряет поддержку верхнего мира и даже может полностью погибнуть. А ещё сказано, что, когда герой уйдёт в иной мир, его место на золотом троне постарается занять плохой хан, который мечтает привести кровожадных чужаков на нашу землю...

— Легенды пересказывают люди, и за много веков кто-то злой смог подменить хороший конец! Ведь правда, мама?

— Но это пророчество выбито якобы на одном из каменных-менгиров, окружающих погребальные курганы в Долине Каганов. Наверное, это послание самого Неба?

— Почему же до сих пор не родился этот великий герой?

— Это предназначение богами нашего мира Умай — время от времени рождать героев. И пусть такой ребёнок появляется у обыкновенной женщины, но он будет слеплен из плоти самой Умай. А вот силу богатыря даёт семья властелина верхнего мира — Юч-Курбустана, или Вечного Тэнгри. Поэтому они непременно должны встретиться, чтобы родить нового героя!

— Почему же они до сих пор не встретились, раз эта легенда выбита на священном камне?

— У Тэнгри-хана слишком много забот. Он творец мира, и он есть сам наш бескрайний мир. Ему подчиняются все: небожители, духи на земле и под землёй, даже сам свирепый и хитрый владыка подземного мира — рогатый старик Ирлик. Только люди не слушаются и недостаточно почитают Вечного Тэнгри, поэтому для него люди стали не значимее безмозглых букашек. Он гневается, посылает то непогоду, то небесный огонь, любящая же мать Умай постоянно заступается за неразумных... Поэтому боги и не могут никак поладить между собой!

— Значит, герой не родится никогда?

— Может быть, Умай и Тэнгри помирятся когда-нибудь? Раньше ведь у них было много детей-богатырей. Там, где располагался наш аал, по степи были разбросаны большие камни, и отец говорил, что это чаатасы — камни войны. Когда-то на наших землях жило много могучих героев, но они пересорились и стали бросать друг в друга чаатасы, пока не перебили друг друга. В нашем аале так и не родился такой силач, который смог бы просто сдвинуть хотя бы один из камней с места...

— Я давно хотел спросить, а что означает изображение птицы на большом пальце твоей руки?

— Оно означает всего лишь, что я обыкновенная женщина-динлинка. У всех динлинов на пальце изображена птица: у женщин — танцующий журавль, у мужчин — токующая глухарь. В этом пальце живёт душа человека, поэтому недостаточно поразить тело воина оружием — нужно отрубить палец с тотемом и отде-

лить душу от тела. Когда юноша становился воином, а девушка невестой, на их левом предплечье при помощи сажи с котла и острой иглы выкалывали ещё и родовую тамгу. У моего племени это был снежный барс — ирбис, у кыргызов — олень с клювом грифона. А отец твой был из рода меркитов — их тамгой был взлетающий орёл...

— Я тоже хочу тамгу!

— Придёт время, и ты сам решишь, что изобразить на твоём плече.

— Я уже знаю: это будет расправивший крылья орёл!

Да, в детстве легко преодолеваются невзгоды. Только что дальнейшая жизнь представлялась в чёрных тонах, только что твоё сердце разрывалось от горя, но достаточно доброго слова матери, просто одобрительного кивка или даже появления яркого солнца из-за туч — и уже ощущаешь себя почти счастливым. Со временем, всё больше познавая окружающий мир, начинаешь подзревать, что приходящие невзгоды вовсе не последние и что мир не так уж и доброжелателен к тебе. Когда же проживёшь достаточно лет, чтобы набраться жизненного опыта, то уже начина-

”

— Почему я не любил своего сводного брата, почему у меня часто возникало желание сделать ему больно?

“

ешь опасаться серого будущего, в котором радости всё меньше и меньше. То есть небесный рок вовсе не при чём — человек сам погружает себя в омут печали и недовольства жизнью. Если только... Да, если только не живёт в его сердце великая мечта и не ведёт его вперёд великая цель...

...Его взор устремлён в ночное небо. Звёзды, как всегда, завораживают: они наперебой мерцают во тьме, словно пытаются поведать свою величайшую тайну. А может быть, именно через них Вечный Тэнгри и разговаривает со смертными, но лишь избранным дано слышать и понимать шёпот звёзд? Шаманы утверждают, что им доступен этот язык, что они избранные Неба и могут передавать людям послания Вечного Тэнгри, способные предсказывать судьбы людей. Даже самого казана! В детстве он, помнится, панически боялся собак, а потом почти так же испытывал страх перед шаманами. Детский страх перед собаками он сумел преодолеть, но шаманы до сих пор продолжают путать его своей непонятной силой и непредсказуемостью

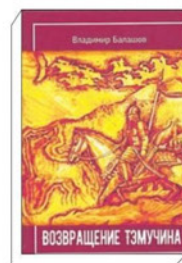
поступков. Ведь они и в самом деле очень сильно отличаются от обычных людей: им доступны нечто божественное — им доступны скрытые тайны Неба. Хотя иногда их предсказания сбываются, а иногда и нет... Но так, наверное, и должно быть, иначе шаман сравнялся бы видением будущего с самим Вечным Тэнгри? Поэтому их сила не безгранична... Кому Небо покровительствует, тому оно посылает особый, самый нужный для человека дар! Вот он, например, лучше шаманов слышит живые голоса степи и предсмертные вопли войны! Потому что — волею Вечного Голубого Неба — властвует как над миром, так и над войной...

Насколько себя помнит, он с раннего детства ощущал неотступное покровительство Неба. Недаром, когда зажигается в наступающих сумерках бесчисленное множество костров, то с вершин холма, на котором возвышается походный шатёр, ему кажется, что это звёзды опустились на землю и что сам Вечный Тэнгри прислал их в помощь ему, Чингис-хану Тэмучину. Недаром большинство осаждаемых городов после того, как защитники видят огненное отражение Неба у подножия высоких каменных стен, с первыми же лучами солнца сдаются на милость победителя. Должно быть, из страха увидеть эту сияющую картину ещё раз?.. Именно поэтому при осаде городов он приказывает разжигать множество костров — значительно больше, чем у него есть воинов...

И всё-таки самое любимое зрелище для него — это когда бесчисленные туманы всадников стекают вниз по склонам холмов и устремляются на врага — словно бы надвигается тёмная грозная туча. Сходство ещё более усиливается, когда выхваченные по команде сабли тысяч воинов одновременно вспыхивают под солнцем — и тогда будто горизонтальные молнии проносятся из конца в конец этой живой лавины. Зачастую неизбежность поражения внушается врагу вовсе не яростной атакой, а именно этой картиной отразившейся на земле небесной грозы: его непобедимые воины несут на сверкающих саблях и накопниках копий неотвратимую ярость самого Неба!

Он неоднократно наблюдал, как варят железо, как смешивают с бурой сыпучей рудой секретные порошки и получают податливую поначалу, не имеющую собственной формы огненную жидкость. Из неё мастер может отлить и отковать всё что угодно: домашнюю утварь, орудия труда, гвозди, доспехи. Но только самый талантливый кузнец умеет ковать смертоносное и непобедимое в бою оружие, от которого не существует надёжной защиты, от которого нет спасения врагам. Так что зависит лишь от кузнеца, что он сделает из податливого железа — и не случайно его имя Тэмучин означает «кузнец»... ■

На поиски могилы Чингисхана

Владимир Балашов.
Возвращение Тэмучина.
Историко-философский роман.

— Абакан:
Дом литераторов Хакасии,
2019.

— 360 с.

В своём новом романе «Возвращение Тэмучина» Владимир Балашов обращается к древней истории Хакасии и временам монгольских завоеваний. Но обращается не к общепризнанным научным описаниям, а к белым пятнам, и здесь уже художник волен в собственном видении событий далёкого прошлого.

Не следовать официальному трактовкам писателю позволило то, что биография Чингисхана, образ которого является одним из центральных в романе, сам полон тайн и противоречий. В то же время внешность создателя Монгольской империи — высокий, рыжеволосый, зеленоглазый — напоминает о некогда жившем в Саяно-Алтае европеоидном народе динлинов. Поэтому, по версии Балашова, могила создателя Монгольской империи следует искать где-то в предгорьях Западного Саяна. Однако окончательного решения не предлагается, и главный герой романа, журналист Егор, в снах которого всплывают указания от самого Потрясателя Вселенной, останавливается на пороге тайны...

Юлий Дробышев, старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, сказал во вступительном слове к книге, что её жанр «можно с известной долей условности отнести к научной фантастике, хотя сам автор первоначально определил его как историко-философский роман». Всё же, не поддерживая безоговорочно Владимира Балашова, учёный признаёт, что его гипотеза облачена в увлекательнейшую форму, а «книга читается на одном дыхании».

Инна Семёнова

Посланец Великой Степи

Сибдей Том

Сибдей Том — псевдоним Сергея Майнагашева. Родился в 1963 году в улусе Усть-База Аскизского района Республики Хакасии. Окончил Абаканский педагогический институт. Работает веб-корреспондентом сайта республиканской газеты

«Хакас чир». Автор шести сборников стихов и монографии, посвящённой проблемам хакасского стихосложения. Ведёт литературный сайт на хакасском языке, где размещает медиароман в стихах «Ковчег Тенгри». Выступает, сопровождая исполнение своих стихотворений игрой на хомусе (струнный национальный инструмент). Член Союза писателей России. Живёт в Абакане.

Я — Возвещающий,
Я — посланец Великой Степи,
Я — под солнцевосхода кровавым,
Матерь тюрков,
кумысом мой путь окропи!

Вам — потомкам кочевников,
что забыли колчан и седло,
Говорю предсечение:
не на Западе солнце взойшло.

Вам — отвергающим
отчий воздух и Бога небес —
Говорю: опрометчиво
забывать, что навеки воскрес

Хан, восседающий
на Востоке грядущих времён.
Знаком помечено
Имя, коим восславится Он.

Степи безмолвием
умудрённый и Небом до дна
Полон! Я золотом
начертаю: «Открыта страна
Света!» Вы слышите
шорох ветра, Пришельца шага?
Это только Предвестие.
Это — стихи.

Я потомок великих гуннов,
Кочевавших в степях Саяна.
Я потомок тюрков, пришедших
На остывшее пепелище,
Я потомок иных народов,
Что в искании жён и пастбищ,
В жажде крови, в горячке страсти
Шли на запад по Чьей-то воле
И исчезли в пыли столетий.
Да, я тот, я — потомок тюрков!

Может статься, кровь Тоньюкука
В моих жилах — хотя бы капля!
Время горько играет мною —
Сибдей Том, ты тоже исчезнешь.
Но хочу — почему, не знаю —
Словно гунны, оставить Имя
И загадку века тугого,
Что пронзает моё Пространство.

По степи слоняюсь...

Камни святые,
Древнюю землю
Трогаю чутко.

Ирисов свежесть
Тонко вдыхаю,
Вешнюю свежесть.

То заплетая
Чьи-то косички,
То замираю,
Слушаю шелест,
Стук и скольжение
Ветра по камню.

Воду аршана*
Пью из пригоршни
Полную света.
Правда — покуда...

С лошадыю вместе
Скачем по полю,
В беге тягаясь
С облака тенью.

Просто живу,
И не кочевник,
И не охотник,
Но их потомок.

Только забывшие
Учат и учат,
Что значит Родина,
И побеждают
Хором горластым.

По Степи слоняюсь,
Степи Великой...
А ты — Позабывший,
Встань в отдаленье
И под копыта
не попадайся.

Тщеславные юноши
Камень упавший,
Что предки подъяли,
Что символом был и печатью
Рожденья народа,
Воздвигнуть решили,
Да так,
Чтоб далёко был виден!
И что же?
Восстал он!
И вновь —
Древоумужества полон.

Воля Кагана

Город, бросивший вызов,
Обречён на сожженье.
И народ,
Как голодная свора собак,
Позабывший о долге, —
В самоуничтоженье
Должен быть остановлен мечом!

И да будет так!

Ибо воля Кагана
С волей Неба единая:
Чашу мерзости,
Шен вельмож — поперёк разруби.
Пусть мой вещий наказ
Уместится в душе благородного сына.

А прощённый народ
я велю
Распустить по Степи!

Перевод Владимира Березова

* Аршан — источник, родник.

Через тридцать сибирских зим...

Илья Новиков

Родился в 1988 году в Междуреченске (Кемеровская область). С 1991 года живёт в Абакане (Республика Хакасия). Окончил Современную гуманитарную академию по направлению «Финансы и кредит». Дипломант республиканского литературного конкурса для молодых авторов «Радуга талантов» (Абакан). Лауреат Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова в номинации «Молодое дарование». Включался в шорт-лист литературной премии им. В.П. Астафьева (Красноярск). Победил в конкурсе на соискание именной стипендии Главы Республики Хакасии для молодых литераторов. Победитель конкурса «Поэзия улиц на автобусных остановках» (Санкт-Петербург). Стихи публиковались в литературной периодике Хакасии, Красноярского края, Крыма.

Минус 30

Через тридцать сибирских зим,
Завернувшись в вишнёвый плащ,
Я вернусь к тебе чуть другим:
Смертоносен, животворящ.

Тридцать прежних моих лиц
В глубине серых глаз хранишь.
Отогнав стаю чёрных птиц,
Со слезинкою ты твердишь

Мне слова о тоске и тепле.
Горький в горло пробрался ком,
Будто утром висел в петле.
Вот что значит вернуться в дом.

Старый двор теперь не узнать —
Жертва богу метаморфоз;
Только неба родная гладь
И каскады синих стрекоз.

Хороводы жёлтых шмелей
Над сиренью, что я ломал,
И сухие кудри степей,
Поперёк которых бежал

За закатом, ласкавшим взор.
Счастье лихо вокруг цвело!
Вечерами звёздный узор.
Страшно, если гроза, зело.

Всех игрушек простыл и след,
Не укрыт коридор ковром.
По траве, за закатом вслед,
Дочь моя бежит босиком.

На неё смотрю из окна;
Тонет в мареве суходол.
Тридцать первая ждёт зима,
И трещит подо мною пол.

Мой город

В густой полныи и жарках крепчает
Сибирской крови город — Абакан.
Здесь каждого добром встречают,
Даруя освежающий айран.

Мой город мудр и неизменно предан
Своим корням, охотничьим повадкам.
И всякий миг судьбы людской поведан
Его обветренным кирпичным кладкам.

Чатханом изгоняет духов злых,
До блеска точит когти о песчанник.
И разгрызает кости дней былых,
Улёгшись брюхом на сухой торфяник.

Раскатист вой его среди курганов,
Глаза блестят в калейдоскопе лиц.
Пропах подшёрсток у костров шаманов,
Сплетён мостами барельеф ключич.

Клык-менгиры обнажив на солнце,
Пьёт воду рек, их брызгами играя.
Здесь, говорят, ходили македонцы
И караваны Древнего Китая.

Зверь-город верен спящему Саяну,
Хранящему покой тайги дремучей,
Что знал в округе каждую поляну
И был укрыт белобородой тучей.

А летний день, изъеденный людьми,
Звенит фонтаном, блещет зеркалами.
Что скоротечно проплывают дни
Над выбитыми в камне именами.

Так злополучен уходящий час —
Не раз обманом выбыл упования!
Над головами ласточки, кружась,
Затеяли за счастье состязание.

Наша весна

Смыло снег весенним дождём,
Ободряя замёрзших птиц.
Мы теперь с тобою вдвоём,
Веет светом от наших лиц.

А меж рук расцветает сад,
Что возделать нам предстоит,
И его терпкий аромат,
Как вино, нас с тобой пьянит.

Каждый день я иду к тебе,
Тяжелее ещё на грамм —
Это чувство растёт во мне,
Соразмерно моим шагам.

И, казалось бы, я тяжёл,
Я, наверное, грохочу.
А потом я смотрю на пол —
И... скорее к тебе лечу!

Пьедестал

Опустевшие окна роддома...
Зачинания низкого качества...
То фатальной усталости кома,
Торжество пустотелого ячества!

Загнетзилась внутри предателей
Гниль бесплодных голов клубьями.
А незримые корчеватели
Цветность слова терзают зубьями.

Мелют лжетворцы воду стылую,
Ждут восхода кормов подножью,
Разрастаясь толпою бескрылою
Беснослепных и боголожных,

Что шуршат перед мордою фантиком,
Расплескавшись душевною гущей,
Вслед плыют бессмертным романтикам,
Лебедой прорастая мрущей.

Вторят им ещё более тёмные,
До железного хлеба охочие,
Что роняли слова неподъёмные,
Что искусству гибель пророчили.

Слог металлом струит из горнила уст:
«Пока кома сковала нам плечи,
Пьедестал поэтический будет пуст!
Все попытчики — только предтечи...»

Но в потёмках лесов изуверных
Вызревают шиповника капли.
И как выйдет срок, словно мечены,
Разнесут их по родине цапли!